

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Бурятский государственный университет»

На правах рукописи

Чжан Янь

**ОПЫТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОМЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент

Дарбанова Надежда Александровна

Улан-Удэ – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА..	13
1.1. Основные понятия концептуального анализа в современной лингвистике.....	13
1.2. Различные подходы к трактовке концепта.....	20
1.3. Основы концептуального анализа	39
1.3.1. Концептуальное поле как средство репрезентации концепта	39
1.3.2. Особенности концептуализации действительности носителями исследуемых языков.....	45
1.4. Слово, иероглиф: соотношение понятий.....	50
1.4.1. Общее представление о китайском иероглифе	51
1.4.2. <i>Иероглиф, слово, морфема и слог</i> : к соотношению понятий.....	59
Выводы по главе I.....	71
ГЛАВА II. ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ДОМ» И «房 ФАН»	74
2.1. Концепт «Дом» и концепт «房 Фан» в русской и китайской концептосферах.....	74
2.2. Семантическая структура лексемы <i>дом</i> и иероглифа <i>房 фан</i> в русском и китайском языках: лексикографический аспект.....	79
2.3. Концепт «Дом» и концепт «房 Фан»: лексико-семантический аспект...92	
2.3.1. Синонимические ряды в раскрытии концептов «Дом» и «房 Фан» .92	

2.3.2. Образная и ценностная составляющие концептов «Дом» и «房 Фан» (по материалам Корпуса современного китайского языка и Национального корпуса русского языка)	108
Выводы по главе II.....	142
ГЛАВА III. КОНЦЕПТ «ДОМ» И КОНЦЕПТ «房 ФАН» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВЫХ СОЗНАНИЯХ	146
3.1. Репрезентация концепта «Дом» во фразеологизмах русского языка.....	146
3.2. Репрезентация концепта «房 Фан» во фразеологизмах китайского языка.....	161
3.3. Деривационное поле ключевых слов концептов «Дом» и «房 Фан»	181
3.4. Ассоциативное поле «Дом» и «房 Фан» в синхронном аспекте.....	194
3.4.1. Ассоциативное поле «Дом» в сознании носителей русского языка...	198
3.4.2. Ассоциативное поле «房 Фан» в сознании носителей китайского языка	205
Выводы по главе III.....	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	236
СПИСОК СЛОВАРЕЙ	262

Введение

Языковая картина мира, являясь отражением национальной культуры и специфики мышления, позволяет раскрыть особенности национального мироощущения и мировидения. Исходные положения представления о национальной картине мира заложены В. фон Гумбольдтом, который считал, что влияние языка на человека настолько сильно, что определяет его мышление и познавательную деятельность [Гумбольдт, 1984].

Мировидение народа отражается в характерных для языковой картины мира данного народа концептах, которые являясь основной единицей ментальности, создаются в актах познания в процессе восприятия мира. Появление такого понятия как концепт связано с возникновением антропоцентрической парадигмы, когда объектом исследования становится «языковая личность» – человек говорящий (по Ю.Н. Караулову).

На рубеже XX-XXI вв. изучение концептов и концептосфер вызывает большой интерес многих известных исследователей [Карасик, 2002, 2005, 2006; Слышкин, 2000, 2004; Вежбицкая, 2001; Воркачев, 2001, 2007; Шмелев, 2002; Стернин, Попова, 2001, 2002, 2007; Пименова, 2008, 2009, 2011; Маслова, 2008 и др.]. Многочисленные исследования концептов представляют собой стремление к выявлению национальной самобытности в отражении концептов данного языка [Степанов, 2001; Воркачев, 2001; Стернин, Попова 2007; Фещенко, 2005; Крючкова, 2009 и др.]. Особенности, существующие в сознании разных народов, формируют национальную специфику, зависящую от разных

факторов и находящую репрезентацию в языках [Парыгин, 1999; Арутюнян, 1996; Тер-Минасова, 2000; Королева, 2006; Гак, 1970, 1976, 1977; Сорокин, 1994; Голикова, 2005 и др.].

Семантическое пространство каждого языка представлено не только разнообразными национально-специфическими, своеобразными и оригинальными концептами, но и набором базовых, универсальных концептов, репрезентируемых комплектом «ключевых» слов, присущих национально-языковым картинам мира этносов (по А.Д. Шмелеву). К ним относятся такие концепты как «Родина», «Судьба», «Жизнь», «Любовь», «Дом». Универсальность этих концептов не лишает их национально-специфической окрашенности, что позволяет им стать выразителями определенной национальной культуры.

Работа посвящена лингвокогнитивному исследованию концептов «Дом» и его аналога концепта «房 Фан», существующих в сознании носителей русского и китайского языков, и выявлению их национальной специфики.

Объектом исследования являются китайский концепт «Фан» и русский концепт «Дом», **предметом** исследования становятся разноуровневые языковые средства, репрезентирующие концепты «Дом» и «房 Фан» в русском и китайском языках.

Актуальность данной диссертационной работы определяется исследовательским интересом, обусловленным значимостью концептов «Дом» и «房 Фан» в русской и китайской концептосферах, необходимостью раскрытия

их культурно-специфических особенностей, общей тенденцией современной лингвистики к изучению ментальных образований.

Концепт «Дом» ранее выступал объектом исследования в качестве фрагмента языковой картины мира с точки зрения когнитивной лингвистики как в общеязыковом семантическом пространстве русского языка, так и в индивидуально-творческой картине мира писателя Ф.М. Абрамова [Слепцова, 2009]. В рамках сопоставительного анализа концепт «Дом» рассматривался с другими концептами русского языка (например, концепт «Дом» / «Родина» [Габдуллина, 2004], концепт «Дом» внутри понятийной сферы «Повседневность» [Чулкина, 2003], в рамках межкультурной коммуникации [Богатова, 2006]. В сопоставительном плане с концептами другого языка концепт «Дом» также являлся объектом исследования – с точки зрения роли фразеологических единиц в представлении концепта «Дом» как одного из базовых элементов менталитета русского и китайского народов [Ли Ли, 2006].

Однако национальная специфика концептов «Дом» и «房 Фан», рассмотренная на широком фактическом материале с точки зрения лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов, не являлась предметом исследования.

В основу проведенного исследования положена следующая гипотеза: концепты «Дом» и «房 Фан» – это динамично развивающиеся ментальные образования, включающие в себя ряд признаков (понятийных, образных и ценностных), частично совпадающих и различающихся в русской и китайской

языковых картинах мира. Предполагается, что отличия могут быть обнаружены во всех составляющих двух аналогичных концептов.

Цель исследования заключается в установлении универсального и специфического в содержании концепта «房 Фан» в китайской языковой картине мира в сравнении с русским концептом «Дом».

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- освещение теоретических вопросов, связанных с особенностями концептуального анализа, установление терминологического аппарата, используемого в исследовании при изучении обозначенного концепта;

- уточнение понятий «иероглиф», «слово», «морфема», «слог» в современной китайской лингвистике;

- описание семантического содержания концептов «Дом» и «房 Фан» в современной русской и китайской языковой картине мира и их вербализации в исследуемых языках с привлечением фактов истории языка посредством анализа словарных дефиниций и синонимических рядов ключевых слов *дом* и иероглифа *房 фан* изучаемых концептов;

- изучение особенностей образной и ценностной составляющих концептов «Дом» и «房 Фан» на материале часто употребляемых словосочетаний в публицистических и художественных текстах (по материалам Национального корпуса русского языка и Корпуса современного китайского языка);

- экспликация концептов «Дом» и «房 Фан» в русской и китайской фразеологии, деривационных и ассоциативных полях, включающих сведения о

содержании концептов в сознании современных русских и китайцев;

- характеристика концептуальных признаков концептов «Дом» и «房 房» в русском и китайском языковых сознаниях.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые на широком фактическом материале с точки зрения лингвокультурологии и лингвокогнитивистики исследуется китайский концепт «房 房» и русский концепт «Дом», при этом впервые определяются и систематизируются концептуальные признаки, объективирующие концепт «房 房» в сознании китайского народа.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в ней показана продуктивность применения ряда подходов к изучению концепта. При этом подчёркивается важность роли языковых средств, призванных отражать национально-специфическое содержание концептов «Дом» и «房 房». Проведённые результаты исследования содействуют дальнейшему изучению лингвокогнитивистики и лингвокультурологии как специальных областей знания и разработке современных концептуальных и когнитивных методик исследования. Показано, что концепты «Дом» и «房 房» являются важными фрагментами языковой картины мира в русской и китайской лингвокультурах.

Практическая значимость выполненной работы заключается в том, что её результаты могут найти возможность применения в курсах по страноведению, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Результаты работы могут быть использованы в качестве актуального материала на практических

занятиях по китайскому языку, при подготовке научных работ по лингвокогнитивному и лингвокультурологическому исследованиям языковой картины мира.

Материалом исследования послужили лексикографические источники (более 20 словарей различного типа), Национальный корпус русского языка, Корпус современного китайского языка (тексты художественные, публицистические и др.), картотека сочетаемости ядерных репрезентантов концептуального содержания, экспериментальные данные.

В работе использовались следующие **методы**: структурно-системный метод, концептуальный (семантико-когнитивный) и семантический анализ, компонентный и интерпретативный анализ, приемы этимологического анализа, количественного анализа и вербально-ассоциативный эксперимент.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Концепты «Дом» и «房 Фан» представляют собой часть концепта «мироздания», который устанавливает связь с деятельностью человека.

2. Общее содержание концептов «Дом» и «房 Фан» в русском и китайском языковом сознании сводятся к следующим признакам: а) понятийную сторону этих двух аналогичных концептов составляет комбинация следующих признаков – «здание, постройка для проживания или других предназначений», «квартира, где живет семья», но в разных пропорциях в исследуемых языках; б) образную и ценностную стороны привлекаемых концептов формируют общие концептуальные признаки, например, «теплый», «уютный», «для размещения

семьи» и др.

3. Основные отличия в представлении концептов «Дом» и «房 Фан» в русском и китайском языковом сознании сводятся к следующему: а) по понятийной стороне для концепта «Дом» важным представляется признак «семья, родина», в содержании концепта «房 Фан» данный признак присутствует, но не так важен, как в концепте «Дом». Также в концепте «Дом» присутствуют такие признаки, как «родные, близкие», «прошлое», «детство». В сравнении с концептом «Дом», концепт «房 Фан» характеризуется другими понятийными признаками, такими как «недвижимость», «наиболее ценное наследство от родителей», «товар для покупки и продажи на рынке жилья»; б) концепт «Дом» характеризуется концептуальными признаками моральных качеств человека, например: *добрый – злой, гостеприимный – негостеприимный*, которые отсутствуют в ценностной составляющей концепта «房 Фан». Концептуальные признаки обоих концептов достаточно разнообразны, могут воплощаться в устойчивых метафорах: русский *дом – крепость, щит*, китайский *房 фан – гавань, корень*.

4. В русле данного диссертационного исследования для выявления общих и отличительных признаков двух аналогичных концептов целесообразным явилось применение комплексной методики выявления концепта и изучение разнообразных средств, отражающих содержание концептов «Дом» и «房 Фан».

Апробация результатов исследования:

Результаты исследования были апробированы на XXVI международной научной конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, 2016); на международной научной конференции «Россия-Азия: Ценностные установки и социальный опыт» (БГУ, 2011), всероссийской (с международным участием) научной конференции «Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков», посвящённой 85-летию проф. В.И. Золхоева (БГУ, 2013), на конференциях студентов и аспирантов БГУ 2012г. и 2014 г., региональной научно-практической конференции «Славянская культура в зеркале языка: история и современность» (БГУ, 2015).

Материалы диссертации изложены в 9 работах, из которых три научные статьи опубликованы в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ (общий объем публикаций 49 страниц – 6,125 печатных листов).

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы, список использованных словарей. Общий объём диссертации составляет 266 страниц печатного текста.

Во Введении обосновываются актуальность и новизна исследуемых проблем, формулируются цели и задачи работы, отмечается ее теоретическая и практическая значимость, сообщается об основных методах исследования, перечисляются вынесенные на защиту положения, основные теоретические предпосылки исследования.

В первой главе «Теоретические основы концептуального анализа» рассматриваются понятия концепта, языковой картины мира, основы методики концептуального анализа, разные подходы к данной проблематике, существующие в современной лингвистике. Также приводятся разные взгляды на проблему соотношения понятий «слово» и «иероглиф» в современном китаеведении.

Во второй главе «Языковая объективация концептов «Дом» и «房 Фан»» выявляется семантическая структура лексемы *дом* и иероглифа *房 фан* в русском и китайском языках, устанавливается роль синонимических рядов в репрезентации концептов «Дом» и «房 Фан», реконструируется образная и ценностная составляющие данных концептов по материалам Национального корпуса русского языка и Корпуса современного китайского языка.

Третья глава «Концепт «Дом» и концепт «房 Фан» в русском и китайском языковых сознаниях» посвящена описанию репрезентации исследуемых концептов во фразеологизмах русского и китайского языков, построению деривационных полей ключевых слов реконструируемых концептов и ассоциативных полей, существующих в сознании носителей исследуемых языков.

В Заключении подводятся общие итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения концептов «Дом» и «房 Фан» в русском и китайском языках.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

1.1. Основные понятия концептуального анализа в современной лингвистике

В последние годы усилился интерес исследователей к вопросам взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Язык выступает хранителем как общечеловеческой, так и национальной культуры, в языковых знаках заложены наблюдения народа над собой и окружающим миром.

Теория В. фон Гумбольдта инициировала различные подходы, исходящие из того, что категоризация мыслительной деятельности и мира, которую воспринимает и в которой действует индивид, обеспечивается языком.

Проблемы языка и культуры разрабатываются в нескольких направлениях, одним из которых является *этнолингвистика* (основоположник Ф. Боас), представленная в русистике работами А. А. Потебни, Д. К. Зеленина, Б.А. Ларина, Н.С. Трубецкого, Н.И. Толстого и др. В рамках данного направления раскрываются проблемы культурной семантики слова, народной этимологии, изучаются концептуальные фрагменты языковой картины мира, обосновываются различные способы интерпретации внутренней формы того или иного слова. Задачей этнолингвистики является анализ использования языка в различных языковых ситуациях в разных социальных слоях и группах.

Для другого фундаментального лингводидактического направления —

лингвокультурологии – доминирующим является комплексное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке. Контрастивный анализ культурологических сфер разных языков проводится на основе теории лингвистической относительности (теория Сепира-Уорфа), где представлена попытка связать две статистические сущности: язык и мыслительный образ, в связи с чем, особо выделяется соотношение языка и картины мира. В соответствии с данной теорией структура языка и системная семантика его единиц взаимосвязаны со структурой мышления и способом познания окружающей действительности, мира того или иного народа. «Каждый язык представляет собой огромную модель – систему, отличную от других, в которой существуют культурно предписанные формы и категории, посредством которых личность не только общается, но также анализирует природу, замечает или игнорирует отношения и явления, направляет свои рассуждения и строит мир своего сознания» [Whorf, 1956, p. 256].

В основе концепций Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа лежит теория языка, которая рассматривает культуру как абстрактную систему зависимостей языковых единиц (вне дихотомии «язык – речь»), общим для них является когнитивное понимание культуры как мыслительного конструкта. Большое внимание уделяется языку как отражению объективной, чаще всего физической и социальной реальности.

Теория лингвистической относительности, в которой основное внимание

уделяется статистическим аспектам исследуемых явлений, вызвала интерес к динамическим аспектам взаимодействия языка и культуры. Данный подход получил название «*этнография говорения*» (в последующем, «этнография общения», коммуникации). Пионером данного подхода является Д. Хаймс, который привлек особое внимание к речи как системе культурно обусловленного поведения и к речевой деятельности языкового сообщества как объекту исследования. Следовательно, на первый план выходит речь как средство связи между индивидами и ситуациями, в которых они находятся [Hymes, 1995].

У. Чейф и Т. ван Дейк подвели под динамические речевые сущности когнитивную платформу, что позволило объединить язык и культуру, обратив внимание на рассмотрение причин, процессов и результатов речевой деятельности носителей языка в когнитивном аспекте [Palmer, 1996]. Г. Пальмер предложил такой подход назвать *культурологической лингвистикой*.

Идеи В. фон Гумбольдта о национальной картине мира получили развитие в концепции А.А. Потебни, согласно которой внутренняя форма слова отражает его национальную специфику. «Как отдельное слово становится между человеком и предметом, так и весь язык (как мирозерцание высшей единицы народа) – между человеком и действующей на него природой... Человек, выисывая из себя язык, тем же актом вплетает себя в его ткань; каждый народ обведен кругом своего языка и выйти из этого круга может, только перешедши в другой» [Потебня, 1993, с. 29].

Язык, являясь средством коммуникации между членами общества, отражает многие аспекты культуры этноса, а значит, «структура языка является порождением двух важных факторов: один – внутренний (т.е. ум индивидуального говорящего), другой – внешний (а именно, культура, общая с другими говорящими на том же языке)» [Ченки, 2002, с. 340].

Таким образом, язык является отражением коммуникативных, психологических, культурных и функциональных факторов. В языковом знаке человек фиксирует результат познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется «языковая картина мира», «языковая репрезентация мира» и «языковая модель мира».

Следует отметить, что образы и семантические модели любой языковой картины мира приспособлены к субъективному образу окружающего мира, который, в свою очередь, всегда ограничен опытом общества в целом.

Свойственные носителям языка представления о мире находят отражения в семантике языковых единиц, что, в свою очередь, является определяющим для культуры, пользующейся этим языком. «С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей

культуры» [Вежбицкая, 2001, с. 5].

Взаимосвязанность языка и мышления влечет двусторонность языкового знака, который, с одной стороны, является отражением образа мышления носителя языка и, с другой стороны, формирует его. Языковая картина мира создает тип отношения человека к окружающему миру и к себе как частице этого мироздания.

Таким образом, национальная специфика как совокупность историко-культурных факторов, устойчивых традиций и обычаев прикреплена к мышлению определенного народа и человека, относящегося к этому этносу. Соответственно, по мнению Анны Вежбицкой, язык носит антропоцентрический характер, поэтому он отражает своеобразие как в культуре, традиции, истории, так и в национальном характере его носителей.

В.В. Красных в своей работе отмечает, что «индивидуальное когнитивное пространство – это определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая языковая личность, каждый человек говорящий»; коллективное знание – «определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум», национальное знание – «определённым образом структурированно-детерминированные и минимизированные представления того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» [Красных, 1998, с. 44–45].

И согласно точке зрения С.Г. Воркачева, «языковая личность» может восприниматься как «закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определённого языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отражённых в словаре, – личность словарная, этносемантическая» [Воркачев, 2001, с. 66]. Для языковой личности наиболее важным представляется её коллективный характер, то есть её национальность. Необходимо дополнить, что формирование языка культуры осуществляется в результате взаимодействия индивидов, находящихся в общем этнокультурном пространстве.

«При характеристике языка как общественного явления следует также учитывать его зависимость от изменения состояния человеческого общества... Язык способен отражать изменение в жизни общества в более широком плане, во всех его сферах, что существенным образом отличает от всех других общественных явлений» [Серебренников, 1970, с. 431]. Важным при исследовании специфики национальных представлений является положение о том, что языковое состояние также зависит от характера экономических формаций и формы государства.

Как справедливо высказывает Е. Г. Беляевская, «язык рассматривается как своеобразная упаковка знаний (включая знания о мире и знания о языковой системе) и мыслительного содержания, передаваемого в процессе коммуникации» [Беляевская,

1992, с. 3].

Следует согласиться с точкой зрения Н. И. Толстого, что «язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии, ...для многих случаев он является единственным источником истории народа, а также его духа» [Толстой, 1995, с. 15].

Итак, национальная специфика языков выступает в качестве инструмента сохранения и передачи культуры, истории, традиции, искусства и других знаний, в свою очередь, язык служит носителем выражения национальной специфики данного народа. Соответственно, обнаружение национальной специфики осуществляется при исследовании языка.

Но необходимо дополнить, что сложность исследования национальной специфики заключается в том, что она находится в состоянии постоянного развития и творчества, поскольку влияющие на нее факторы, связанные с культурой, обществом, традицией, обычаем и т.д., также всегда изменяются и развиваются.

Концепт как культурно-ментально-языковое явление занимает одно из ведущих мест в раскрытии национальной специфики языков. Концепты «отражают национальное языковое сознание» [Лихачев, 1993, с. 5]; «характеризуют носителей определённой этнокультурной спецификой» [Нерознак, 1998, с. 82]; «представляют собой ключевой аспект для номинации национального менталитета как специфического отношения к действительности» [Воркачев, 2001, с. 49]; «предоставляют достоверное и надёжное сведение об универсальных чертах духа народа» [Маслова, 2008, с. 44]; «дают нам возможность подойти к изучению

материальной и духовной самобытности этноса» [Вепова, 2005, с. 197].

Сказанное выше даёт основания для заключения, что концепт как микромодель когнитивного национального менталитета служит инструментом для раскрытия национальной специфики в сознании носителей языка данного этноса. Соответственно, языковая картина мира связана с концептуальной картиной мира. По мнению Е.С. Кубряковой, взаимоотношения языковой и концептуальной картин мира выражены в том, что элементы языковой картины мира служат средством экспликации элементов наивной картины мира и строятся по общему с ней принципу категоризации. Языковая картина мира, являясь проекцией концептуальной системы нашего знания, представляет собой «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого, это своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющее на членение опыта и виденье ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но, в известной мере, и правила их образования и функционирования» [Кубрякова, 1997, с. 47].

1.2. Различные подходы к трактовке концепта

Современная наука ещё не разработала универсальной модели для выявления концепта, об этом свидетельствует наличие различных подходов к его изучению.

Разноплановость явлений, составляющих содержание концепта,

обусловила значительное разнообразие его трактовок.

Результаты исследований позволяют говорить о существовании по крайней мере трёх аспектов рассмотрения концепта, каждый из которых обладает своими особыми мнениями для определения и установки структуры концепта.

Первый аспект – *лингвокультурологический*, по мнению представителей этого направления [Слышкин 2000; Степанов, 2001; Вежбицкая 2001; Шмелев 2002; и др.], концепт служит основной «ячейкой культуры» в картине мира человека, интерпретация концепта позволяет выявить национальную специфику в восприятии носителей языка и культуры.

Принципиальным для понимания природы лингвокультурного концепта является мнение Ю. С. Степанова, который подчеркивает, что концепт неразрывно связан с миром культуры. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2001, с. 40].

С позиции Ю.С. Степанова, к концепту относятся всё, в том числе, факты культуры, истории, современные ассоциации, оценки, коннотации, и таким образом, в структуру концепта входят три слоя: 1) основной, актуальный признак (современные ассоциации и оценки); 2) исторические признаки, являющиеся дополнительными; 3) внутренняя форма, или этимология [Степанов, 2001, с.48].

Похожие высказывания появляются в работах Г. Г. Слышкина [Слышкин 2000], С. Г. Воркачева [Воркачев 2001, 2007] и др. Основное внимание уделено «понятийной стороне концепта», представляющей собой его языковую фиксацию. В содержание понятийной стороны концепта входят обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, являясь маркерами «личного и народного опыта человека». Как видно из их описаний структурной модели концепта, понятийный элемент формируется актуальной информацией о реальном объекте действительности [Слышкин 2000; Воркачев, 2001, 2007].

Кроме понятийной стороны в структуру также входят образная и ценностная стороны концепта. Образный элемент всегда связывается с обонянием, зрительным, слуховым, тактильным, вкусовым чувствами человека, это элемент, характеризующий предметы, явления, события в нашей памяти, в состав концепта с образной стороны входят типовое представление, гештальт, прототип, стереотип, символ и пр. [Воркачев, 2001, с. 54]. Ценностная сторона акцентирует внимание на оценке (симпатии и антипатии) исследуемого концепта, содержащей исследование дополнительных признаков концепта и играющей значительную роль в различении аналогичных концептов.

Таким образом, с позиции лингвокультурологии структура концепта трёхслойная, наиболее важным для ядра концепта представляется понятийный слой, образный и ценностно-оценочный слои входят в периферию. Необходимо

дополнить, что сложность и многомерность структуры лингвокультурного концепта проявляется в его вариативно-дискурсивных и тезаурусных свойствах.

Второй аспект – лингвокогнитивный, его сторонниками являются Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачёв, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А.П. Бабушкин, Е. К. Абрамова и др. Типическое восприятие концепта в данном направлении выражено словами Е.С. Кубряковой: «концепт – единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с. 89-90].

В когнитивной лингвистике особого внимания заслуживает вопрос об интерпретации связи между концептами и объективирующими их языковыми формами.

Третий аспект – психолингвистический. С точки зрения психолингвистики, концепт понимается как набор концептуальных признаков, полученных из лингвистического анализа всех связанных языковых единиц [Никитин, 2004; Попова, Стернин, 2002, 2007; Маслова, 2008; Шарикова, 2008 и др.]. Всестороннему психолингвистическому анализу подвергается лексема, выражающая некий образ, участвующий в формировании языковой картины мира, соответственно, являющийся выражением национального языкового сознания. Как поясняет М.В. Никитин, к структуре концепта относятся образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал

[Никитин, 2004, с. 59–60].

Представители Воронежской школы З.Д. Попова и И.А. Стернин теоретически обосновывают модель концепта. Они полагают, что структура концепта многослойна. Но, в отличие от лингвокультурологического подхода, к ядру концепта З.Д. Попова и И.А. Стернин относят «базовый чувственный образ, включающий перцептивный, когнитивный образ, принадлежащий бытийному слою сознания. Кроме базового чувственного слоя в структуре концепта выделяются более абстрактные слои, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания» [Попова, 2002, с. 23]. Последним слоем структуры концепта служит интерпретационное поле, включающее оценку содержания концепта и интерпретирующее отдельные когнитивные признаки.

Принципиально важным для нашего исследования является понимание концепта В. А. Масловой, в котором пересекаются направления лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Предложенный ею комплексный подход при реконструкции концепта предполагает полевую структурированность концепта. К ядру относятся словарные значения ключевых слов. Именно материалы словарей (толковых, словообразовательных, этимологических, энциклопедических и др.) предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, то есть в образовании ядра концепта входят факты культуры, истории и др. Периферия представлена субъективным опытом, различными прагматическими

составляющими ядерной лексемы, коннотациями и ассоциациями [Маслова, 2008, с. 65].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, исследование концепта проходит в два этапа: первый этап связан с построением номинативного поля, предполагается анализ номинации концепта (ключевого слова), словосочетаний, синонимических рядов и других лексико-тематических групп. Номинативное поле включает единицы всех частей речи [Попова, Стернин, 2007, с. 129]. В номинативное поле также включают устойчивые сравнения, лексико-фразеологическое, деривационное, ассоциативное, паремиологическое поля ключевого слова – репрезентанта концепта. Во второй этап входит реконструкция структуры концепта [Попова, Стернин, 2007; Шарикова, 2008]. Как считает Л.А. Шарикова, первый этап необходимо дополнить лингвокультурологическим анализом, чтобы объяснить ценностные варианты типизированной актуализации концепта [Шарикова, 2008, с. 277].

В.В. Красных обращает особое внимание на роль ассоциации в исследовании концепта и отмечает, что «вся ассоциативно-вербальная сеть представляет собой «стереотипное поле», репрезентирующее концептосферу того или иного национально-лингвокультурного сообщества. С данным полем неразрывно связаны концепты, бытующие в том или ином языковом сознании» [Красных, 2002, с. 181].

По мнению В.И. Карасика, «концепт – единица концептосферы, т.е. упорядоченной совокупности единиц мышления народа» [Карасик, 2006, с. 151].

В работе «Иная ментальность» им отмечается, что «типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость даёт возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [Карасик, 2005, с. 8].

Следовательно, концепт – многогранный феномен, его можно и необходимо рассматривать в различных аспектах: лингвокультурологическом, лингвокогнитивном, психолингвистическом.

В нашей работе концепт рассматривается в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах как сложное ментальное образование с многослойной и полевой структурой.

Что касается подходов к изучению концепта, то их динамика в значительной мере соотносится с общими тенденциями развития семантики, лингвокультурологии, психолингвистики и других наук о человеческом языке, культуре и сознании, но, к сожалению, не существует одного, самого верного и точного, для исследования концепта. Состояние осложняется ещё и тем, что различные подходы к проблеме изучения концепта во многом пересекаются, и таким образом, в процессе исследования концепта вынуждены сочетаться подходы в рамках разных научных направлений.

Выполнение задач нашего исследования требует рассмотрения

необходимых подходов для изучения концепта.

Параметрический подход к исследованию концепта основан на идее о том, что «концепт представляет собой многомерное идеализированное формообразование, для носителя языка он не является монолитным, включая в себя относительное число семантических параметров, степень выраженности которых поддается количественному измерению» [Ляпин, 1997, с.16]. Семантический анализ концепта даёт нам возможность выделить множество потенциально возможных параметров, по которым можно построить модель концепта через интерпретацию семантических связей в сознании носителей языка.

С позиций параметрического подхода широко применяется в разных целях метод семантического дифференциала. Как один из основателей этого направления Ч. Осгуд [Osgood et al. 1957] полагает, что метод семантического дифференциала предоставляет нам возможность измерять прагматическое и коннотативное значение слова [Osgood et al. 1957] и «является в основном комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования» [Osgood , 1962]. По мнению Ч. Осгуда, в методике семантического дифференциала процесс описания исследуемого объекта может проводиться таким образом: помещать исследуемый объект в экспериментальный континуум, определяемый парой антонимичных терминов. Фактически эквивалентные континуумы могут быть сведены в одно измерение, ограниченное число континуумов используется для построения семантического пространства, в

котором можно оценивать значения любого объекта [Sniden, Osgood, 1969]. В работе Ч. Осгуда такое пространство характеризуется тремя факторами: «Оценка», «Сила» и «Активность», при этом следует дополнить, что при описании разных объектов могут быть выделены другие факторы через построение семантического дифференциала на базе отдельных семантических классов, и данный метод даёт нам возможность трансформировать семантическое пространство.

Его идеи развиваются учёными С. Эрвин-Трипп и Д. Слобином (Ervin-Tripp and Slobin, 1966, p. 452). Они полагают, что факторный анализ предоставляет возможность обнаружить подклассы существительных и факторную структуру прилагательных, включая случаи полярных шкал (факты антонимии, градаций континуума (типа *tiny, small, large, huge*), дискретных пар (типа *former-latter*) и набор слов типа цветообозначений. Факторный анализ оказывается тесно связанным с частотностью исследуемых слов, с их сочетаемостными возможностями и с их денотативными параметрами [Залевская, 1999, с. 107-109].

Можно было бы назвать также ряд работ, посвящённых интерпретации концепта с помощью параметрического подхода. Например, в рассмотрении лингвокультурного концепта «Состояние здоровья» А.Н. Усачева [2002] выявила лингвистические параметры, по которым построила модель исследуемого лингвокультурного концепта путём сочетания разных методов, и выявила национальную специфику концепта в англоязычном социуме. В

последние годы параметрический подход чаще всего применяется в типологии концепта. По мнению Е.С. Кубряковой, по когнитивным параметрам концепты делятся на две группы: первичные и вторичные концепты; простые и сложные [Кубрякова, 1996, с. 90-92].

Следует отметить, что через изучение параметров возникло значительное количество исследований концептов, на основании которых был сделан ряд выводов, очень важных для выявления структуры концепта и других языковых явлений.

В качестве одного из наиболее ведущих современных подходов к трактовке концепта выступает *ситуационный подход*, суть которого заключается в том, что реконструкция концепта реализуется путём включения его в некоторую более объёмную единицу (фрейм, сценарий, событие и др.).

В работе Н. Н. Болдырева теоретически осмыслена функция фрейма для определения структур концептов, подчёркивается взаимосвязь концепта и фрейма и указывается, что концепт отражает какой-либо объект, образ, поэтому он «прост» по отношению к фрейму, отражающему целую ситуацию [Болдырев, 2001, с.34]. В работе А.Б. Цыреновой высказывается, что в качестве одного важного способа вербализации сценарного концепта аллюзия представляется как стилистический приём, являющийся краткой ссылкой на известные литературное, историческое, мифологическое, библейское, сказочное лицо, событие, факт [Цыренова, 2013, с. 19].

Следует отметить, что ситуационный подход к трактовке концепта имеет

значительное практическое значение, он служит необходимым звеном в поисках глубинных когнитивных структур концепта.

Среди большего числа поздних популярных подходов к исследованию концепта чрезвычайно важен *ассоциативный подход*, так как выявление ассоциативных комплексов является основной задачей описания концепта. Необходимо отметить, что вербальное и невербальное ассоциативное содержание играют ведущую роль в раскрытии концепта.

Безусловно, ассоциативный подход оправдал себя как средство изучения концепта. Понятие ассоциации и ассоциативного эксперимента обобщены и теоретически осмыслены А. А. Залевской. Ассоциация определяется «как продукт частоты повторения некоторых смежных или сходных/противопоставленных в каком-то отношении элементов» [Залевская, 1999, с. 105]. По ее мнению, «концепты в долговременной памяти репрезентируются как узлы сети, соединённые друг с другом ассоциативными связями» [Залевская, 1999, с. 72].

Н.В. Фрумкина трактует ассоциацию как связь между некими объектами или явлениями, основанную на личном, субъективном опыте каждого отдельного человека. Этот опыт может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, а также он является и сугубо личным, ускоренным в прошлом опыте отдельного человека. Ассоциативная связь определена именно культурой во всем её многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе

отчёта [Фрумкина, 2001, с. 192].

Следует отметить, что ею были осмыслены основные типы ассоциативных связей: 1) смысловая близость (слова-синонимы); 2) смысловая противопоставленность (слова-антонимы); 3) созвучность, рифма; 4) отношения «выше-ниже»; 5) отношение «часть - целое» и «целое - часть» [Там же].

В своем исследовании при проведении ассоциативного эксперимента мы учитываем мнение Н.В. Фрумкиной, что «ассоциации могут сказать нам очень многое о тех неосознаваемых структурах, в которых мы мыслим окружающий нас мир» [Фрумкина, 2001, с. 194].

В. А. Пищальникова выявила, что ассоциации как структурообразующий компонент концептуальной системы имеют иерархическую организацию, зависящую от деятельности по актуализации носителем данной концептуальной системы той или иной ассоциативной связи. Актуальность определяется заключенностью того или иного компонента концепта в деятельность индивида [Пищальникова, 1999, с. 81]. Следует отметить, что, говоря об ассоциациях, по сути, мы говорим об ассоциативных связях внутри концептуальных систем, и ассоциативная реакция на слово-стимул выступает в качестве актуализации того или иного компонента и концепта в целом. Изучение ассоциативных связей, процессов их формирования и закрепления помогает реконструировать концепт.

Психологический эксперимент получил высокую оценку со стороны И.Н. Носса, отметившего, что «в эксперименте мы оставляем константными (неизменными) все факторы, потенциально влияющие на выбор и решение в

данной ситуации, кроме того единственного фактора, который и является предметом нашего исследования. Этому фактору мы придаём различные значения и фиксируем, как это влияет на получаемый в эксперименте результат. Основной задачей психологического экспериментального исследования является построение такой исследовательской ситуации, в которой становятся доступными для объективного внешнего наблюдения и регистрации существенные особенности внутреннего психического явления» [Носс, 1999, с. 165].

Обширный опыт экспериментальных исследований представлен работами Дж. Диза, в которых он описывает методику составления ассоциативного словаря, приводит данные психологического и лингвистического анализа ассоциативного эксперимента, раскрывает новый метод анализа ассоциативной структуры [Deese, 1965].

По этой методике составлен «Русский ассоциативный словарь» [Караулов, 2002], который трактуется как «инструмент анализа языковой способности», отражающий проявление языкового сознания, метафорическое осмысление действительности, фреймы типовых национально-культурных ситуаций, элементы национального самосознания, национальные оценки и предпочтения и т.п. [Караулов, 2002]. «Русский ассоциативный словарь» используется в различных целях, в том числе в качестве материала для исследования специфики образов сознания носителей культуры и для последующих межкультурных сопоставлений [Уфимцева, 1998].

Необходимо подчеркнуть, что ассоциативный эксперимент раскрывает особенности языкового сознания народа, выясняет «связи слов в сознании, их смысловую и иерархическую подчинённость, яркость тех или иных компонентов в значения слова-стимула, их ценностную нагрузку в социуме. Эти данные могут быть интерпретированы как отражение отношений между концептами, вербализуемыми стимулом и реакциями: отношения стимула и реакций овнешняют, объективируют те или иные отношения между концептами в концептосфере, либо вербализуют определённые когнитивные признаки концепта, стоящего за словом-стимулом» [Попова, Стернин, 2002 , с. 28].

К этому следует добавить, что существует несколько разновидностей ассоциативного эксперимента:

1. Свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым не ставится никаких ограничений на реакции.

2. Направленный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагается давать ассоциации определённого грамматического или семантического класса (например, подобрать прилагательное к существительному).

3. Цепочечный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями – например, дать в течение 20 секунд 10 реакций. [Белянин, 2005, 126–135. Цит. по: Жалсанова, 2009, с. 272].

Таким образом, можно судить о том, что с позиции ассоциативного подхода использование ассоциативного эксперимента оказалось общепризнанным

инструментом изучения концепта в сознании носителей разных языков и разных народов, так как такой эксперимент позволяет выявить актуальные для носителей языка концептуальные смыслы. При проведении ассоциативного эксперимента мы придерживаемся общепринятой методики, изложенной Н.В. Фрумкиной [Фрумкина, 2001, с. 190].

Признаковый подход

Идея описания слова/концепта через анализ признаков появляется в работах многих учёных [Леонтьев, 1969; Солсо 2006; Залевская, 1999; Попова, Стернин, 2007 и др.]. Как справедливо отмечает А.А. Леонтьев, «слова хранятся в памяти не как слова, но как комплексы признаков. Когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков» [Леонтьев, 1969, с. 16-18]. Он разработал специальную методику для обнаружения «предмета», «действия» по формальным признакам, отражённым словами.

Если традиционное семантическое исследование нацелено на разложение плана содержания концепта на минимальные составляющие признаки, то признаковый подход сосредоточен на детальном описании концепта при помощи набора признаков, очерчивающих увязываемый с концептом объект, действие, качество и т.д. Вслед за А.А. Залевской, теоретически осмыслившей фундаментальное различие между семантическим и признаковым подходами, можно утверждать, что признак служит важнейшим орудием для разработки, интерпретации, сравнения концептов в отражении его языковой формы.

Признаковый подход применяется в работах, в которых концепт определяется как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концептов» [Пименова, 2011, с. 126]. Когнитивные слои входят в полевую модель, состоящую из когнитивных признаков, которые, в свою очередь, отражают дискретные единицы концепта определённого уровня абстракции, имеющие языковые способы объективации [Рудакова, 2004].

Как отмечает В.Я. Шабес, признаки репрезентируют как «некоторый факт объективной реальности, так и стандартное социальное отношение к этому факту» [Шабес, 1990, с.23]. Необходимо дополнить, что стандартное социальное отношение – не установившееся явление, оно диахронно изменяется в общественной жизни.

Теоретическое обоснование признакового подхода при трактовке концепта проводится в работе В. А. Масловой, которая пишет о составляющих концепта, являющихся концептуальными признаками, дифференцированно отражённых в сознании человека и различающихся по степени абстрактности [Маслова, 2008, с. 60].

В этом же ключе рассматривает концепт и М.В. Пименова, считающая, что концепт состоит из базовых и образных признаков. Базовые признаки являются

мотивирующими, понятийными, категориальными (ценностно-оценочными) признаками, актуализированными в словарных дефинициях соответствующего ключевого слова концепта. Они могут быть обнаружены в анализе семантических компонентов (сем) ключевого слова концепта, а также в системе синонимов. Для реконструкции концепта образные признаки по важности слабее, чем базовые признаки, объективированные в виде концептуальных метафор. Промежуточное положение между базовыми и образными признаками занимают функциональные признаки концепта, отображающие значимость того или иного референта, стоящего за концептом [Пименова, 2009, с. 73–74].

Таким образом, при концептуальном анализе необходимо сочетать признаковый и параметрический подходы с ассоциативным (экспериментальным) исследованием.

С точки зрения когнитивной лингвистики, концепт реконструируется через анализ лексем, иначе говоря, в качестве источника содержания концепта выступают значения слов, фразеологических единиц, схем предложений, текстов. Особого внимания с точки зрения *семантического подхода* заслуживает рассмотрение концепта как семантического образования. Таким образом, изучение с позиции семасиологии позволяет интерпретировать форму языкового знака как репрезентацию концепта и ответить на вопрос: Какой концепт или концепты обозначаются данной формой?

Семантический анализ концепта предлагает исследователям возможность вскрыть общие и специфические черты смысловой структуры различных

лексических единиц в единстве концепта, найти объективные критерии для объединения лексических единиц по совокупности классификационных признаков в основные категории лексико-семантической системы, раскрыть содержание концепта в сознании носителей данного языка [Новиков, 1982, с. 123].

С позиции семантического подхода широко применяется метод выявления семного состава лексем, он представляет собой совокупность приёмов для описания номинируемого данным словом концепта. Вслед за И. А. Стерниным считаем, что этот подход, «позволяющий описать не только расширенный объём семантических компонентов того или иного значения в языковом сознании народа, но и детально выявить и описать на семном уровне национальные особенности семантики слова, лингвокультурную специфику значения слова, гендерную, возрастную, социальную специфику семантики слова, а также индивидуальную специфику значения в языковом сознании отдельных индивидов» [Стернин, 2013, с. 5].

Следует отметить, что применение семантического подхода для выяснения компонентов разных типов языковых единиц позволяет наиболее адекватно и полно представить содержание и структуру концепта в единстве ядерных и периферийных компонентов и образовать обобщённое толкование значения, максимально приближенное к реальному языковому сознанию.

Переходя к *системному подходу*, прежде всего необходимо подчеркнуть, что вопрос о методе исследования концепта заключается в выяснении

содержания концептов. Точка зрения, что концепт имеет слоистое построение или полевую структуру, формирующуюся языковыми средствами, никем не оспаривается.

В основе системного подхода лежит рассмотрение объекта как системы, и в связи с этим, данный подход заслуживает особого внимания в решении вопроса о многомерности концепта. Не имея возможности подробно рассмотреть всю литературу по этому вопросу, назовём ряд работ, исследующих концепт с помощью системного подхода в разных ракурсах [Маслова, 2008; Попова, Стернин, 2007; Карасик, 2002 и др.].

Суть системного метода заключается в разработке концепта, в который входит комплекс элементов, взаимосвязанных по семантике, грамматике, образованию и др. Выделение этого подхода в качестве самостоятельного представляется важным, поскольку этот подход играет важную роль в анализе номинации концепта и связанных с ним лексико-тематических полей, ассоциаций, также реконструкции концепта.

Ещё более популярным подходом является *текстовой*, который «опирается на анализ концепта в художественном тексте. Это достигается путём выявления контекстов употребления ключевого слова; рассмотрения авторской интерпретации концепта; построения текстовых полей, в которых реализуется изучаемый концепт; анализа семантического наполнения лексем-репрезентантов» [Абрамова, 2009, с. 702].

Одним из примеров последовательной реализации текстового подхода к

трактовке концепта может служить работа И. П. Черкасовой. «Поскольку текст сам по себе является особым структурно-смысловым образованием, трактовка концептов в тексте предъявляет к исследователю дополнительные требования, позволяющие глубокий и многоуровневый дискурсивный анализ концепта» [Черкасова, 2005, с. 30-31]. Проблема трактовки концепта в художественном тексте обсуждается в работе Т. И. Георгиевой, указывающей, что изучение концепта в ракурсах художественных текстов представляет собой частичное переосмысление или варьирование общекультурного концепта.

Следует отметить, разграничение указанных подходов к реконструкции концепта в какой-то степени условно, в процессе исследования они пересекаются и дополняют друг друга. В связи с этим, в нашей работе используется комплексный подход к исследованию концепта, который предполагает не только семантическое описание языковых средств, объективирующих концепт, но и их концептуальный анализ с целью раскрытия содержания и выявления национального своеобразия в мыслительном процессе этноса.

1.3. Основы концептуального анализа

1.3.1. Концептуальное поле как средство репрезентации концепта

В начале XX в. Г. Ипсен ввёл понятие *поле* и определил его как совокупность слов, обладающих общими значениями. Представителями

полевого метода принято считать германских семасиологов Й. Трира, В. Порцига, Л. Вайсгербера и др., в трудах которых вводятся понятия «семантическое поле», «понятийное поле», «синтаксическое поле» и термин «ассоциативное поле».

При исследовании полевым методом проявляется динамика в рассмотрении языка и его единиц, объединённых парадигматическими, синтаксическими, функционально-семантическими, ассоциативными связями и т.д., [A. Rudsroger, 1952; A. Lehrer, 1999 и др.], это утверждается также в трудах российских лингвистов [Щур, 1974; Караулов, 1994; Апресян, 1966; Кузнецова, 1989; Шмелев, 1973 и др.].

В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Г.С. Щура, который определяет поле как «способ существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными свойствами» [Щур, 1974, с. 17]. Между единицами, входящими в определённое поле, обязательно бывают те или иные связи, они могут быть парадигматическими, синтаксическими, функционально-семантическими и др., по которым систематизируют эти единицы в поле. Как известно, систематизация полевой структуры позволяет выявить диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, раскрыть особенность языкового сознания и исследовать его национальную специфику.

В связи с исследованием концепта путём анализа языковых единиц представляется важным остановиться на работах З.Д. Поповой, И.А. Стернина

[2002; 2007], где обосновывается первостепенная задача, заключающаяся в установлении списка языковых единиц для объективации исследуемого концепта, иначе говоря, составления номинативного поля концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 47]. По их мнению, содержательные и достоверные сведения к трактовке концепта могут быть получены через определение всей совокупности языковых средств, суть данного этапа заключается в том, чтобы включить «все номинации разновидностей денотата концепта» [Попова, Стернин, 2007, с. 123]. Аналогичное мнение также содержится в работе М.В. Пименовой, согласно которой для реконструкции структуры концепта надо учесть «весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт (лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд), включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, свойственные определённому языку» [Пименова, 2004, с. 9].

Следует дополнить, что количество номинаций, входящих в такое поле, свидетельствует о номинативной плотности концепта. Иначе говоря, концепт, имеющий высокую номинативную плотность, характеризуется его значимостью для конкретного сообщества, для практической деятельности народа.

Построение и интерпретация номинативного поля предоставляет богатый и достоверный материал для объективации концепта, но следует отметить, только опираясь на семантический анализ можно построить номинативное поле, которое позволит достигнуть всестороннего и глубокого понимания национального своеобразия данного этноса.

Понятие *концептуальный анализ* двусмысленно: «оно может обозначать и анализ концептов, и определённый способ исследования, а именно анализ с помощью концептов или анализ, имеющий своими предельными единицами концепты в отличие, например, от элементарных семантических признаков в компонентном анализе» [Никитина, 1991, с. 117]. Н.В. Фрумкина высказывает, что концептуальный анализ не только считается приёмом, но и результатом исследования [Фрумкина, 1991, с. 32].

Е.С. Кубрякова считает, что концептуальный анализ сосредоточен на экспликации структуры языковых корпусов, интерпретации объективирующих его денотативных, сигнификативных и коннотативных значений. Концептуальный анализ «идёт к знаниям о мире. Под концептами же понимаются образы содержания знаков, единицы сознания, составляющие часть общей концептуальной модели мира» [Кубрякова, 1991, с. 85].

Через концептуальный анализ можно построить концептуальное поле, выступающее в качестве некоего смыслового пространства, объективирующего образ, содержание конкретного концепта.

При этом можем говорить, что концепт может рассматриваться как блок знаний (языковых и внеязыковых), сформулированный языковой формой, а в системно-функциональном аспекте концептуальное поле – как структура концепта. Иначе говоря, в широком смысле, концептуальное поле состоит из всех концептов; в узком - концептуальное поле выступает в функции моделирования концепта.

Как нам представляется, не менее интересный подход к определению концептуального поля даётся в работе М.В. Пименовой, по её мнению, оно «как сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной национальной культуры народа» [Пименова, 2008, с. 294].

Вслед за В.И. Убийко, считаем, что «концептуальное поле, создавая «когнитивную» субстанцию языка, охватывает лексические единицы с их семантическим, словообразовательным и коммуникативным потенциалом, фразеологические единицы с их универсальными приращениями смысла, грамматические категории с их направленностью на акт коммуникации и его участников, синтаксические конструкции с их трансформационным потенциалом» [Убийко, 1998, с. 3]. В отличие от номинативного поля концептуальное поле определяется ментальными категориями, понятийными образами, закреплёнными в индивидуальном и коллективном сознании носителя того или иного языка.

Необходимо дополнить, что номинативное поле выступает в качестве части концептуального поля.

Попытка наглядно представить и выяснить структурную модель концептуального поля была сделана в работе Т.А. Вороновой и И.А. Стернина, по их мнению, к концептуальному полю относятся несколько концептуальных слоёв-сегментов, отражающих развитие концепта и его связи с другими

концептами [Воронова, Стернин, 2000]. Ю.Е. Ломоносова развивает их идеи, и трактует концептуальное поле как совокупность концептуальных признаков, которые устроены «в системе взаимосвязанных, взаимопересекающихся когнитивных структур, репрезентируемых в языковой картине мира посредством разнообразных способов номинации» [Ломоносова, 2008, с. 5].

Следует отметить, что сутью компонентов концептуального поля являются все виды связей, отражённые в анализе содержания концепта (номинаций, синонимических и антонимических рядов, ассоциаций, всех связанных лексико-тематических групп и др.), иначе говоря, концептуальное поле построено онтологическими признаками в системе, определяющимися в интерпретации концептов и отражающими специфику национального сознания.

При обсуждении структуры концептуального поля М.В. Пименова указывает на признаки пяти видов, позволяющие представить концепт в виде такого поля: 1) мотивирующие признаки концепта, которые непосредственно связаны с историей ключевого слова концепта и жизнью его в языке; 2) образные признаки, актуализирующиеся через ту или иную сочетаемость; 3) понятийные признаки, создающие так или иначе семантическое поле; 4) ценностные признаки, которые, безусловно, скрыто или явно отражают ментальные характеристики этноса; 5) функциональные или символические признаки, раскрывающие сакральный характер того или иного концепта» [Пименова, 2008, с. 294–295].

При этом необходимо дополнить, что все эти признаки по степени

значимости занимают разные места в концептуальном поле, которое характеризуется открытостью, при этом составляющие его признаки находятся в состоянии изменения и дополнения.

1.3.2. Особенности концептуализации действительности носителями исследуемых языков

В китаистике при исследовании концептов используется междисциплинарный подход, который содержит подходы когнитивной лингвистики, психологии, семантики и др., взаимно дополняющие друг друга в объяснении лингвистических данных и явлений в целом.

Анализ семантических превращений при исследовании концептов китайской традиционной медицины представлен в работе Ван Хун-хун [Ван Хун-хун, 2013]. Текстовый подход к трактовке концепта применяется в работе Сяо Янь, посвященной языковой репрезентации концепта «ВРЕМЯ», где на основе китайского языкового корпуса анализируется лексема «время» и словосочетания, предложения, в которые входит эта лексема в художественных и публицистических текстах. В её работе сочетается системный и признаковый подходы [Сяо Янь, 2012].

Следует отметить, что анализ лингвистических исследований китайского языка свидетельствует об огромном интересе к исследованию концептов с позицией когнитивной лингвистики.

Из работ, посвященных китайским концептам, выделяется работа Тань

Аошуан «Китайская картина мира», где сделана попытка реконструкции китайского концептуального мира. Исследуя такие культурные категории, как концепт «Любовь», понятия «душа», «красота», категории «тоска» и т.д., он приходит к выводу, что уникальность видения мира зависит от факторов традиций, культур и исторического опыта народов, формирующих особенную внутреннюю семантическую типологию для объективации концептуального мира [Тань Аошуан, 2004].

Гуань Сюй в работе «Исследование концептуальных метафор в «Лисао» («Лисао» – китайская классическая поэма, автор Цюй Юань), установил, что в основе метафорических выражений лежат четыре сферы первоисточника: растения, животные, природа и повседневные предметы обихода. Данное деление позволяет не только классифицировать типичные концептуальные метафоры, существующие в мышлении китайского народа, который жил в период Сражающихся царств (период китайской истории: 476/403 – 221 гг. до н. э. 3), но и прийти к важному выводу, что моделирование концептуальной метафорической системы является отражением природного мира [Гуань Сюй, 2014].

Благодаря работе Лин Юй-и «Исследование концептуальной метафоры в учении пяти элементов (*вода, воздух, огонь, земля и металл* в китайской натурфилософии) пересечение и синтез разных наук становится новой областью в развитии китайского языкознания. Опираясь на анкетный опрос, он проводит когнитивный анализ метафорических понятий *вода, воздух, огонь,*

земля и металл, выясняет пути формирования учения пяти элементов, привлекая научные знания о причинах заболеваний [Лин Юй-и, 2012].

Для объективного описания мира, лежащего за пределами языка, необходимо сравнение и объединение в одно знание модели мира, представленное разными языками, так как в основе всякого познавательного процесса лежит именно сравнение, которое представляет собой один из самых плодотворных методов изучения языков.

По мнению В.Г. Гака, сопоставительные исследования позволяют выявить особенности национального мышления: мировидение любого народа можно раскрыть, сопоставляя объём значений слов, употребление слов в речи. Это определяется признаками, «по которым члены данного коллектива классифицируют и именуют объекты внеязыкового мира» [Гак, 1977, с. 15]. По сущности эти признаки В. фон Гумбольдт назвал «внутренней формой» слова. Выбираемые признаки для описания одного и того же предмета могут быть разными, и выражаемые значения слов в разных языках могут совпадать не полностью.

Использование концепта в качестве единицы межъязыкового сопоставления активно используется в исследованиях языков [Ли Ли, 2006; Ян Фан, 2013; Корбут и Ли Ху-ци, 2015 и др.]. В этих трудах авторы акцентируют свое внимание на выяснении подходов к трактовке того или иного концепта в двух языковых картинах мира.

В работе Ли Сяо-вэнь концепт «道 Путь» исследуется в сопоставительном аспекте с английским концептом «Way», где при исследовании многозначности

концепта «Путь» раскрывается механизм формирования семантического концепта, при этом, исследуются не только структура и состав концепта «Путь» и других связанных с ним концептов, но и основные элементы, составляющие систему многозначности концепта. Также изучается абстрактный процесс формирования многозначных систем концепта «Путь» и других связанных с ним концептов [Ли Сяо-вэнь, 2012].

Интересна в этом плане работа об эмоциональных концептах «радость», «гнев», «печаль», «радость» на материале китайского и корейского языков, написанная китайским учёным Цзинь Цзи-инь, которая использует когнитивный сопоставительный подход к трактовке концептов и пытается выяснить соотношение между языковым явлением и человеческим мышлением. В основе различия она видит когнитивное отличие в сознании носителей разных языков [Цзинь Цзи-инь, 2012].

Вместе с тем, следует отметить, что исследование своеобразия национальной специфики путём сопоставления концептов русского и китайского языков до сих пор не получило достаточного освещения в российской и китайской лингвистике. Наиболее значимой является работа Ли Ли, посвященная изучению роли фразеологических единиц в представлении концепта «Дом» на материале русского и китайского языков [Ли Ли, 2006].

При сопоставлении концептов механизм образования слов и понятий, объективирующих концепт, должен быть рассмотрен как решающий фактор для формирования национальной специфики в сознании носителей того или иного

языка, иначе говоря, необходимо учитывать типологические характеристики сопоставляемых языков. Как справедливо отмечает Б.А. Успенский, типологический анализ позволяет провести дальнейшее исследование, которое можно вести на всех уровнях языка и раскрыть потенциальное языковое разнообразие [Успенский, 1997, с. 5].

Как известно, китайский язык относится к изолирующим языкам, а русский язык - к флективным. Соответственно, отнесенность к разным структурам влечет различие и в выражении соответствующих понятий и образов. При сопоставлении необходимо учитывать китайскую письменность, так как, в отличие от русского языка, она представлена иероглифическими знаками.

Как отмечает И.А. Сапегина, иероглиф характеризуют следующие свойства:

- 1) Целостность. Иероглиф, прежде всего, целое, единый образ.
- 2) Нелинейность, произвольность последовательности кодификации и декодификации, в широком смысле – свобода от структуры, принципа «один знак – одно значение».
- 3) Информационная насыщенность. Количество информации, приходящееся на один иероглиф, намного больше, чем на один знак любого буквенного алфавита.
- 4) Семантическая автономность. Иероглиф имеет ценность как позиционно (в контексте), так и изолированно, как в части комбинации, так и

сам по себе.

5) Мотивированность. Иероглифы ведут своё происхождение от рисунков и обладают зрительной природой, их графическая сторона непосредственно связана с образами объектов и явлений действительности [Сапегина, 2011, с. 41–42].

Китайский иероглиф традиционно понимается как образ, так как понятия определяются не только посредством семантических значений иероглифов, но и их образов.

1.4. Слово, иероглиф: соотношение понятий

В китайском языке до сих пор продолжается дискуссия о соотношении иероглифов и слов. Сложность заключается в том, что иероглиф сам по себе не обладает морфологическими признаками, иначе говоря, в большинстве случаев невозможно определить грамматическую характеристику отдельных иероглифов. Речь идёт об их произвольности и семантической автономности. Иероглиф может служить компонентом слова, обладающим соответствующим грамматическим признаком, в связке с другими иероглифами может создавать слова, имеющие разные семантические значения и грамматические признаки. Необходимо подчеркнуть, что порядок иероглифов и слов играет ведущую роль в определении значения конкретного предложения, точное значение слова проявляется только в контексте.

Между тем, в отличие от китайского иероглифа, русское слово как

основная смысловая единица не имеет зрительную природу, но обладает определёнными грамматическими значениями и семантическими характеристиками, что позволяет вне контекста определить семантические и грамматические значения русского слова.

Таким образом, учёт влияния типологической характеристики необходим при исследовании аналогичных концептов в двух изучаемых языках.

1.4.1. Общее представление о китайском иероглифе

В работе мы употребляем понятия «иероглиф», «слово», «лексема» и относим 房 *фан* к иероглифу.

В понимании, что такое иероглиф, как он соотносится с понятиями «слово», «лексема», наблюдаются разные мнения, подтверждением такого разнобоя являются и лексикографические источники русского языка, которые дают разные толкования иероглифа:

1. Иероглиф – фигурный знак в идеографическом письме (в древнеегипетском, китайском и некоторых других [Ожегов, 1999, с. 237].

2. [от греч. hieros— священный и glyphe — резьба] (книжн.)

а) фигурный знак, обозначающий или целые понятия или отдельные слоги и звуки речи (филол.). *На корме одного из них [японских кораблей] я видел белые иероглифы* (Степанов). *На воске пробки видна была печать с китайским иероглифом* (Обручев). б) перен. Неразборчивый или непонятный знак, символ [ТСРЯ, 2000, с. 1136].

3. иероглиф из франц. hiéroglyphe (м.), откуда и нем. Hieroglyphe (ж.), от греч. ἱερογλυφικὰ γράμματα [Фасмер, 1986, с. 118].

4. Иероглифы – древние рисуночные знаки египетского письма, применявшиеся с конца IV в. до н. э. Всего известно до пяти тысяч разных египетских иероглифов, однако в каждую эпоху использовалось не более 700-800. Термин «иероглифы» применяется и по отношению к знакам других неалфавитных письменностей. Так, иероглифами называют знаки китайского, японского письма и др. [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/44011/Иероглифы].

5. Небуквенное письмо, иносказательное начертанье, представительное изображение, заменяющее письмена или буквы. Египетские иероглифы известны более прочих [Даль, 2001].

При сравнении толкований выясняется, что единства среди них нет, но они отображают пестроту взглядов на иероглиф, в определениях говорится, что он может обозначать *понятие, слово* и даже *звук*.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что китайский иероглиф представляет собой тысячелетнее уникальное письмо, созданное китайским народом. В ходе формирования полной письменной системы иероглифическое письмо постоянно пополнялось графическими и указательными символами. Китайский народ к времени правления династии Иньшан (XIV-XI вв. до н.э.) развивает сравнительно зрелую иероглифическую систему.

В большом количестве гадательных надписей на костях и черепаших

панцирях и бронзовых сосудах обнаружены пиктографические, указательные, идеографические, заимствованные, пиктофонетические символы и др. Спустя несколько тысяч лет иероглифы пиктофонетической категории считаются основными в современной китайской письменной системе. Дело в том, что использование письменных знаков без фонетической информации всегда вызывает неудобство, так как пиктофонетический иероглиф порождается в основе пиктографических и указательных иероглифов, которые происходят из древней пиктографии. На том этапе китайское письмо из чисто идеографического перешло в фонетико-идеографическое письмо [Ма, 2006, с. 39].

В китайском известном труде «Шовэнь цзецзы» 'Происхождение китайских иероглифов' подробно разъясняются «шесть категорий» китайских иероглифов – это шесть правил их образования, которые были выведены нашими предками путём анализа структуры китайского письма.

1. Указательная категория. Знаки указательной категории видны с первого взгляда, внимательно приглядевшись к ним, можно понять, что они значат. К таковым относятся знаки 上 *шан* 'верх' и 下 *ся* 'низ'. Самой многочисленной среди шести категорий является категория указательных иероглифов.

2. Изобразительная категория. Знаки изобразительной категории являются рисунком тех предметов, которые они изображают, а их начертание соответствует форме предмета. К таковым относятся знаки 日 *жи* 'солнце', 月 *юэ* 'луна'. Существо этой категории вытекает из её названия: пиктограмма —

это изображение предмета или же описание формы некоторого объективно существующего предмета. Знаки изобразительной категории развились из пиктограмм. Иероглифы изобразительной категории — это знаки-образы.

3. Фонетическая категория. Знаки фонетической категории образуются так: предмет называют словом, и оно сопровождается указанием на его чтение. К таковым относятся знаки 江 *цян* `большая река` и 河 *хэ* `река`. Знаки фонетической категории состоят из двух частей — смысловой и звуковой.

4. Идеографическая категория. Знаки идеографической категории образуются с помощью объединения сходных значений таким образом, чтобы было видно, на какое значение они вместе указывают. К таковым относятся знаки 武 *у* `военный` и 信 *синь* `верить`. Основной структурный тип знаков-идеограмм — это соединение двух пиктографических элементов.

5. Видоизменённая категория. Знаки видоизменённой категории образуются с помощью создания сходных знаков, которые имеют одно и то же значение. К таким относятся знаки 老 *лао* `старый` и 考 *као* `предок`. Среди всех шести категорий китайского письма категория видоизменённых знаков оказывается самой спорной.

6. Заимствованная категория. Знаки заимствованной категории применяются в тех случаях, когда знак для слова отсутствует, и тогда это слово передаётся по звучанию [Сюй, 2013, с. 314].

Учитывая историю китайского письма, китайские иероглифы могут быть разделены на 3 уровня: 1) на первом уровне находятся иероглифы основных

категорий: пиктограмма, символюграмма, идеограмма, они относятся к идеографической категории; 2) на втором уровне – заимствованные иероглифы, относящиеся к фонетической категории; 3) на третьем уровне – пиктофонетический иероглиф, комплексно использующий фонетический и смысловый знаки. Таким образом, иероглифы трех уровней одновременно существуют в своих собственных категориях. В результате того, что пиктофонетические иероглифы составляют большую долю в фонде иероглифов и представляют ведущее направление иероглифов, китайское письмо часто называют фонетико-идеографическим или слого-морфемным письмом.

В китайском языке существует классификация, согласно которой иероглифы в соответствии с их внутренней структурой можно разделить на две группы: простые и сложные иероглифы. [苏培成 Су Пэй-чэн, 1995; 夏学胜 Ся Сюй-шэн, 2015 и др.], Простой иероглиф состоит из черты, т.е. представляет собой только двухступенчатую структурную единицу, состоящую из черты и иероглифа. Сложный же иероглиф состоит из двух или более графем и представляет собой трехступенчатую структурную единицу, состоящую из черты, графемы (часто простой иероглиф) и иероглифа. Иными словами, в сложном иероглифе черты образуют графему и графемы образуют иероглиф.

Структура простого и сложного иероглифа, взаимосвязи и взаимоотношения между компонентами иероглифов привлекает особое внимание многих китайских ученых [朱亚同 Чжу Я-тон, 2002; 廉珍 Лянь Чжэн, 2009 и др.].

Графема иероглифа – часть, составляющая сложный иероглиф, которая обладает как формообразующей функцией, так и семантическими и фонетическими функциями, которые определены нашими предками. Способы создания иероглифов predeterminedены функцией графемы в сложном иероглифе. Например, иероглиф 桐 обозначает «тунговое дерево». Создатель данного иероглифа использовал графему «木» (дерево) для выражения значения, что 桐 по существу является одним из типов деревьев, и употребил графему 同 тон, чтобы показать произношение иероглифа 桐 тон. Таким образом, смысловая графема 木 обладает функцией выражения значения, фонетическая графема 同 тон иероглифа 桐 имеет функцию выражения произношения.

Следует иметь в виду, что понятия «ключевая графема», «ключ» или «детерминатив» как синонимы также часто используются в исследовании китайских иероглифов.

Иероглифический ключ (部首 бушоу) — графический элемент или простой иероглиф китайской письменности, из которых состоят сложные иероглифы, может выступать в качестве смыслового или фонетического показателя. Иероглифический ключ также часто называются радикалом.

В узком смысле ключом считается тот элемент иероглифа, который выступает в качестве тематического классификатора, указывая, к какой сфере относится значение иероглифа. На основе этого принципа построены иероглифические словари китайского, японского и корейского языков, в которых иероглифы группируются согласно одному из составляющих его

ключей. Определение главного ключа не всегда очевидно, поэтому в словаре часто помещают таблицу сложно находимых иероглифов [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/55161>].

Следует подчеркнуть, что ключи играют значительную роль в восприятии иероглифов, в понимании их структуры и раскрытии когнитивного механизма. Дело в том, что большинство ключей является смысловыми знаками, и относятся к категории смысловых знаков, отражающих восприятие предками себя, природы и общества. Таким образом, ключи имеют большой обобщающий, культурно-наследственный характер.

С точки зрения фонетики каждый иероглиф соответствует одному из слогов китайского языка, его слоговое строение простое и устойчивое: согласные звуки, гласные звуки и голосовые тоны, которые по определенным правилам сочетаются друг с другом и образуют примерно две тысячи слогов, как следствие, китайский язык располагает омонимами, которые имеются в большом количестве. Один и тот же слог может соответствовать нескольким иероглифам.

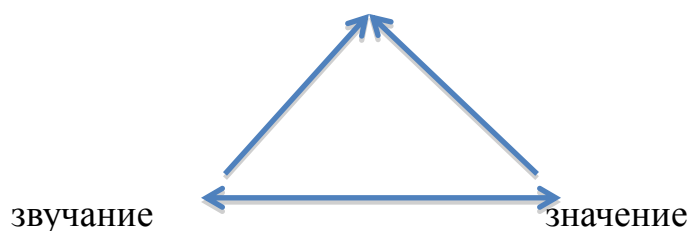
По внешней форме начертание иероглифов относительно фиксировано, они пишутся квадратной формой, из черт состоят части, из частей состоят иероглифы.

По значению квадратная форма иероглифа приспособлена выражать богатую семантическую информацию, и данная особенность, безусловно, отражается в многозначности иероглифа.

Между письменным знаком и передаваемой информацией есть определенная связь, в которой содержится очевидная особенность мотивации. Большинство иероглифов можно по их внешней форме ассоциировать с их значениями. Однако это не значит, что внешняя форма иероглифов непосредственно отражает семантические значения иероглифов, речь идет о том, что китайское письмо посредством идеографического способа записывает логическое отношение между звучанием, внешней формой и значением иероглифа.

Китайский язык: звучание → значение

Китайский иероглиф: внешняя форма

Следовательно, китайский иероглиф объединяет внешнюю форму, звучание и значение, иначе говоря, иероглиф посредством внешней формы обладает визуальным изображением и семантической информацией.

Согласно мнению Вэй Ху-пин, фонетическое письмо записывает звучание, т.е. с внешним образом фонетического письма непосредственно ассоциируется звучание и формирует слуховой образ в мышлении; а с внешним образом идеографического письма может связываться выражаемое им значение [Вэй, 2004, с. 139].

Вэй Ху-пин в своей работе также четко высказывает, что фонетическое

письмо образует цепочку восприятия следующим образом: образ (внешний) письма – звучание – слуховой образ (т.е. сначала видишь письменный знак, потом по внешнему образу узнаешь его определённое звучание, и образуется слуховой образ); идеографическое письмо образует другую цепочку восприятия: образ (внешний) письма – семантическое значение – визуальный образ (т.е. сначала видишь иероглиф, потом по его внешнему образу приходишь к его семантике, вследствие чего образуется визуальный образ)» [Вэй, 2004, с. 139].

Но следует дополнить, что в идеографическом письме также существуют знаки, не выражающие значения и превращающиеся в чистые фонетические символы, таким образом, можно говорить, идеографическое письмо смешанное и характеризуется своей собственной цепочкой восприятия.

1.4.2. Иероглиф, слово, морфема и слог: к соотношению понятий

В китаистике одной из самых дискуссионных является проблема соотношения понятий *иероглиф* и *морфема*, *иероглиф* и *слово*.

Существует диаметрально противоположные точки зрения на природу иероглифа. Первая точка зрения выражена мнением Люй Шу-сян, полагающего, что «иероглиф, слог и морфема образуют троицу китайского письменного знака» [Люй, 1963, с. 39-45]. С точки зрения современной китайской лингвистики гипотеза Люй Шу-сян неприемлема, но ранее его мнение безусловно обладало революционной значимостью, так как впервые было высказано предположение, что у иероглифа речевая природа.

Другая точка зрения связана с отождествлением иероглифа с морфемой, по мнению сторонников этого мнения, иероглиф, как и морфема, является минимальной значимой единицей, частью слова. Согласно этой точке зрения, иероглиф равен морфеме, вследствие чего, можно предположить, что иероглиф по сути есть морфема, и его можно отнести к основной единице языка [Ли Юй-мин, 1997, с. 20].

Причин смешения иероглифа с морфемой несколько: во-первых, сказывается влияние теории индоевропейских языков, во-вторых, внешне и иероглиф, и морфема являются минимальными структурными единицами, в-третьих, их сближает наличие значения.

О принципиальном различии морфемы и иероглифа пишет китайский известный лингвист Сюй Тун-цян, он рассматривает обе единицы с точки зрения их линейности структур и сложности их функций. Он считает, что в одном иероглифе может содержаться несколько разных слов [Сюй Тун-цян, 1994, с. 8-9].

Мы не склонны считать, что существует необходимость в отождествлении этих понятий, во-первых, они относятся к разным языковым явлениям разных языковых уровней в системе языка. Их смешение оказывает негативное влияние на развитие исследования китайского языка. Считаем, что иероглиф полифункционален, поэтому может выступать в качестве морфемы.

Безусловно, иероглиф нельзя смешивать ни с морфемой, ни со словом.

Исследованию о соотношении между иероглифом, словом, морфемой и слогом посвящена работа китайского лингвиста Вэй Ху-пин, следует отметить, являющейся сторонницей теории «слово как основная единица языка». Она распределяет иероглифы по группам, основываясь на их связи с единицами языка:

а) отдельный иероглиф записывает китайское слово, которое имеет независимое полное значение и используется самостоятельно, б) один и тот же иероглиф может записывать морфему при словообразовании.

В древнем китайском языке большинство изолированных (отдельных) иероглифов выражало самостоятельные слова. В данном случае значения иероглифов и слов имеют непосредственную связь, которая демонстрируется следующим образом:

1. Значения иероглифа в целом соответствует значению слова, например, иероглиф *шуй*, обозначающий «спать» соответствует слову *шуй*. У иероглифа *шуй* два ключа *му* (глаза) и *чуй* (опускаться). Приведем другой пример: иероглиф *фан* может записывать слово *фан* в значении: 1. Дом, здание, строение; 2. счетное слово для брака, жен; 3. собств. *Фан* (одна из китайских фамилий).

2. Значение рисунка иероглифа означает значение слова: *мян* по старокитайской иньской письменности пишется как , данный рисунок символизирует дом, здание. Большинство наиболее древних иероглифов относятся к данной изобразительной категории.

3. Значение иероглифа конкретно показывает значение слов. Например: 家 *цзя* (по древнему китайском языку пишется как) , который состоит из верхней части 宀 ‘крыша’ и нижней части 豕 ‘толстобрюхая свинья’. Рисунок иероглифа 家 *цзя* описывает образ жилища, в котором разводят свиней. Но семантика иероглифа 家 *цзя* означает другое – это семья, члены семьи (родные), которые вместе живут в одном помещении.

4. Значение рисунка иероглифа является отражением деятельности, ситуации, выражаемой значением слов, например: иероглиф 居 *цзюй* изображает родившегося ребёнка, иероглиф состоит из верхней части (ключ) 尸 (сидящий человек) и нижней части 古 (ребёнок, у которого голова повернулась лицом вниз). Изначальное значение данного иероглифа – «отдыхать дома» или «рожать, рождать».

5. Значение иероглифа является образом абстрактного значения слов. Например: иероглиф 美 *мэ* обозначает добросердечного человека, он (иероглиф) состоит из ключей 羊 *ян* «баран» и 大 *да* «человек».

6. В значении иероглифа содержится много возможностей для переносных значений слов, т.е. значение иероглифа вызывает ассоциации разных аспектов и уровней. Если эти ассоциации осуществляются в речи, то значение слова расширяется. Например, иероглиф 居 *у* в старокитайском языке пишется как . Верхняя часть 尸 изображает человека, сидящего на табурете, нижняя часть 宀 описывает, что человек ложится спать. Эти образы иероглифа означают расширенное значение «жить» (человек встает, ложится, значит

живет).

7. Значение иероглифа потеряло связь со значением слов, и в таком случае большинство иероглифов относится к заимствованной категории, например, слово 布尔什维克 *пу эр ши вэй кэ* «большевик»; связь значений иероглифов со значением заимствования разрывается.

В) Изолированный иероглиф записывает морфему, обладающую значением, но она, не являясь словом, самостоятельно не используется, только в сочетании с другими морфемами образует слово. Например, морфема 葡 *пу* (выступает в качестве морфемы) и с морфемой 萄 *тао* вместе образуют слово 葡萄 *пу тао* в значении «виноград», т.е. иероглиф 葡 *пу* только записывает морфему, которую невозможно самостоятельно использовать в современном китайском языке. В данном случае семантическое пространство иероглифа меньше, чем слово.

С) Отдельный иероглиф записывает слог, который не относится к структурным единицам языка, не выражает никакого грамматического и семантического значения, это фонетический символ.

В данном случае отношение между значениями иероглифа и слов ослабляется [Вэй, 2004, с. 138].

На наш взгляд, данная группировка иероглифов Вэй Ху-пин по признаку соотносительности иероглифа со словом, морфемой и слогом позволяет в качестве критерия также избрать формальный признак (внешний), такой как *длина* иероглифа:

1. отдельный иероглиф равен по длине слову, при этом иероглиф соответствует слову;

2. отдельный иероглиф не равен слову, различие между словом и иероглифом обнаруживается внешне: слово по длине больше иероглифа.

Считаем, что только внешнее формальное различие не может служить критерием разделения слов и иероглифов.

В китаистике существует точка зрения, что основное различие между иероглифом и словом состоит в их отнесенности к разным системам. Традиционно, иероглиф относится к письменной знаковой системе, а слово – к языковой знаковой системе.

Согласно данной теории, иероглиф является «основной единицей письма, который служит минимальной и самостоятельной единицей зрительной формы в письменной системе» [Пэн, 2014, с. 62]. В соответствии с этой точкой зрения, слово предстает как структура стереотипа, соединяющая произношение со значением. Пэн Цзэ Жунь обобщает и подчёркивает, что иероглифы представляют собой способ выражения языка, а не сам язык. Иероглиф обычно записывает значимую единицу языка – морфему или простое (одноморфемное) слово [Пэн, 2014, с. 62]

Аналогичное мнение поддерживается лингвистом Чжан Лу, которая считает, что «отношение между иероглифом и морфемой можно представить как отношение между планом выражения и планом содержания» [Чжан, 2011, с. 80], в связи с чем, иероглиф является знаком письменной системы, а не единицей

языка.

На наш взгляд, для различения иероглифа и слова необходим комплексный подход: должны привлекаться и внешние формальные признаки, и внутренние семантические признаки.

Что касается семантического критерия, то необходимо учитывать семантическую информацию, заложенную в иероглифе, не всегда значение иероглифа полностью совпадает со значением слова.

Для этого в качестве критерия различия между иероглифом и словом можно положить этимологический критерий: сравнить первоначальное значение иероглифа со значением слова, записанного данным иероглифом в нынешнее время [Ван, 1996, с. 43].

Этимологический критерий показывает, что значение иероглифа не просто отождествляется с семантикой слова. Реконструкция образной составляющей иероглифов позволяет нам раскрыть первоначальное значение иероглифов и выявить мотивацию их изобретений.

Итак, понятие *слово* не равно понятию *иероглиф* в китайской лингвистике. Они могут быть равны функционально, в некоторых случаях семантически, но абсолютного тождества между ними мы поставить не можем. Это разные понятия.

Следует отметить, что вопрос соотношения *иероглиф* и *слово* напрямую связан с вопросом выделения основной структурной единицы китайского языка.

В современной китайской лингвистике нет единой точки зрения по поводу

выделения основной структурной единицы. Дискуссионность связана с наличием двух теорий «слово как основная единица языка» и «иероглиф как основная единица языка».

Первая точка зрения представлена мнением китайских исследователей [Ли Цзинь-си, 1959; Люй Шу-сян, 1963, 1980; Гэ Вэнь-и, 1985; Ван Ли 2003; Гао Мин-кай, 1960; Сун Чан-сюй, 1956; Чжан Ши-лу, 1937; Чжан Йюнь-янь, 1982 и др.], относящих слово к основной языковой единице, так как это «минимальная, самостоятельная и реальная единица, в которой план содержания соединяется с планом выражения в языковой системе» [Пэн, 2014, с. 62], «независимо используемая для составления предложения» [Гэ, 1985, с. 2].

Превалирующая в современной китайской лингвистике теория относит слово к основной структурной единице, на основе которой составляются словосочетания и предложения.

Суть теории «слово как основная единица языка» заключается в том, что слово и предложение являются основными структурными единицами языка: предложение состоит из слов, все слова выполняют определённые грамматические функции, части речи и структурные единицы взаимосвязаны [Гуан, 2008, с. 28]. Иероглиф же может записывать и китайское слово, и китайскую морфему, например: иероглиф 房 *фан* может записывать слово 房 *фан* «дом, здание», он также может записывать морфему 房 *фан*, которая совместно с суффиксом существительных 子 *цзы* образует слово 房子 *фан цзы* в значении «дом, здание, жилище, которое имеет крышу, дверь, окно и

стены».

Следует отметить, что теория «слово как основная единица языка» следует традициям изучения западных языков, в частности, русского языка, являющегося языком другой структуры.

Основные положения теории «слово как основная единица языка» можно кратко изложить таким образом:

- иероглиф является письменным знаком, который может записывать слово, морфему или слог без значения;
- в односложном слове иероглиф соответствует слову;
- в двухсложных и многосложных словах иероглиф может соответствовать морфеме или слогу.

Необходимо дополнить, что именно на основе теории «слово как основная единица языка» активно развиваются современная китайская лексика и грамматика.

Другая точка зрения, представлена мнением ряда лингвистов, считающих, что иероглиф является не только средством, при помощи которого записывается язык, но и значимой единицей языка. Согласно этой точке зрения, иероглиф является основной структурной единицей в китайском языке [Гуан, 2008, с. 26].

Один из основателей теории «иероглиф как основная единица языка» Сюй Тун-цян полагает, что «необходимо учитывать влияние традиционного иероглифа на психологию человека, ведь иероглиф является структурной единицей, имеющей психологическую реальность в группе китайского языка»

[Сюй, 1998, с. 3]. Данная трактовка отрицает существования понятий «слово» и «морфема» в китайской лингвистике. Согласно этой теории на синтаксическом уровне единицами языка, которые выше иероглифа, являются сочетание иероглифов и предложение.

И его теорию поддерживают китайские лингвисты 李瑞华 Ли Жуй-хуа, 1996; 潘文国 Пан Вэнь-гуо 1997 и др. Их обоснование опирается на следующие факты:

1) иероглиф сочетает звучание со значением в себе, как языковая единица объединяет план выражения и план содержания;

2) 1 иероглиф – 1 слог – 1 понятие, т.е. каждый иероглиф соответствует одному слогу и выражает понятие. Кстати, слово индоевропейского языка характеризуется «1 слово – n слогов – 1 понятие» ($n = 1, 2, 3 \dots$). Данное простое различие символизирует серию принципиальных дифференциаций в образе фонетической формы [Сюй, 1998, с. 3].

3) Иероглиф выступает в качестве готовой единицы, которая легко разграничивается с соседними единицами. Иероглиф обладает психологической реальностью в лингвистическом обществе, как любой носитель китайского языка, даже неграмотный китаец, знает, сколько иероглифов в одном предложении, так же, как неграмотный носитель индоевропейского языка знает, сколько слов в предложении.

Следует отметить, теория «иероглиф как основная единица языка» отражает специфику китайского языка и суть теории состоит в том, чтобы

признать китайский язык идеографическим, поскольку в соответствии с данной теорией иероглиф играет ведущую роль в китайском языке.

Констатируя различие подходов к определению основной структурной единицы китайского языка и отсутствию единой точки зрения на этот вопрос, обратим внимание, что обе теории («иероглиф как основная единица языка» и «слово как основная единица языка») вносят свою лепту в развитие современного китайского языка. При этом теория «иероглиф как основная единица языка» делает акцент на своеобразии китайского языка и пытается найти собственный путь к его исследованию. Теория «слово как основная единица языка» развивается на основе сходства с индоевропейскими языками, изучение индоевропейских языков сравнительно более зрелое по сравнению с китаеведением для решения вопросов в рамках лингвистики.

Несмотря на расхождения во мнениях об основной структурной единице, по некоторым пунктам обе теории постулируют одни и те же положения, например, «иероглиф – это не слово», или же «китайский язык отличается от типологически других языков иероглифами».

В данной работе принята такая точка зрения: современная китайская лингвистика развивается по пути поиска сходства в некоторых аспектах с индоевропейскими языками и одновременно обладает своеобразием, и нельзя слепо применять теории других языков в исследовании китайского языка.

Конкретное влияние понятия «иероглиф» на современную китайскую лингвистику может осуществляться в следующих аспектах:

1) В словообразовании: иероглиф непосредственно участвует в словообразовании. Например, односложные морфемы, которые соответствуют каждому отдельному иероглифу, являются основными источниками для образования сложных слов. Следует дополнить, для исследования значений морфемного состава и словообразовательной мотивации иероглиф представляется незаменимым и важным.

2) При разграничении омонимов: в современной китайской лексике, особенно в китайском книжном языке при различении слов невозможно полностью опираться на звучание и обходиться без помощи иероглифа: в китайском языке существует достаточно большое количество двухсложных омонимов.

3) При изучении паронимов. Основным методом изучения китайских паронимов является анализ иероглифов-паронимов. При исследовании иероглифов-паронимов помогает определение этимологии иероглифов, которая непосредственно воздействует на понимание слов и обнаруживает их семантическую специфику.

Наряду с вышесказанным о значительной роли иероглифа в исследовании современного китайского языка, можно привести другое доказательство важности роли иероглифа – современные китайские толковые словари. Они составляют перечень иероглифов (не слов), расположенных по алфавиту, с теми или иными объяснениями. И после толкования каждого иероглифа показаны дефиниции активных слов с данным иероглифом. Как видно, в словарях

китайский иероглиф выполняет функции проверки и объяснения слов.

Таким образом, учитывая особенности современного китайского языка, можно говорить, что в китайском языке действительно существует понятия «слово», «морфема», «словосочетания» и другие структурные единицы языка, как в индоевропейских языках. Но иероглиф как знак, как значимая единица является основной единицей китайского языка. Иероглиф вносит в систему китайского языка своеобразие, в значительной степени влияет на китайский язык, на китайские слова.

Фактический материал подтверждает, что иероглиф полифункционален: может выполнять функцию фонетического слога в речи, функцию морфемы, функцию слова в речи. Например: 我坐沙发上看电视 «я сижу на диване и смотрю телевизор». Данное предложение состоит из 6 слов, в том числе: иероглиф 我 записывает слово я; иероглиф 坐 записывает слово сидеть, 看 – «смотреть», 上 – это предлог на. Сложное слово 电视 «телевизор» образуется из морфем 电 и 视, которые записываются иероглифами 电 и 视. Слово 沙发 «диван» заимствованное, составные же компоненты 沙 и 发 лишаются значений, присущих им как иероглифу, и в данном конкретном случае выполняют функцию слога.

В данной работе за основу принята теория «Иероглиф как основная единица языка».

Выводы по главе I

Анализ научной литературы позволил прийти к выводу, что при различии

трактовок концепта и подходов к изучению концепта, между разными интерпретациями существует много общего и различного в объективации концепта. Подходы к трактовке концепта хорошо согласованы друг с другом, позволяют разобраться с различными точками зрения и получить целостную картину концепта.

Лингвокогнитивное и лингвокультурологическое направления при рассмотрении концептов являются взаимодействующими. Благодаря лингвокультурологическому аспекту на первый план выступают взаимосвязь и взаимовлияние языка и культуры.

Исследование концепта с позиции лингвокогнитивистики подтверждает мысль, что лингвистические конструкты являются отражением мыслительных когнитивных процессов, происходящих в сознании человека. Когнитивное основание содержания концепта предполагает, что в содержание концепта входит весь спектр знаний об обозначаемой реалии – лингвистических и экстралингвистических.

Концептуальный анализ выступает в качестве нового формирующего метода лингвистических исследований, требующего тщательной разработки. Он позволяет более детально рассмотреть многие культурные ценности и сферы культурного мира.

Национальные концепты, как и национальные концептосферы, невозможно точно определить, но можно выявить при помощи анализа языковых средств. Национальная специфика проявляется в том, что

сопоставимые концепты не совпадают по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации.

Национальная специфика также проявляется в наличии несовпадающих концептуальных признаков, в разной яркости тех или иных концептуальных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов, в различиях образного компонента, интерпретационного поля, в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата.

Исследования, посвященные изучению аналогичных концептов на материале языков разных структур, свидетельствуют о существовании национально-культурной специфики в языковой репрезентации.

Для исследования важно соотношение понятий *слово* и иероглиф, они не тождественны, хотя функционально, в некоторых случаях семантически, могут быть равны. Исследование показывает, что иероглиф полифункционален, ему присущи функция фонетического *слога* в речи, *морфемы*, *слова* в речи.

В китайском языке существуют две основные теории, превалирующей считается теория «слово как основная единица языка», на наш взгляд, вторая теория «иероглиф как основная единица языка» более точно отражает специфику китайского языка.

ГЛАВА II. ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ

«ДОМ» И «房 ФАН»

Построение концептуальных полей «Дом» и «房 Фан» в сознании носителей русского и китайского языков требует рассмотрения языковых средств, объективирующих указанные концепты в определённый период развития общества.

2.1. Концепт «Дом» и концепт «房 Фан» в русской и китайской концептосферах

При рассмотрении концепта с использованием разных подходов необходимо учитывать, что речь идёт о стремлении к видению своеобразия народной мысли, типического образа, основанного на национальном сознании народа.

Согласно мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «концептосфера – область мыслительных образов, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу» [Попова, Стернин, 2002, с. 13], т. е. совокупность типических образов образует концептосферу, принадлежащую народу.

Необходимо дополнить, что внутри концептосферы все составляющие компоненты (концепты) сгруппированы в изменяющейся системе,

взаимосвязаны друг с другом.

Концепт как один из типических образов концептосферы народа отражает национальную специфику, иначе говоря, сходные концепты у языковых систем разных народов могут быть организованы по разным концептуальным признакам. Известно, что формирование концепта в человеческом сознании находится под влиянием многих факторов (культуры, истории, традиции, опыта народа и др.).

«Дом» как одна из основополагающих, всеобъемлющих констант с древних времён зафиксирован в человеческом сознании. В качестве номинантов концептов «Дом» и «房 Фан» в данной работе выступают лексемы *дом* русского языка и *房 фан* китайского языка, понятийные сферы «дом» и «房 фан» знакомы каждому человеку соответствующего народа. Согласно Н.Л. Чулкиной, «концепт «Дом» является одним из важных концептов повседневности» [Чулкина, 2003, с. 173], который касается всех сфер деятельности человека.

В этом ключе осуществлялись разноаспектные исследования концепта «Дом» в русской лингвокультуре. Следует отметить, что данный концепт характеризуется особенностями русского менталитета, культуры, традиции и др. Концепт «Дом» рассматривался с точки зрения индивидуально-авторских позиций на примере художественных текстов [Фещенко, 2005, Ланская, 2005 и др], с позиции культурно-специфического и уникального, попутно отметим, в данной работе указывается важный признак концепта «Дом» – уют, не только

обозначающий уютный дом, но и комфорт дворянского быта [Степанов, 2001]. Существует и полная монографическая работа о концепте «Дом» Е.В. Слепцовой [2009], которая исследует фрагмент национальной языковой картины мира, представленный концептом «Дом», с точки зрения когнитивной лингвистики как в общезыковом семантическом пространстве, так и в индивидуально-авторской картине мира.

Объединяющей эти работы является мысль, что понятие «дом» в русской языковой картине мира представляет собой фокус главных жизненных ценностей, счастья, единства семьи, и его основной функцией является защита, а также некое ограничение [Колесов, 2002; Лаврентьев, Смирнов, 2004; Слепцова, 2009 и др.]. При рассмотрении понятийной сферы «дом» обнаруживается обширный и развитый лексический фон, служащий основой дополнительным представлениям отдельной языковой личности или целого народа [Верещагин, 2000, с. 11–12].

В работе «Мир человека в слове Древней Руси» В.В. Колесов отмечает, что «дом наполнен многими предметами и людьми. Он уже хорошо освоен и в любых обстоятельствах нужен; но он ещё и прекрасен несокрушимой своей силой. Тем не менее, и в него проникают веяния нового быта. Они идут со «двора», который прежде был самой ближней, пограничной гранью внешнего мира, а теперь стал хозяйственной частью «дома». Вместо «рода» с его «домом» возникает феодальный «двор», из дворов создаются «миры» и «города», которые совместно представляют собой «землю». Социальное дробление рода

порождает группы, «дружины» и классы; так возникают «волость» и «власть» с бесконечно дробящимися степенями «государей»: от хозяина дома-двора до наследника бога – владыки. Изменяются и взаимоотношения со «своими». Защищая себя от внешних вторжений, миры «сгущаются» в земли, земли – в княжения, княжества – в царства, а царство – в державу, которая крепко держит людей силой закона, отменяя старые обычаи» [Колесов, 1986, с. 292].

Г.Д. Гачев называет *дом* макетом мироздания, национальным космосом в миниатюре. «Общая тенденция жилища – вознесение, вавилонский столп, как нынешний городской дом, где человек не на земле, а на голове (другого) человека стоит. У избы пол поднят над землёй, стоит на камнях, есть и подпол – и недаром здесь человек не на полу, а на скамье или на стуле сидит. А юрта соответствует сидячей позе кочевников – верхом прямо на земле. Юрта – без окон, в таджикском доме окна выходят не на улицу, а во двор (чтобы женщин не видели и они на чужих не смотрели), а русские окна, чтоб глазеть на улицу, по сторонам, выражают любопытство – как экстравертность духовного пространства в человеке: направленность вовне, выход из себя» [Гачев, 1995, с. 38].

По мнению А.Н. Афанасьева, изба как типичный образ дома представляется в сознании славян, «в которой жило семейство и сосредотачивались для него самые живые интересы и хранились самые заветные предания и верования. Лексема «изба» происходит от глагола «топить», и такое священное действие совершается обычно на очаге»

[Афанасьев, 1986, с. 66].

Следует отметить, *дом* играет ведущую роль в жизни, культуре, традициях славянского народа, даже и название дома – *изба* отражает тесную связь с повседневной жизнью. Аналогичное мнение встречается в работе Л.К. Муллагалиевой: «дом – это нравственная основа жизни русского человека, начало жизненного пути. Здесь сменяются поколения людей, устанавливаются и развиваются традиции и нормы морали, воспитывается молодёжь» [Муллагалиева, 2006, с. 66].

Несомненно, *дом* как объект материальной культуры поколение за поколением передаёт достаточно богатую информацию о народе.

Не только в российском народе, но и у всех народов мира «дом – это организующий центр мира, воспринимающийся как символ порядка, космического ритма и равновесия, символизирует безопасность, постоянство, убежище, а также Отечество» [Копалинский, 2002, с.65]. Следует подчеркнуть, концепт «Дом» имеет культурные, символические значения в сознании соответствующего народа.

Китайские учёные также поддерживают мнение о важности *дома* в повседневной жизни, культуре, традициях народа, при этом появляется ряд работ, обсуждающих *房 фан* «дом» в сознании китайского народа.

Чжао Чжи-диан высказывает, что с позиции китайской древней философии *房 фан* «дом» служит не только для носителей материальной жизни, но и носителей духовной эстетики, даже становится пространством психического

самолечения [Чжао, 2012, с. 25]. Архитектура типического *房 范* «дома» имеет неотъемлемое соотношение с традиционным представлением о семействе и социальным образом жизни [Дэй, 2005, с. 86]. *房 范* «дом», согласно Чжао Синь-шань, является проекцией природы человека в строительном пространстве, выражающей дух времени и местные условия и обычаи и представляющей собой продукт социализации [Чжао, 1998, с. 93]. Как видим, во всех этих работах подчеркивается, что в сознании китайского народа немаловажное значение в понимании концепта «Дом» играет социальный фактор, который выступает как одна из основных мотиваций.

В сопоставительном плане на фразеологическом и паремиологическом уровнях репрезентация концепта «Дом» исследовалась в работах Ли Ли [2006], Д.Р. Валеевой [2010].

Сопоставительный анализ концептов «Дом» и «*房 范*» в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспекте ранее не проводился.

Следовательно, особого внимания в нашей работе заслуживает концептуальный анализ всего языкового корпуса, в который входят разные лексико-тематические структуры, фразеологические, ассоциативные поля и др.

2.2. Семантическая структура лексемы *дом* и иероглифа *房 范* в русском и китайском языках: лексикографический аспект

Для углублённого анализа имени концепта «Дом», выраженного лексемой *дом*, нами выбраны 10 толковых словарей русского языка, в том числе

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль, 2001], «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, 1999, 2007], «Толковый словарь русского языка» [ТСРЯ, 2000], «Толковый словарь русского языка конца XX языка. Языковые изменения» [ТСРЯК, 2002], «Толковый словарь языка Совдепии» [Мокиенко, 1998], «Большой словарь русского жаргона» [Мокиенко, 2000], «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» [Ефремова, 2000], «Словарь русского арго» [Елистратов, 2000], «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [НОССРЯ, 1999], «Словарь синонимов русского языка» [ССРЯ, 2002] и др.

Обработка дефиниций ключевой лексики *дом* позволила выявить следующие её семантические компоненты, из которых первые 4 являются базовыми, а остальные 4 периферийными:

1. Здание, строение, например: *каменный дом*, *дойти до дома* [Ожегов, 2007, с.174];
2. Жилое помещение, квартира, например: *выйти из дому* [Ожегов, 2007, с.174].
3. Семейство, род, семья, люди, живущие вместе; например: *мы знакомы домами* [Ожегов, 2007, с. 174].
4. Хозяйство отдельной семьи, быт, например: *у матери на руках весь дом* [Ожегов, 2007, с.174]; *богатый дом* [ТСРЯ, 2000, с. 759].
5. Учреждение, например: *дом ребёнка* [ТСЯС, 1998, с. 172], *дом учёных*

[Ожегов, 2007, с.174], *дом писателя* [ТСРЯ, 2000, с. 759].

6. Заведение, предприятие, например: *торговый дом, дом обуви* [Ожегов, 2007, с. 174].

7. Династия, царствующий род (устар.), например: *царствующий дом, дом Романовых* [Ожегов, 2007, с.174].

8. Место, где живут люди, объединённые общими интересами условиями существования; например: *Общеввропейский дом* [Ожегов, 2007, с.174].

Во всех толковых словарях русского языка повторяются первые 4 семантических компонента, отражающие понятийные признаки «жилое», «семейное», «своё», что свидетельствует об их важности для носителей русской лингвокультуры,

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова замечена одна интересная дефиниция слова: *дом* – место, где по правилам игры нельзя преследовать, имеется в виду, в детских играх, основанных на преследовании (пятнашки, прятки и др.) [ТСРЯ, 2000, с. 759]. В данную дефиницию входит семантический компонент «место, в котором можно защититься от опасности». Похожий семантический компонент также встречается в одном из значений слова *дом* как спортивного и военного термина в «Словаре русского арго» : «*спорт.* в кёрлинге – мишень в конце ледовой полосы, образованная четырьмя концентрическими кругами; в бейсболе – база, с которой начинается и которой заканчивается пробежка игрока; *воен.* место расположения военной части [Елистратов, 2000, с. 117]. Итак, в этом словаре

слово *дом* определяется как «оборонительное место».

Ещё одно значение слова *дом* появляется в «Большом словаре русского жаргона», оно употребляется в шутливо-ироничном значении «голова», например: «*дом*» *едет у кого-то* – шутл. ирон. «о чем-либо странном поведении» [Мокиенко, 2000, с. 163]. В данном случае наблюдается ассоциация соматизма *голова* с *домом*: *голова* как наиболее важная часть тела для человека сравнима с *домом*, в данном случае актуализируется сема «важное место для человека».

Очень часто, когда хотят охарактеризовать глуповатого человека со странностями или психически ненормального человека употребляют фразеологизм *не все дома*, например, *у него не все дома*, в словаре В.И. Даля указано, что человек, у которого *не все дома* – «дурачок, дура» [Даль, 2001, с. 216].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля указывается, что *дом* как «строение для житья» называет разные постройки в зависимости от местоположения, «в городе: жилое строение; хоромы; в деревне: изба со всеми ухажаями и хозяйством». Для крестьян дом – это *изба*; для южных крестьян – *хата*; княжеский дом называют *палатами*, *хоромами*, в деревне – это *усадьба*; дом, врытый в землю, называется *землянка*, *публичный дом*, *бордель* – дом терпимости. Следует отметить, что словарь В.И. Даля учитывает эмоционально-оценочную коннотацию слов, например, маленький и плохой дом называется *хижина*, *лачуга*, деминутивы *домик*, *домишко* имеют

уменьшительно-ласкательное значение, *доми́на*, *доми́ще* имеют увеличительное значение. Также в словарной статье «Дом» подчёркивается особенное значение – «гроб», выражающее концептуальный признак – «окончательное место, куда наконец надо возвращаться» [Даль, 2001, с. 216].

Концептуальный анализ лексемы *дом* включает данные этимологического анализа. М. Фасмер предполагает родство с «*dámas*»: дом, «*dámūnas*»: домашний, связанный с домом в древнем индийском языке, в авестийском языке «*dam-м*»: дом, жилье; в греческом языке «*δóμος*», «*δομή*»: строение, в латвийском языке «*domus*»: другая ступень чередования; в древнем исландском языке «*timbr*»: строительный лес; в греческом языке «*δάεδον*»: почва; в литовском языке «*dimstis*»: ж. поместье, имение. [Фасмер, 1986, с. 526]. Очевидно, *дом* в исторически связан с такими содержательными значениями, как «домашний», «строение», «почва», «поместье».

Ссылка на греческие, исландские, литовские эквиваленты представляется важной для нашего исследования, так как позволяет раскрыть особенности восприятия объекта *дом* в родственных лингвокультурных общностях, для выделения тех черт, которые на сегодняшний день не обозначены, или же найти общие черты, присущие всем родственным языкам. Проиллюстрируем этот факт на таком примере: в древнем исландском языке при переводе эквивалента *дом* используется лексема «*timbr*»: *строительный лес*, которая чётко изображает концептуальный признак - «деревянный», данный признак олицетворяет концепт «Дом» в сознании носителей русского языка.

«Этимологический словарь русского языка» А.В. Семенова предоставляет подробные сведения о слове *дом*: «существительное *дом* впервые упоминается в древнерусском языке в XI веке. Слово обозначает «любое здание для жилья или учреждения», а также «семью или живущих вместе людей» [Этимологический словарь русского языка, <http://semenov.academic.ru/327>]. Следовательно, первоначальное значение *дом* было связано с понятиями «здание», «строение», «семья». Следует дополнить, в Словаре И.И. Срезневского приводятся дериваты *домыць*, в котором входит семантический компонент «маленький размер», *домьныи* (прилагательное от *домь*), *домочадица*, обладающие семантическими компонентами – «единение», «род» [Срезневский, 1983, Т. I: с. 699].

Эти данные также подтверждают истинность положения о представлении понятия *дом* в сознании носителя русского языка как о *жилье* и олицетворении понятия *семья*.

Рассмотрим в лексикографическом аспекте иероглиф *房 фан*, представляющий аналог лексемы *дом* в китайском языке.

В связи с особенностями китайского словообразования и письменности в Китае популярны словари об интерпретации иероглифов, а не слов. Следовательно, в ходе исследования ключевой лексемы *房 фан* выбраны современные китайские словари толкования иероглифов.

Иероглиф *房 фан* многозначен, его толкование дается в разных словарях иероглифов китайского языка (см. «Синьхуа словарь иероглифов» [ССИ, 2013],

«Словарь древнего китайского языка» [СДКЯ, 2014], «Словарь слов и иероглифов современного китайского языка» [ССИИСКЯ, 2015] и «Шовэнь цзецзы (этимологический словарь китайских иероглифов; Происхождение китайских иероглифов)» [Сюй, 2013]). При рассмотрении всех дефиниций иероглифа 房 *фан* в словарях получены следующие семантические компоненты:

1. Помещение, здание для проживания или других назначений, имеющее стены, крышу, дверь, окно.

2. Комната, отдельное, отгороженное от других пространство, помещение в квартире, доме.

3. Предмет, вещь, которая имеет подобную структуру здания, дома или выполняет функцию дома и комнаты.

4. Одна ветвь семьи, линия рода.

5. Счётное слово для брака, жён и жён сыновей, например: 两房媳妇 (дословно: два + счетное слово для брака, жен + жена): две жены (комментарий: в Древнем Китае было распространено многоженство).

6. Название группы звёзд, одно из 28 созвездий китайского зодиака.

7. *собств.* Одна из китайских фамилий – «Фан».

При анализе толкований обнаружено, что иероглиф 房 *фан* имеет главные семантические значения – «помещение, служащее для проживания или других назначений».

В «Словаре слов и иероглифов современного китайского языка», в статье,

посвященной иероглифу 房 *фан*, приведено достаточно много значений этого иероглифа:

1. Здание, постройка для проживания человека или других назначений;
2. Комната;
3. Предмет, вещь, которая имеет подобную структуру здания, дома или выполняет аналогичную функцию дома и комнаты;
4. Ветвь рода;
5. Счетное слово для жен, жен сыновей;
6. *Собст.* Название группы звёзд, одно из 28 созвездий китайского зодиака;
7. *Собст.* Одна из китайских фамилий – Фан [ССИИСКЯ, 2015, с. 202]

В ССИИСКЯ указана одна интересная дефиниция иероглифа 房 *фан*: «предмет, вещь, которая имеет подобную структуру или выполняет аналогичную функцию дома и комнаты», т.е. 房 *фан* представляется как здание, постройка для проживания, гнездо для животных, так как по структуре и функции оно похоже на *дом*.

Например, 蓮房 «семенная коробочка лотоса», иероглиф состоит из двух компонентов: *лотос* + 房 *фан* «комната» [ССИИСКЯ, 2015, с. 202] или 蜂房 «пчелиное гнездо», состоит из двух компонентов: *пчела* + 房 *фан* «комната».

Итак, иероглиф 房 *фан* обозначает «дом», «комнату», «название группы звёзд», и «счётное слово для жён и жён сыновей».

«Синьхуа словарь иероглифов» как наиболее популярный словарь китайского языка толкует иероглиф 房 *фан* коротко и ясно:

1. Дом, здание; комната;
2. Предмет, вещь, которая имеет подобную структуру здания, дома или выполняет функцию дома и комнаты;
3. Ветвь рода;
4. Название группы звёзд, одно из 28 созвездий китайского зодиака [ССИ, 2013, с. 270].

По «Словарю древнего китайского языка» 房 *фан* определяется по-другому:

1. Комната, которая находится сбоку от комнаты главной жены, т.е. флигель;
2. Ритуальная утварь, в которую можно класть жертвенные предметы;
3. Ветвь рода;
4. Жена;
5. *Собст.* Название группы звёзд, одно из 28 созвездий китайского зодиака;
6. Одна из китайских фамилий – «Фан» [СДКЯ, 2014, с. 359]».

В Словаре древнего китайского языка (СДКЯ) отсутствует значение помещения как «целое, отдельное здание», «комплекс здания», зато обнаружено еще одно важное значение – «комната в доме, которая находится рядом с главной комнатой».

В древнем китайском обществе функционировала система многожёнства, каждая жена занимала одну комнату (фан), возможно, в связи с этим, иероглиф 房 *фан* обозначает «жену» или используется в функции счетного слова для жен.

Иероглифический рисунок 房 *фан* строится следующим образом: 房 состоит из двух частей: верхняя часть 户 *ху* выражает ‘комнату, квартиру, дом’ [Сюй, 2013, с. 271] и нижняя часть 方 *фан* обозначает ‘рядом, сбоку’ и помогает определить произношение иероглифа 房 - *фан* [Сюй, 2013, с. 253]. Первоначальное значение, выражаемое со времени изобретения этого иероглифа, – «спальня, которая обычно находится рядом с гостиной (главной комнатой в жилом помещении)» [Сюй, 2013, с. 277].

В современной китайской лингвистике считают, что иероглиф 房 *фан* относится к группе фоноидеограмм – одной из четырёх групп китайских иероглифов по типу их образования. Иероглифы, входящие в эту группу, образуются из двух частей: часть для выражения значения, часть для передачи произношения иероглифа [Сюй, 2013, с.10]. Таким образом, в анализируемом иероглифе 房 *фан* часть 户 содержит главное семантическое значение иероглифа, а часть 方 представляет его произношение - *фан*. Здесь необходимо обратить внимание на семантический компонент 户 *ху*, в китайском языке он является отдельным иероглифом, который относится к группе изобразительных иероглифов (эта группа иероглифов представляет собой отдельные рисунки, которые появились в самой ранней письменности и изображались на черепаховых пластинах и гадальных костях).

Иероглиф 户 представляется основным, исходным и ключевым компонентом при образовании нескольких других иероглифов, имеющих значение ‘жилище’. Кстати, наиболее представительным иероглифом,

состоящим из 户, является иероглиф 户 (дверь, состоящая из двух 户).

При образовании иероглифов, обозначающих жилище, основным компонентом является иероглиф 户 со значением «одностворчатая дверь, установленная в каком-нибудь здании» [Сюй, 2013, с. 271]. Следовательно, новые иероглифы, образующиеся при помощи данного иероглифа, в большинстве случаев обладают значением «дверь» и «дом, жилище».

Мы полагаем, что древние китайцы, создавая иероглиф 房 *фан*, вкладывали значение иероглифа 户 ху «одностворчатая дверь, установленная в каком-нибудь здании» в значение иероглифа 房 *фан*. Как пишет Сюй Шэнь в «Шовэнь цзецзы», «дверь является действующим приспособлением для защиты семьи» [Сюй, 2013, с. 10].

Безусловно, значение «с дверями» является ключевым и ядерным понятийным признаком, это концептуальный признак, который преломляется в значение «защищающий».

Посредством анализа толкований иероглифа 房 *фан* в разных китайских словарях можем сделать следующие выводы:

1. Китайская система письма характеризуется иероглифическим свойством понятийного письма. Китайская письменность является системой иероглифов, которые не пришлось дешифровать, поскольку основные свойства ее элементов сохранились практически неизменными вплоть до нынешнего времени, несмотря на эволюцию внешних образов и значений иероглифов.

Семантические значения образно выражаются путем внешних образов иероглифов и особенно их ключей.

2. Сравнивая толкования иероглифа 房 *фан* в словарях древнего и современного китайских языков, мы можем говорить, что для древних китайцев главное значение слова 房 *фан* представлялось «жилье, охраняющее от внешней угрозы», «флигель», «количество жен», а для современного китайского народа 房 *фан* обозначает «здание, постройка, дом».

Следует отметить, что исторические изменения, происходящие в обществе, отражаются в семантике иероглифа 房 *фан*. Небольшой экскурс в историю развития семантики этих слов показывает разницу новых значений от их этимологического и древнего значения: первоначальное значение иероглифа 房 *фан* – это «комната, флигель», эти комнаты или флигели принадлежали женам и обычно находились по бокам центральной комнаты в жилом помещении. Дело в том, в Древнем Китае было распространено многоженство, и каждая жена жила в одной комнате, соответственно, из этого значения развивается значение «жена», «ветвь рода»: отдельный 房 *фан* символизировал жену.

Следовательно, иероглиф 房 *фан* отражает представления о доме в древнекитайском и современном китайском языках. Лексикографический анализ иероглифа 房 *фан* дает основание утверждать, что в нем отразился важнейший концепт «房 Фан», имеющий отношение к трактовке национального видения.

В современном китайском обществе многоженство запрещено, значение

«жена» ушло в историю, укрепляется значение «дом, здание», иероглиф 房 *фан* ассоциируется с современными зданиями, квартирами, жилищами. Таким образом, можно говорить, что концепт как ментальная единица с неизбежностью демонстрирует значения, отражающие национально-специфический колорит. Необходимо учитывать, что менталитет народа не есть нечто застывшее, он постоянно изменяется с развитием народа. Параллельно изменяется сам концепт и его содержание.

Анализ толкований лексемы *дом* и иероглифа 房 *фан* дает нам возможность обнаружить отличия в репрезентации понятия *дом* в русском и китайском языках.

Как показал анализ лексикографического материала, в русском и китайском толковых словарях дефинитивные объемы слова *дом* и иероглифа 房 *фан* почти равны и широки, что дает право говорить о значительном семантическом объеме исследуемых концептов в русском и китайском языковых сознаниях.

Объединяющим семантическим компонентом обоих концептов является значение «здание для проживания или других назначений». Между тем исследование показывает, что слово *дом* и иероглиф 房 *фан* характеризуются своими собственными значениями. В русском языке слово *дом* представлено семантическими компонентами «семейство, род, семья», «хозяйство отдельной семьи, быт», «учреждение», «заведение, предприятие», а в китайском же языке другая картина: иероглиф 房 *фан* характеризуется семантическими компонентами как «комната», «предмет, вещь, которая имеет подобную

структуру здания, дома или выполняет функцию дома и комнаты», «ветвь рода», «название группы звёзд», «китайская фамилия - Фан». Отличие в значениях отражает различие в восприятии аналогичных понятий в двух языковых сознаниях.

Итак, восприятие, запечатленное в лексеме *дом* и иероглифе *房 фан* и отраженное в концептах «Дом» и «*房 Фан*», отображает жизнь предшествующего и современного поколений русского и китайского народа.

2.3. Концепт «Дом» и концепт «*房 Фан*»: лексико-семантический аспект

2.3.1. Синонимические ряды в раскрытии концептов «Дом» и «*房 Фан*»

Согласно теории полевой структуры концепта, в ядре всякого концепта должна находиться ключевая лексема, номинирующая концепт, в нашем случае это лексема *дом* и иероглиф *房 фан*. Рассмотрение синонимов иероглифа *房 фан*, образующих синонимический ряд иероглифов, продиктовано тем, что к синонимам относятся слова «близкие по значению, разные по звучанию» [ССИ, 2013, с. 171].

Ключевое слово, как наиболее главная часть ядра номинативного поля концепта, несомненно, играет значительную роль в объективации концепта.

Концепт и его содержание тесно связаны с планом выражения

лексико-семантической парадигмы, разработка компонентов которого представляется чрезвычайно важной. Синонимический ряд как одна из лексико-семантических парадигм представляется важным для трактовки концепта и наполнения его ядра.

При исследовании наполнения ядра любого номинативного поля концепта предполагается изучение синонимического расширения ключевого слова, в нашем случае, лексемы *дом* в русском языке и иероглифа 房 *фан* в китайском.

Анализ синонимического ряда лексемы *дом* был выполнен с помощью «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» Ю.Д. Апресяна и «Словаря синонимов русского языка» А.П. Евгеньевой. Синонимы исследуются с разных точек зрения: семантики, стилистики и историко-культурного комментария.

В «Словаре синонимов русского языка» находим три синонима слова «дом»: *жилище, здание, семья* [ССРЯ, 2002, с.125]; «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» представляет большее количество синонимов: *здание, строение, постройка, корпус, жилище, жильё, жилплощадь, резиденция* [Апресян, 1999, с. 84].

Нами выбраны наиболее представительные синонимы для исследования, составляющие синонимический ряд ключевой лексемы *дом*, которая обладает понятийным признаком «жилой», т.е. населенный людьми, его характеризуют концептуальные признаки «небольшой», «деревянный» и «глинобитный».

Синонимы слова *дом*, объединяющиеся в синонимический ряд можно

разделить на следующие группы.

В первую группу объединяются слова по общему семантическому компоненту «построенное наземное архитектурное сооружение»: *здание*, *постройка* и *корпус*. Данные слова, обладая общим семантическим компонентом, существуют в языке параллельно и не дублируют друг друга. Разница выявляется не только на текстовом уровне, она явно проявляется в лексикографическом описании этих слов, где кроются их понятийные признаки.

Лексема *здание* обладает понятийным признаком «*прим.* обычно, нежилой» и концептуальным признаком «большой», «архитектурная особенность». Слово *постройка* от других слов этой группы отличает понятийный признак «нежилой» в сочетании с концептуальным признаком «небольшой». Синоним же *корпус* выражает понятийный признак «одно из несколько зданий или часть здания».

Во вторую группу объединяются слова по общему семантическому компоненту «наземное сооружение, существующее отдельно от других помещений»: *жилище*, *жильё*, *жилплощадь* и *резиденция*, имеющие общий понятийный признак «жилой» и характеризующиеся следующими признаками.

Слово *дом* обладает отличительным понятийным признаком - «принадлежность человека; часть свой личной сферы», как раз наоборот, его синоним *жилище* не имеет тесную связь с человеком как дом, т.е. не обязательно принадлежит живущему. Синоним *жильё* отличается понятийным признаком «совокупность помещений»; *жилплощадь* – «жилая площадь»;

синоним *резиденция* подчёркивает официальность места, где пребывает правительство или одно из высокопоставленных лиц.

В третью группу входит один важный синоним слова *дом* – это лексема *семья*, которая обладает понятийным признаком «группа людей, живущих в одном жилом помещении, в одной квартире», как говорят носители русского языка, «под одной крышей». На основе этого признака лексема *дом* приобрела концептуальный признак «группа людей, связанных родственными связями, живущих под одной крышей».

Кроме этого лексема *семья* обладает другими отличительными понятийными признаками, такими как группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детёнышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида [Ожегов, 1999, с. 711]. Необходимо дополнить, что синонимы отличаются друг друга не только по семантическим значениям, но и по речевым стилям и стилистической окраске. В «Словаре синонимов русского языка» З.Д. Александровой синонимический ряд слова *дом* представляют слова *доми́на* (разг.), *хоромы* (уст. и шутл.), *хоромина* (уст. и обл.), *храмина* (уст.), *очаг*, *пепелище*, *пенаты* (уст.), *квартира*, *жилплощадь*, *пристанище*, *приют*, *угол*, *гнездо*, *крыша над головой*, *жильё* (разг.), *кров* (уст. и высок.), *кровля* (уст.), *фатера* (уст. и прост.), *обитель* (уст. книжн.), *обиталище* (уст. книжн., теперь шутл.), *апартаменты* (уст., теперь шутл. и ирон.), а также *нора*, *берлога*, *логово*, *логовище* (разг.) [Александрова, 2001, с. 139].

Анализ синонимов слова *дом* даёт нам возможность более точно выяснить

его концептуальные признаки: «помещение для жилья», «семья или родственники, живущие вместе», следует выделить также и такой концептуальный признак как «часть личной сферы, где располагается твоя семья», это слово также обладает эмоционально-ценностными коннотациями.

При выявлении ядра поля концепта «房 Фан» также необходимо учесть его синонимы и синонимический ряд. Выше мы говорили о том, что иероглифы китайского языка не идентичны словам, но они выполняют функцию слова. В связи с этим, полагаем, что синонимия слов тождественна синонимии иероглифов.

Следует отметить, что синонимы-иероглифы объединены общим лексическим значением, но о тождественности значений речь, конечно, не идет. Общее лексическое значение основано на том факте, что они называют один объект действительности.

Для выражения семантического значения «помещение, жилье» в китайском языке имеются лексемы 房, 屋, 楼, 家, 住宅 и др., формирующие, соответственно, разные комплексы этого значения.

В ядерной части концепта содержится коренная мотивация, которая может быть обнаружена посредством этимологического анализа ключевой лексемы, входящей в ядро концепта.

Иероглиф 房 *фан* характеризуется наиболее широкой понятийной сферой, семный набор представлен значениями «помещение, жилое или помещение, служащее для других целей, комната».

Количество синонимов иероглифа 房 *фан*, обозначающего слово *фан*, достаточно велико.

Из лексикографических источников выбраны синонимы по первому и второму семантическому компоненту. Следовательно, его односложными синонимами являются 楼 *лоу* «многоэтажный дом», 屋 *у* «комната, помещение», 舍 *шэ* «хижина, домик», 居 *цзюй* «жилище, место проживания», 堂 *тан* «зал, храм», 殿 *дянь* «дворец» и др., его многосложными синонимами являются 房子 *фан цзы* «дом, здание»; 屋子 *у цзы* «комната, квартира»; 房屋 *фан у* «постройка; общее название для зданий, домов»; 楼房 *лоу фан* «многоэтажное здание»; 住宅 *чжу чжай* «жилище»; 住房 *чжу фан* «жилое помещение»; 居处 *цзюй чу* «местожительство»; 住所 *чжу со* «жилище, местонахождение»; 住屋 *чжу у* «постройка для семейной жизни» и др.

При выборе односложных синонимов мы используем «Шовэнь цзецзы» (используется в качестве китайского этимологического словаря), так как односложные слова, записанные отдельными иероглифами, сохранились со времен древнего китайского языка. Происхождение односложных иероглифов достаточно полно отображено в «Шовэнь цзецзы», в котором иероглифы сгруппированы по ключам.

Как известно, в современном китайском языке значение иероглифов в той или иной степени определяется их ключами (обозначающими детерминативы, наиболее символические части каждого иероглифов). Ключи большинства иероглифов до сих пор служат ярлыком существования значений, которые не

только помогают определить значения иероглифов, но и значения слов. Данные отметки (ключи) не изолированы и одиноки, напротив, они управляют группой слов одного семантического разряда. Как справедливо отмечает Ван Юй-синь, ключ служит узлом образования и структуры иероглифа, и представляет собой основной элемент в структуре иероглифа, он является корнем системы китайских иероглифов. Ключ не только отражает правило образования иероглифов, но и основную когнитивную структуру в сознании китайского народа.

Со временем внешние образы и значения иероглифов изменяются, но значения ключей иероглифов сравнительно устойчивые и помогают определить семантическое значение иероглифа и слова. Можем говорить, что ключи иероглифов в большой степени выражают значение полного иероглифа, иными словами, ключи определяют направление, по которому формируется значение иероглифа.

Ключи китайских иероглифов ограничены (282), благодаря им образуются несколько тысяч других иероглифов.

Мы отобрали некоторые ключи, в первоначальные значения которых входит семантика, связанная с 房 *фан*, например, ключи, которые обозначают состав дома (например, 户 *ху* «дверь», 宀 *мянь* «крыша»), конкретный образ дома (например, 余 *юй* «простое здание с островерхой крышей»), строительный материал дома (например, 木 *му* «дерево»), человеческую деятельность, которая связана с домом (например, 尸 *ши* «отдыхать, рождать»,

尚 *шан* «открыть окно для обеспечения освещения»). В соответствии с выделенными ключами было найдены иероглифы, в значения которых входит значение «дом», «здание»:

1. 户 *ху*. Данный иероглиф относится к изобразительной категории, в иньской письменности пишется как , может являться и существительным: 1) «створка двери, дверь одностворчатая»; 2) «дом, жилище, семейный очаг и счётное слово для семьи». 阂 *мэнь* «двери» пишется как . Иероглиф 户 *ху* совпадает с ключом и полностью сохранил изначальное значение.

房 *фан* относится к фонетической категории, в структуру которого входит верхняя часть (его ключ) 户 и нижняя часть 方 *фан*, которая дополняет и передает значение – ‘рядом, сбоку’, и произношение иероглифа 房 – это *фан* (房 и 方 как омонимия), таким образом создаётся начальное значение этого иероглифа – «спальня, комната, которая обычно находится рядом с гостиной (главная, центральная комната) в жилом помещении» [Сюй, 2013, с.10].

2. 尸 *ши* относится к изобразительной категории, и он пишется в иньской письменности как , описывает сидящего человека. Его первоначальное значение – «сидеть».

屋 *у* числится в идеографической категории. Его первоначальный вид обнаружен в письменности как . Верхняя часть изображает человека, сидящего на табурете, нижняя часть описывает: человек ложится спать. Графическая мотивированность заключается в выражении семантического значения «жить, вставать и ложиться»

[<http://www.vividict.com/WordInfo.aspx?id=1575>]. В современном китайском языке 屋 у может быть существительным, имеющим значения: 1) комната, помещение; дом, здание; жилище; 2) крыша (дома); покров; 3) дом, семья [<http://bkrs.info/slovo.php?ch=屋>].

В этом иероглифе изображаются действия человека «сидеть и лежать», и подчёркивается главная функция дома в сознании носителя языка «место отдыха для человека».

Иероглиф 居 цзюй включается в изобразительную категорию, состоит из верхней части (ключа) 亠 и нижней части 古, которая изображает только родившегося ребёнка. Изначальное значение данного иероглифа – «отдыхать дома» и «рождать (ребенка)».

Наблюдения показывают, что иероглиф 居 цзюй на сегодняшний день формирует другие значения, например: 1) «жить, проживать, жить в покое»; 2) «останавливаться»; 3) «занимать, составлять». Иероглиф 居 цзюй, выступающий в статусе существительного, развивает другие значения, такие как «жилище, квартира, место проживания», «семья, двор» и др.

В итоге, первоначальное значение «отдыхать», «рождать (ребенка)» постепенно исчезает, актуализируется другое значение данного иероглифа «жить, проживать».

Необходимо отметить, что в жизни человека продолжение рода играет важную роль, и такая традиционная точка зрения отражается в эволюции конкретного иероглифа.

3. 宀 *мянь* относится к изобразительной категории, в иньской письменности пишется как , изображает *дом, здание*. В одном иньском письме он обнаружен и изображен как , рисунок крыши дополнен рисунком , символизирующим дымовую трубу. Его первоначальное значение «здание, дом, который состоит из крыши, стен и дымовой трубы».

В современном китайском языке 宀 *мянь* как самостоятельное слово уже редко используется. Он чаще всего служит ключом большого количества иероглифов. Например, иероглиф 宅 *чжай*, его верхняя часть 宀, и нижняя часть 乇 *чжэ* (в иньском письме изображается как , которая описывает, что человек что-то поднимает. Её первоначальное значение «поднимать». Данная часть одновременно помогает определить и произношение иероглифа 宅 *чжай*. Необходимо отметить, что в значении иероглифа 宅 *чжай* подчёркивается значение «дом стоит на фундаменте, который поддерживает дом», таким образом, его первоначальное значение «строить дом, здание». В современном китайском языке иероглиф 宅 *чжай* может быть и существительным в значениях «жилище, квартира»; «могила; кладбище», и глаголом в значении: «жить, обосноваться» [<http://bkrs.info/slovo.php?ch=宅>].

Как выше указывается, дом связан с человеческой деятельностью. Его первоначальное строительство является важной вехой в человеческой цивилизации. Задача строительства жилища была продиктована желанием человека защититься от дикого зверя и непогоды. Иероглиф 宅 *чжай* образно описывает ситуацию, когда человек поднимает дерево, чтобы навести

поперечную балку здания.

Иероглиф *цзя* (в иньский письменности пишется как) относится к идеографической категории, состоит из верхней части и нижней части , в которой изображена «толстобрюхая» свинья. И иероглиф *цзя* описывает жилище, в котором разводят свиней. Для наших предков свиноводство символизировало стабильную жизнь: разводя свиней, человек будет обеспечен пищей. Первоначальное значение иероглифа *цзя* () «дом для долговременного стабильного проживания». В современном китайском языке появляются другие значения: 1) *суц.* / *счётное слово* «семья, люди, которые вместе живут» и «помещение, где они живут»; 2) «проживать»; 3) «домашний»; 4) «дом, жилище»; 5) «специалист, мастер в какой-то области»; 5) «школа, представители данной школы» и др.

Иероглиф *гон* в иньской письменности пишется как и относится к изобразительной категории. Его верхняя часть (ключ) , и нижняя часть обозначает два окна. Рисунок описывает большое здание с окнами. Графическая мотивированность данного иероглифа заключается в изображении большого многоэтажного и многооконного здания. Он может использоваться как существительное в значении «дворец, императорский (царский) двор».

Иероглифа *ши* () относится к идеографической категории, состоит из двух частей: верхняя часть и нижняя часть , которая изображает человека, лежащего на кровати. Его первоначальное значение «вернуться домой, отдыхать». Современное значение иероглифа *ши* () «спальня, спальная».

комната в жилом помещении». Данный иероглиф также может использоваться как существительное в значениях: 1) «комната, палата, зал»; 2) «дом, здание, жилище»; 3) «главная жена», и как глагол в значении «проживать».

4. 尚 *шан*. Данный иероглиф 尚 (ключ) относится к изобразительной категории и состоит из верхней части 丨, которая в иньском языке выражает семантическое значение – «разделить, открыть», и нижней части 宀, изображающей дом с солнечным окном. Его изначальное значение «открыть окно для обеспечения освещения». Он как ключ часто появляется в китайских иероглифах. Например, 堂 *тан* (в иньском письме 𠄎), который относится к фонетической категории, содержит верхнюю часть 尚 (сокращённое 尚) и нижнюю часть 土, которая изображает бугор на земле. Изначальное значение иероглифа 堂 *тан* – это «главный зал во дворце, где проводят торжественную церемонию». В современном китайском языке 堂 *тан* может быть существительным в значениях 1) «зал, высокий дом, высотное здание»; 2) «клан, родня по отцу»; 3) «канцлер, премьер-министр» и счётным словом в значении «помещение для заседаний, уроков, сборов».

5. 余 *юй* (𠄎) = 宀 «крыша» и 丨 «столб и перекладина», который изображает простое здание с островерхой крышей. Его первоначальное значение – «хижина, лачуга, помещение, предназначенное для сохранения средств сельскохозяйственного производства».

舍 *шэ* (по иньскому письму), относящийся к изобразительной категории, состоит из верхней части 宀 и нижней части 厶, которая представляет село.

Первоначальное значение данного иероглифа «постоялый двор, гостиница в деревне, селе». В современном китайском языке 舍 *шэ* может пользоваться в значениях: 1) «хижина, домик»; 2) «постоялый двор, общежитие, гостиница»; 3) «жить и отдыхать»; 4) *местоимение, унич., эпист., «мой»*.

6. 木 *му* (по яньскому письму 𣎵) относится к изобразительной категории, и его изначальное значение «дерево». Он как ключ получил большую популярность в образовании новых иероглифов. Например, 楼 *лоу* (樓) = 𣎵 (дерево) + 婁 (два человека обнимают друг друга), у которого первоначальное значение «двухэтажный или многоэтажный дом из дерева». В «Китайско-русском словаре» определяется как: 1) «башня, вышка; многоэтажное здание»; 2) «терем»; 3) «этаж» [<http://bkrs.info/slovo.php?ch=楼>].

Посредством анализа значений односложных синонимов на основе словарных статей мы обнаруживаем некоторые отличительные признаки от 房 *фан*, например:

楼 *лоу* имеет отличительный концептуальный признак – высокий и многоэтажный; в синониме 屋 *у* подчёркивается назначение для проживания; 宅 *чжай* обычно большой, и следует дополнить, что в современном языке 宅 *чжай* уже редко самостоятельно используется, и с иероглифом 住 *чжу* образуется слово 住宅 *чжу чжай*, обозначающее квартиру, жилище, которое обычно большое. Односложные синонимы 舍 *шэ*, 居 *цзюй*, 堂 *тан*, 殿 *дянь* как 宅 *чжай* также редко самостоятельно употребляются в современном китайском языке.

舍 *шэ* имеет отличительный концептуальный признак *маленький*, как *домик* в русском языке; употребление 居 *цзюй* наиболее часто появляется в речи официального стиля и его концептуальный признак *узкий и временный*; общий концептуальный признак *высокий, широкий* имеют 堂 *тан* и 殿 *дянь*; отличительным понятийным признаком лексемы 殿 *дянь* является *дом для постоянного пребывания царствующих владетельных лиц*.

При анализе односложных синонимов слова 房 *фан* можно сделать следующие выводы.

Все эти односложные синонимы, в значения которых входит общее семантическое значение «дом, здание», имеют главные изобразительные ключи, например, 户 *ху*, 尸 *ши*, 宀 *мянь*, 尚 *шан*, 余 *юй*, 木 *му*, выражающие основные значения для образования этих иероглифов. Ключи 户 *ху*, 宀 *мянь*, 尚 *шан*, 余 *юй* изображают главные части здания (дверь, крышу, окно, стену, столб). Ключ 木 *му* подчёркивает строительный материал здания. С ключом 尸 *ши* изображают сидящего человека, следовательно, 房 *фан* – это место для отдыха.

Концепт «房 *Фан*» образно и по-разному представляется в сознании предков китайского народа, и в их восприятии наиболее важным представляется понятийный признак концепта «房 *Фан*» *дом, здание, где можно осуществлять разнообразную человеческую деятельность, и он тесно связан с человеком*.

Следует указать, в современном китайском языке двухсложные слова в

наибольшей степени популярны, чем односложные слова.

Рассмотрим подробнее функционирование иероглифов, выражающих значения «дом», «квартира», «жилище».

Например, в современном китайском языке слово *房子 фан цзы* определяется как «дом, комната», и в словаре современного китайского языка его дефиниция подчёркивает его составные элементы: стены, окно, дверь и крышу. Оно состоит из двух иероглифов *房 фан* «дом, комната» и *子 цзы* «суффикс существительных».

В разговорной речи часто встречается слово *屋子 у цзы*, которое значит «дом», «здание» или «комната». Слово *房屋 фан у* выступает в качестве общего названия для домов. Синоним *楼房 лоу фан* «многоэтажный дом» несёт в себе концептуальный признак *楼 лоу значение многоэтажности*. *住宅 чжу чжэй* «жилище, квартира, обычно большая». *住所 чжу со* «местожительство, местонахождение, помещение для долговременного жилья». Синоним *住房 чжу фан* имеет значение «жилое помещение», который часто употребляется в публицистическом стиле.

Анализ синонимического ряда *房 фан* показывает, что иероглиф *房 фан* как слово и как составляющий компонент слова часто используется для выражения понятий «дом», «жилище», «квартира». Синонимический ряд описывает нам представление о *房 фан* как об одной из важных составляющих жизни каждого китайца.

Понятийная сфера, выраженная лексемой *дом* и иероглифом *房 фан*,

позволяет отнести их к культурным концептам языковых картин русского и китайского народов, так как обладает культурологической значимостью в понимании характера и особенностей культуры этих народов.

Е.В. Слепцова [2009] в своей работе отнесла концепт «Дом» к числу архетипов русской культуры. На наш взгляд, понятийная сфера, выраженная иероглифом 房 *фан*, обладает той же значимостью.

Проанализировав синонимический ряд слова *дом*, можно сказать, что в русской лексикографии дом в основном определяется как здание, жилое помещение, семья.

В ходе исследования выявлено, что понятийные сферы, выраженные лексемой *дом* и 房 *фан*, частично совпадают. Общим компонентом, присущим синонимическим рядам сопоставляемых концептов, является семантический компонент «семья, группа людей, которые живут вместе». Сопоставление семантики лексем *дом* и 房 *фан* показало, что наряду с общими признаками они обладают уникальными чертами. Например, в русском языковом сознании *дом* и *семья* взаимодополняют друг друга, являются неотъемлемыми частями единого целого, в китайском же языковом сознании более широко представлены признаки «жилое помещение», «здание, в котором осуществляется человеческая деятельность, проходит обыденная жизнь».

Признак «здание, жилое помещение» концепта «房 Фан» также репрезентируется синонимом 家 *цзя*. В китайском словаре 家 *цзя* – это единство, которое связывает группу ближайших кровных родственников с их

домом, жилищем. Его переводным эквивалентом в русском языке является слово *семья*, которое по толкованию в словаре определяется как группа людей, родственников, живущих вместе. При сопоставлении двух эквивалентных переводов было обнаружено, что в китайском языке 家 *цзя* – это абстрактное понятие, невозможно определить 家 *цзя* как предмет или как группу людей. Для русского языкового сознания для определения понятия *семьи* наиболее важным представляются члены семьи; для китайского же языкового сознания в восприятии 家 *цзя* существенно помещение, где живут члены семьи. Отсюда следует, что важность обладания собственным домом, жилищем для семьи в китайском языковом сознании выражена сильнее, нежели в русском языковом сознании.

2.3.2. Образная и ценностная составляющие концептов «Дом» и «房 Фан» (по материалам Корпуса современного китайского языка и Национального корпуса русского языка)

В современном языкознании активно развивается корпусная лингвистика. Корпус языка – это собрание обработанных и аннотированных текстов на данном языке в электронном виде.

По мнению Н.А. Николиной, анализ семантики ключевого слова в окружении других слов – это исследование «концентратов общечеловеческого смысла», такой анализ дает возможность «выявить некоторые особенности

отображения в языковой картине мира и проследить историю их становления и эволюции» [Николина, 2003, с. 75].

Исследование в таком русле позволяет выявить ядро номинативного поля концепта и некоторые концептуальные признаки, не указанные в словарях, но обладающие способностью добавить новые черты в характеристику национальной специфики языковой картины мира.

При этом, как справедливо отмечает А.А. Худяков, когда «слово вступает в синтаксический контакт с другим словом, то происходит актуализация одного из фиксируемых данным словом значений, что позволяет вынести его на передний план, высветить одно из имеющихся у слова значений» [Худяков, 2005, с. 195].

В данной работе были выбраны 89 наиболее употребляемых словосочетаний с компонентом *дом* из контекстов НКРЯ (Национального корпуса русского языка). Частотность употребления словосочетаний с компонентом *дом* высока, зафиксировано 51472 вхождения в НКРЯ. Лексема *дом* в словосочетаниях выступает в двух ролях: как ведущий компонент и как подчиненный компонент.

Рассмотрим частотность употребления словосочетаний с ведущим словом *дом* с учетом частеречной принадлежности и той функции, которую выполняет данная лексема в словосочетании.

Словосочетания с ведущим компонентом *дом*:

А. Субстантивно-субстантивные словосочетания (существительное *дом* +

существительное в функции определения):

1) дом кого? (о человеке): дом моделей 135;

2) дом кого-чего? (учреждения): дом отдыха 1095; дом учёных 287; дом культуры 594;

3) дом в/на чём?: дом в деревне 40; дом на набережной 53.

Б) Субстантивно-атрибутивные словосочетания (существительное *дом* + слово другой части речи в роли определения):

1) этот дом 4764; большой дом 1394; каменный дом 825; двухэтажный дом 579; новый дом 1218; родной дом 612; белый дом 1896; мёртвый дом 229; пушкинский дом 232; хороший дом 117;

2) свой дом 4295; наш дом 3357; его дом 2164; чужой дом 382; родильный дом 371;

В) Глагольные словосочетания (глагол + существительное *дом*):

I. *дом* как субъект: дом стоял 1270; дом спал 146;

II. *дом* как объект: войти в дом 651; выйти из дома 435; построить дом 339; продать дом 115; держать дом 74; вести дом 32; отказать от дома 34;

III. *дом* как инструмент: знакомы домами 6.

На основе текстов, выделенных из НКРЯ, рассмотрим функционирование данной лексемы и словосочетаний с ней, что позволит увидеть семантические модификации этого слова.

Дом в значении «здание, постройка»:

«Но минут через пятнадцать я, обеспокоенная тишиной (уроки мы обычно

делаем под музыку, так, чтобы гремело на *весь дом*), снова иду к его комнате.
[Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004].

«Кто-то бежит вдоль моря — / и что он видит? Видит саманный *дом*, где живёт семья» [М. Н. Айзенберг, «Облачный край, зачёсанный редким гребнем...»]. Саманный дом, небогатый, но это место, где живёт семья, и осознается как нечто родное, близкое, знакомое.

«Ещё в довоенное время торговые дела Шолоховых пошатнулись, они обанкротились, а кирпичный *дом* пошёл с торгов, и его приобрели тоже богатые купцы Хренниковы» [М. Шолохов, «Тихий Дон»].

«Теперь они жили рядом с морем, имели двухкомнатную благоустроенную квартиру в престижном *доме* сталинской постройки» [Б.Б. Михайлов, «Любовная лихорадка и золото скифов»].

«Когда они спрыгивали на полотно, разминались, рвали цветы и делали лёгкую пробежку, у всех было такое чувство, будто местность возникла только что благодаря остановке, и болотистого луга с кочками, широкой реки и красивого *дома* с церковью на высоком противоположном берегу не было бы на свете, не случись несчастья» [Б. Пастернак, «Доктор Живаго»].

Дом в значении «жилище, квартира, семья» используется, например:

«—Я – Елизавета Гарденина... *наш дом* на Гагаринской набережной...»
[А.И. Эртель, «Гарденины»]. Здесь *дом* также и характеризуется признаком «родной».

«Видимо, это связано с тем, что у родителей есть свой *дом* или квартира,

где старшекласники будет жить в случае возвращения после окончания вуза или учёбы в родном городе» (Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. «Жизненные планы выпускников школ из малых городов»). В этом контексте подчёркивается, что после достижения совершеннолетия человек должен покинуть дом родителей и самостоятельно жить. Дом родителей – это «место, к которому привязан, но которое когда-то должен покинуть».

«Где же остальные? Не люблю я этого *дома*. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдёшь» [А. Чехов, «Дядя Ваня»].

«В богатом *доме*, где Лару считали родною, не помнили долга, сделанного ею для Роди, и о нем не напоминали» [Б. Пастернак, «Доктор Живаго»].

Дом, употребляемый в значении «имущество, товар при купле, продаже, или аренде»:

«Николаю сделалось нестерпимо грустно. Он думал о том, что теперь уже не будет в Гардинине Ивана Федотыча, - из слов отца ему было ясно, что не одна христианская черта понудила Ивана Федотыча продать *дом*, а и нечто иное, следовательно, продавая *дом*, Иван Федотыч хочет совсем уехать отсюда» [А.И. Эртель, «Гарденины»]. Дом не просто «имущество» определённого человека, но и место, которое вызывает воспоминания и помогает воссоздавать картины прошлого.

Дом в значении «учреждение, предприятие»:

«Василию Стороженко не минуло и 12 лет, как по окончании церковноприходской школы отец отдал его в ученики приказчика в торговый дом купца Лёвочкина» [М. Шолохов, «Тихий Дон»].

Отрывки из художественных произведений позволяют нам выделить основные представления концепта «Дом» в сознании носителей русского языка:

1. Дом – это объект, имеющий значительное количество концептуальных признаков (*большой, каменный, двухэтажный, красный, красивый, новый* и др.). Чрезвычайно важным для носителей русского языка представляется его характеристика принадлежности, иначе говоря, в сознании носителей русского языка *дом* наиболее часто принадлежит определённому человеку или учреждению, дом является личной сферой и личным имуществом.
2. Дом – это место, обладающее определённой координатой, и отношение человека к дому наиболее часто связывается с личными эмоциями, чувствами к родным, знакомым (оно бывает тёплым, гостеприимным, дружеским и т.д.).
3. Дом – это семья и близкие люди, с кем делится одно жильё.
4. Дом связан с его хозяйством, в такой ситуации глаголы часто имеют семантические значения «управлять», «держать», «вести» и т.д.

Анализ словосочетаний в художественных, публицистических текстах позволяет обнаружить вышеназванные концептуальные признаки и выявить ядро номинативного поля исследуемого концепта «Дом».

Рассмотрим словосочетания с иероглифом 房 *фан* в китайском языке на основе корпусов китайского языка. Среди корпусов китайского языка выделяются «Китайская инфраструктура знаний» (<http://kns.cnki.net/>) и «Корпус современного китайского языка» (КСКЯ) (<http://www.cncorpus.org/vercccindex.aspx>), созданный в Пекинском университете.

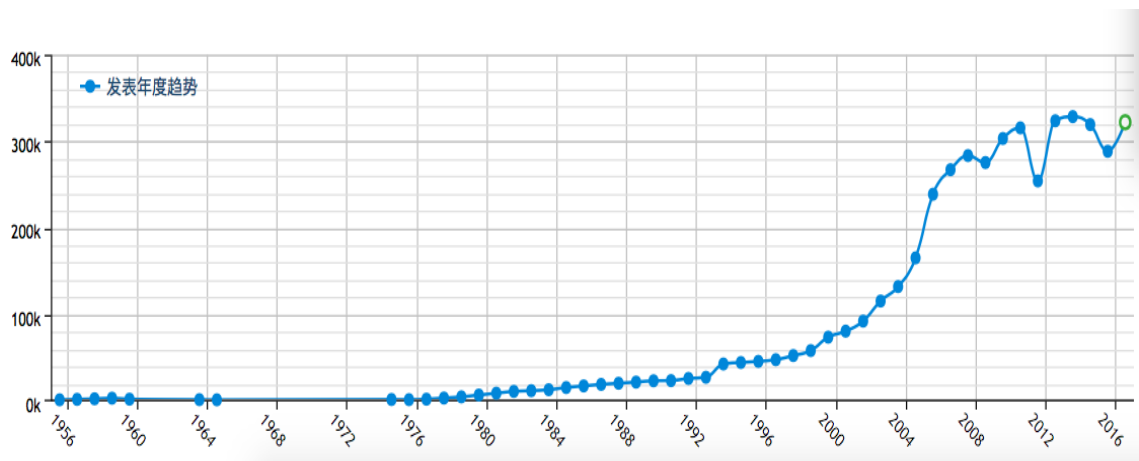
«Корпус современного китайского языка» (КСКЯ) считается наиболее представительным, основным предназначением которого является обеспечение научных исследований лексики и грамматики китайского языка.

«Китайская инфраструктура знаний» – корпус, имеющий сложный состав, объединивший разные подкорпусы, он включает периодические издания, кандидатские и докторские диссертации, научные статьи, материалы конференций, книги, печатные издания и другие ресурсы, которые образуют китайской интегрированный ресурс знаний.

В «Китайской инфраструктуре знаний» (<http://kns.cnki.net/>) было найдено 1727283 документа, включающих иероглиф 房 *фан*, и 5443866 вхождений иероглифа 房 *фан*, в том числе посредством формы слова 房子 *фан цзы* встречается 859536 раз. Иероглиф 房 *фан* первый раз употреблен, судя по данным, в Вестнике Университет Цинхуа (*Пекин*) в 1915-ом году. Его общая тенденция частотности употребления показана следующим образом:

График 1

Частотность употребления иероглифа 房 *фан*

Посредством анализа графика 1 обнаруживается, что после 1975-го года частотность употребления иероглифа 房 *фан* представляет общую тенденцию к росту. В 1994-ом и 2006-ом гг. наблюдаются две относительно больших волны увеличения, и в 2009-ом и 2012-ом гг. появляются две волны спада.

Рост увеличения частотности употребления лексемы 房 *фан* в 1994-ом г. связан с тем, что в июле этого года китайский Государственный совет принял важное решение по углублению реформирования системы городского жилья и официально открыл путь к реформированию системы жилищного строительства в Китае. Жилищная реформа была направлена на создание новой системы городского жилищного строительства и социалистической системы рыночной экономики, осуществляющей жилищную коммерциализацию и социализацию. Этот указ дал толчок для бурного развития китайского рынка (например, цена квартир в Шанхае за 10 лет выросла в 5-6 раз), который в 2006-ом г. достиг пика своего развития. Затем начинается спад, так как Китайский Народный Банк повысил ипотечные ставки менее чем за 18 месяцев три раза, чтобы сдержать спрос на жилье.

Затем в 2008 г. рынок недвижимости резко активизировался, так как

Китайский центральный банк неожиданно снизил ипотечные ставки пять раз в течение ста дней. По мнению аналитиков, цель такого решения состояла в том, чтобы облегчить нагрузку на покупку жилья и повысить покупательную способность населения на рынке жилья. Это доказывает, что китайский жилищный рынок прошел период, в котором человек не мог рационально купить квартиры для инвестиций.

После 2012-го г. цены на китайском жилищном рынке первый раз с 1996-го г. падают, тема о покупке-продаже квартир постепенно начинает терять свою остроту. Таким образом, активность использования лексемы *房 房* напрямую связана с активностью на жилищном рынке Китая.

В параграфе представлены результаты анализа часто употребляемых словосочетаний и выражений с лексемой *房 房* в художественных и публицистических текстах на материале Корпуса современного китайского языка (КСКЯ) (<http://www.cncorpus.org/ccindex.aspx>).

Осуществив поиск по основному подкорпусу КСКЯ на наличие иероглифа *房 房*, мы обнаружили 142173 вхождения иероглифа *房 房*, и первая дата использования иероглифа *房 房* – 1939 год (роман «Самовлюбленный муж», автор Фан Жэн): «譬如看不起人，不屑和自己的妻子口角，不肯为生病的孩子递一递药碗，不进产妇的房(房)，都是自大心理的证据» (Он презрительно относился к жене, считал ниже собственного достоинства ссориться с ней, не передавал чашку лекарства больному ребенку, не входил в комнату роженицы – все это были доказательства его эгоизма) (放任, 1939-5-5 «自我恋的丈夫»). Все

эти данные, которые содержатся в КСКЯ, свидетельствуют о высокой степени употребительности анализируемого иероглифа *房 фан*.

В данном параграфе мы рассматриваем часто употребительные словосочетания с ключевым словом *房 фан* и его абсолютным синонимом *房子 фан цзы*, которое состоит из *房 фан* «дом, здание» и *子 цзы* «суффикс существительных». *房子 фан цзы* используется чаще вместо иероглифа *房 фан* в современном китайском языке, дело в том, что в современном китайском языке большинство слов характеризуется двусложностью, и *房子 фан цзы* более соответствует слоговому принципу современного китайского языка. Слова *房 фан* и *房子 фан цзы* совпадают по значению и стилистической окраске. Слово *房 фан* корневое слово; и слово *房子 фан цзы* производное от слова *房 фан*. Таким образом, в данном параграфе мы выбрали словосочетания со словами *房 фан* и *房子 фан цзы*.

Син Фу-и разделяет китайские словосочетания по структуре и функции словосочетаний.

Словосочетания по структуре делятся на сочинительные, подчинительные, глагольно-объектные, субъектно-предикативные, словосочетания непрерывного движения, состоящие из двух последовательных глаголов, словосочетания дополнение-подлежащее и словосочетания с дополнением; по функции словосочетания разделяются на субстантивные, адъективные и глагольные словосочетания [Син, 1991, с. 299].

Большинство китайских словосочетаний относятся к подчинительным словосочетаниям, рассмотрим их на некоторых примерах:

Примеры китайских словосочетаний	I. Части речи	II. Грамматическая связь	
		II а	II б
太阳的光辉 солнце + дэ + сияние: сияние солнечных лучей	Существительное + дэ + существительное	Определение + центр	Подчинительные словосочетания
鲜艳的花朵 красочный + дэ + цветы: красочные цветы	Прилагательное + дэ + существительное		
参观的人群 посещать + дэ + толпа людей: толпа людей, которые посещают что-л.	Глагол + дэ + существительное		

严肃对待 серьезный + относиться: серьезно относиться	Прилагательное + глагол	Обстоятельство + центр	
即将完成 скоро + окончиться: скоро окончиться	Наречие + глагол		
为人民服务 за + народ + служить: служить народу	предложное дополнение + глагол		

Следуя мнению Син Фу-и, словосочетания, которые мы выбрали, по функции словосочетания и слова *房 фан / 房子 фан цзы* (центральный или не центральный компонент словосочетания) могут разделяться следующим образом:

I. Словосочетания, которые входят в данную группу, относятся к субстантивным. Их центральный компонент *существительное 房 фан или 房子 фан цзы*:

Атрибутивные (подчинительные) словосочетания с центральным компонентом *房 фан* или *房子 фан цзы*:

1) Существительное (центральный компонент) *房 фан* или *房子 фан цзы* в значении «дом, здание» располагается после прилагательных, и образуются качественно-предметные словосочетания:

Например: 老房子 (старый + дом): старый дом 2398; 小房子 (маленький + дом): маленький дом 1711; 大房子 (большой + дом): большой дом 1534; 好房子 (хороший + дом): хороший дом 402; 红房子 (красный + дом): красный дом 389; 破房子 (поломанный, плохой + дом): убогий или плохой дом 377; 高档房 (высокосортный + дом, квартира): престижный дорогой и хороший дом 286; 漂亮的房子 (нарядный + служебное слово дэ + дом): нарядный дом 195; 宽敞的房 (просторный + служебное слово дэ + дом): просторный дом 163; 玻璃房子 (стеклянный + дом): стеклянный дом 104; 白房子 (белый + дом): белый дом 102; 木房子 (деревянный + дом): деревянный дом 102; 美丽的房子 (красивый + служебное слово дэ + дом): красивый дом 58; 便宜的房子 (дешёвый + дом): дешёвый дом 53; 古老的房子 (старинный + служебное слово дэ + дом): старинный дом 48; 贵的房子 (дорогой + служебное слово дэ + дом): дорогой дом 22; 暖和的房子 (тёплый + служебное слово дэ + дом): тёплый дом 7; 温馨的房子 (тёплое чувство + служебное слово дэ + дом): тёплый, уютный дом 5; 适合的房子 (подходящий + служебное слово дэ + дом): подходящий дом 5.

Наиболее употребительное словосочетание 老房子 «старый дом», оно многозначно в китайском языке: помимо значения «здание старое по облику» оно имеет значение «родной дом, дом на родине». Данное словосочетание создает образ родного дома, где прошло детство, оно навеивает мысли о прошлом.

К часто употребительным относятся словосочетания 小房子 «маленький дом» и 大房子 «большой дом», что позволяет нам говорить, что в сознании носителей китайского языка концептуальный признак – размер дома представляется важным признаком концепта «房 Фан». Частота встречаемости словосочетания 小房子 «маленький дом» немного выше частоты встречаемости словосочетания 大房子 «большой дом». Во многих художественных произведениях авторы используют образ маленького дома, что позволяет выразить их симпатию к своему дому, личному пространству и семье. Образ большого дома часто символизирует осиротевший дом, пустоту и одиночество человека в душе.

2) К подчинительным словосочетаниям можно отнести словосочетания со следующей структурой: местоимение + существительное 房 *фан*.

В структуре данной группы словосочетаний существительное 房 *фан* или 房子 *фан цзы* в значении «дом, жилище» расположено после личных местоимений и подчёркивает признак концепта «房 Фан» – «личный, собственный»:

自己的房子 (свой + служебное слово дэ + дом): свой дом 716; 我的房子 (мой + служебное слово дэ + дом): мой дом 531; 他的房子 (его + служебное слово дэ + дом): его дом 401; 她的房子 (её + служебное слово дэ + дом): её дом 384, 别人的房子 (чужой + служебное слово дэ + дом): чужой дом 74; 父亲的房子 (отчий + служебное слово дэ + дом): отчий дом 33; 您的房子 (ваш + дом): ваш дом 30;

自己的房子 «свой дом» имеет сравнительно высокую частоту встречаемости. Дело в том, что 房 *фан* – реальный объект в сознании носителей китайского языка, и его принадлежность часто выражается в представлении о 房 *фан*. Словосочетания с противоположным значением «чужой дом» также входят в данную группу и вместе выражают концептуальный признак «личный, собственный», «имеющий чёткую границу между своим и чужим».

Существительное 房子 *фан цзы* сочетается с указательными местоимениями:

这个房子 (этот + счётное слово + дом): этот дом 399; 那间房子 (тот + счётное слово для комнат + комната): та комната 286; 那个房子 (тот + счётное слово + дом): тот дом 123;

3) К данной подгруппе относятся словосочетания: существительное + существительное (центральный компонент) 房 *фан*:

а) Существительное *房 房ан* в значении «жилище, квартира», расположенное после других существительных, которые обозначают материальную ценность квартиры или характеристики по цене дома, квартиры:

特价房 (специальная цена + комната): гостиничный номер с супернизкой ценой 130; 微利房 (маленькая прибыль + квартира): квартиры, построенные правительством, предоставленные людям, чтобы решить их трудности с жильём. Их цена обычно выше, чем цена социальной квартиры, и ниже, чем рыночная цена 39; 平价房 (нормальная цена + квартира, дом): квартира по доступной цене 19;

б) Существительное *房 房ан* или *房子 房子ан цзы* в значении «дом, жилище, квартира» соединяются с существительными, обозначающими место, расположение, местонахождение дома.

门面房 (внешняя сторона + дом, здание): дом, здание, которое находится на фасаде улицы 290; 学区房 (школьный район + дом, квартира): квартира, которая находится около школы 53; 北京的房子 (Пекин + служебное слово дэ + дом): дом в Пекине 35; 老家的房子 (родина + служебное слово дэ + дом): дом на родине 31; 上海的房子 (Шанхай + служебное слово дэ + дом): дом, квартира в Шанхае 25; 海边的房子 (берег моря + служебное слово дэ + дом): дом на берегу моря 13.

в) Словосочетания с центральным компонентом существительным *房 房ан* в значении «жилище, квартира» с отглагольными существительными.

Большинство из них употребительны в последние 30 лет и называет новые разные типы социального жилья, новый способ аренды домов:

Например: 保障房 (гарантия + квартира): гарантированное жильё; тип социального жилья: по унифицированному плану правительства квартиры, предоставленные части граждан по льготным ценам или за низкую арендную плату 1254; 安置房 (установление + квартира): правительство в процессе земельного использования сносит имеющиеся дома и целенаправленно продаёт квартиры по определённой (низкой) цене жителям, готовым переехать в эти дома (такие квартиры называются «устройство-квартира») 1043; 廉租房 (недорогая аренда + квартиры): тип социального жилья: жильё с низкой стоимостью аренды (жильё, субсидируемое правительством) 877; 租赁房 (аренда + квартира): квартира, дом для аренды 351; 抵押房 (залог + квартира): дом в качестве залога 121; 改善房 (улучшение + квартира): тип социального жилья: квартира с большей площадью, с лучшими условиями, если площадь старой квартиры на душу населения ниже двадцати семи метров, то покупка второй квартиры называется «квартира для улучшения уровня жизни» 55; 日租房 (аренда в сутки + квартира): квартира для суточной аренды 17;

4) Субстантивно-количественные словосочетания (числительное + счетное слово + существительное (центральный компонент) 房 *фан* или 房子 *фан цзы*):

Существительное 房子 *фан цзы* в значениях «дом, здание», «квартира», «комната» расположено после счетных слов, например:

一套房子 (один + комплект + квартира): многокомнатная квартира 772; 一间房子 (один + счётное слово для комнат + комната): одна комната 712; 一所房子 (один + счётное слово для здания + дом): один дом 418; 一栋房子 (один + счётное слово для домов): один дом 374; 一座房子 (один + счётное слово для крупных предметов + дом): один дом (крупный) 329; 一排房子 (один + счётное слово – ряд + дом): один ряд домов 82; 一处房子 (один + счётное слово для домов и квартир + дом): одна квартира 60; 三室一厅的房子 (три + комната + один + гостиная + квартира): квартира с тремя комнатами и одной гостиной 42; 一室一厅的房子 (один + комната + один + гостиная + квартира): квартира с одной комнатой и одной гостиной (двухкомнатная квартира) 16;

Частое использование счётных слов составляет одну из особенностей китайского языка. Счётные слова не только ясно указывают на количественные отношения в структуре «числительное + счётное слово + существительное», но и часто выражают дополнительное семантическое значение и стилистические особенности отношения носителей к теме высказывания. Например: счётное слово 套 *tao* (комплект) оформляет существительное 房子 *фан цзы* и дополняет значение «квартира отдельная и многокомнатная»; счётное слово 座 (счётное слово для крупных предметов) оформляет существительное 房 *фан* и показывает, что слово 房子 *фан цзы* употреблено в значении здания.

II. Субстантивные словосочетания, центральным компонентом которых являются существительные, а существительное 房 *фан* или 房子 *фан цзы*

расположено перед этими существительными и выступает в функции определения.

Словосочетания, входящие в данную группу, имеют общую структуру: существительное (房子 *фан цзы* + служебное слово «дэ» + определительное существительное (центральный компонент), в данной структуре служебное слово «дэ» сочетает два компонента словосочетания и помогает выразить принадлежность:

房子的主人 (дом + дэ + хозяин): хозяин дома 173; 房子的屋顶 (дом + дэ + крыша): крыша дома 58; 房子的价格 (дом + дэ + цена): цена дома, квартиры 44; 房子的钥匙 (дом, квартира + дэ + ключ): ключ от дома, квартиры 43; 房子的产权 (дом + имущественное право): имущественное право на дом 35; 房子的结构 (дом + дэ + структура): структура дома 34; 房子的大小 (дом + дэ + размер): размер дома 27; 房子的面积 (дом + дэ + площадь): площадь дома 23; 房子的内部 (дом + дэ + внутренность): внутренность дома 19; 房子的位置 (дом + дэ + расположение): расположение дома 15; 房子的一角 (дом + дэ + одна четвёртая часть): угол дома 15; 房子的中央 (дом + дэ + середина, центр): середина дома 12; 房子的业主 (дом + дэ + владелец): владелец дома 11; 房子的一半 (недвижимое имущество + дэ + половина): половина недвижимого имущества 11; 房子的一边 (дом + дэ + одна сторона): одна сторона дома 10; 房子的入口 (дом + дэ + вход): вход дома 6; 房子的两旁 (дом + дэ + обе стороны): обе стороны дома 5; 房子的使用权 (дом, квартира + дэ + право пользования): право пользования на дом 5; 房子的装潢 (дом, квартира + дэ +

украшение, ремонт): ремонт дома 4; 房子的上空 (дом + дэ + воздушное пространство): воздушное пространство над домом 3; 房子的材料 (дом + дэ + материал): материал дома 2; 房子的外部 (дом, здание + дэ + внешность): внешность дома 2; 房子的一层 (дом, здание + дэ + первый этаж): первый этаж дома 2.

Анализ данной подгруппы показывает, что в этих словосочетаниях слово *房子 房ан цзы* употребляется в значении «дом», «здание», «жилище», «квартира» и выступает в функции определения, обозначая то, что касается предметов, людей.

III. Глагольные (центральный компонент — глагол) словосочетания, в которых существительное *房 房ан* или *房子 房ан цзы* выступают в роли объекта или субъекта:

1) Существительное *房 房ан* или *房子 房ан цзы* как объект в значениях: 1. «дом, квартира, жилище»; 2. «имущество, недвижимость», 3. «номер в гостинице»:

Например: 买房 (покупать, купить + дом, квартира): купить квартиру 8811; 建房 (строить + дом): строить дом 7157; 租房 (арендовать + дом, квартира): арендовать квартиру 5093, 有房 (иметь + дом, квартира): иметь квартиру 3021; 没房 (не иметь, без + квартира): не иметь квартиру 796; 无房 (не обладать + дом, квартиры): не обладать квартирой 978. В китайской культуре *без дома* означает «бедный», но и «без гарантии жизни, необеспеченная жизнь»; 看房 (смотреть + дом, квартира): посмотреть

квартиру (когда человек хочет купить или арендовать квартиру) 2299; 开房 (открыть + номер): регистрация в гостинице 2029; 分房 (разделить + дом, квартира): получить квартиру (до 1998 г. по существовавшей тогда системе гражданин имел право на получение квартиры в своей рабочей организации) 1978; 订房 (заказать + номер): заказать номер 699; 卖房 (продавать + дом): продавать дом 1263; 售房 (продавать + квартира, дом): продавать квартиры 1201; 炒房 (спекулировать + недвижимость): спекулировать недвижимостью – новое словосочетание, придержать квартиру для дальнейшей продажи после повышения цен и др. 867, 找房 (искать + квартира): искать квартиру 794; 要房 (требовать + квартира): требовать квартиру 360; 暖房 (обогреть + дом, квартира): обогреть помещение, дом 347; 拆房 (разбирать + дом): сносить дом 707; 收拾房子 (убирать + дом): убирать дом 93;

Со словами *房 фан* и *房子 фан цзы* образуется немало глагольных словосочетаний, в том числе наиболее употребительным является словосочетание *买房* (покупать, купить + дом, квартира): купить квартиру 8811. Следует отметить, что в сознании современного носителя китайского языка обладание своим домом, квартирой является одним из самых важных дел в жизни.

Со стремительным развитием китайской экономики активно начали строить новые дома, появляется и бурно развивается отрасль продажи недвижимости, соответственно в современном китайском языке формируется серия новых слов для номинации новых типов социального жилья, и более

активная деятельность человека в этой области выражается в словосочетаниях с *房 房* *фан*: «建房» «строить дом», «租房» «арендовать дом, квартиру», «卖房» «продавать дом», «炒房» «спекулировать недвижимостью» и др.

2) *房子 房子 房* *цзы* – субъект и выступает в значении «дом, здание»:

房子 倒 (дом + разрушиться): дом разрушился 162; *房子 着火* (дом + загореться): дом загорелся 55.

Заметим, что порядок расположения слов *房 房* *фан* или *房子 房子 房* *цзы* в глагольных словосочетаниях определяет, в роли субъекта или объекта выступает слово. Когда существительное *房 房* *фан* находится перед глаголами, то оно является субъектом; когда существительные *房 房* *фан* или *房子 房子 房* *цзы* находятся после глаголов, то они выступают в функции объекта.

Анализ частотных словосочетаний показывает почти все стороны концепта «*房 房* *Фан*». Когда *房 房* *фан* или *房子 房子 房* *цзы* используются в значении «дом, жилище, квартира, комната», они выступают как существительные и входят в атрибутивные словосочетания со значением размера (*大房子* «большой дом»); качества (*好房子* «хороший дом»); облика (*老房子* «старый дом»); предназначения (*住的房子* «жилой дом»); цены (*平价房* «квартира по доступной цене»); местонахождения (*海边的房子* «дом на берегу моря»); принадлежности, подчинённости, права собственности (*我的房子* «мой дом, комната»).

Когда существительное *房子 фан цзы* выступает в функции определения, то в словосочетаниях показаны предметы и люди, связанные с *房 фан*, например, состав, часть дома, его хозяин, его имущественное право и др.

В глагольных словосочетаниях, особенно это касается словосочетаний, в которых *房 фан* функционирует как объект в значении «дом», «жилище», «квартира», многосторонне отражается человеческая деятельность, связанная с *房 фан* в современном китайском обществе.

Анализ текстов со словосочетаниями с компонентами *房 фан*, *房子 фан цзы* позволяют раскрыть новые грани концепта «*房 фан*», дополнить его концептуальные признаки.

房 фан как здание (постройка) может быть старым, новым, красивым – следовательно, значение отражает его концептуальный признак; как личное жилище, квартира, *房 фан* может быть дорогим, недоступным, может символизировать богатство, бедность.

Из различных примеров сочетаемости лексем *房 фан* и *房子 фан цзы* с прилагательными и глаголами можно вывести новые признаки концепта «*房 фан*». Их встречаемость в Корпусе современного китайского языка свидетельствует об их релевантности. Здесь мы взяли некоторые тексты со словосочетаниями *房 фан* и *房子 фан цзы*, чтобы выявить концептуальные признаки, стоящие за *房 фан* в китайской художественной концептосфере, например:

房 фан как «здание, постройка, имеющая свою историю»:

«一个历史古城，应该让每一条深巷横渠都被温柔地保留下来，每一栋老房子老庙都被细心地修复，还是应该被当作不合时宜的腐朽，进步的障碍，连根刨起?» (龙应台, «中国人, 你为什么生气»)

«В Старинном городе должны бережно сохранять каждые глухие улочки, должны реставрировать каждые старые *фан цзы* (дома) и храмы, или принимать их за несвоевременную гнилость, препятствие для движения вперёд и искоренять?» (Лун Ин Тай, «Китайцы, почему вы не возмущаетесь?»).

房 фан в значении «символ богатства, знак успеха и ценного наследства»:

«有一天，翻阅与梁漱溟先生有关的一本书《这个世界会好吗》，翻到后记，梁先生的一段话，突然让我心动。梁老认为，人类面临有三大问题，顺序错不得。先要解决人和物之间的问题，接下来要解决人和人之间的问题，最后一定要解决人和自己内心之间的问题。是啊，从小求学到三十而立，不就是在解决让自己有立身之本的人与物之间的问题吗？没有学历、知识、工作、钱、房子、车这些物的东西，怎敢三十而立呢?» (白岩松, «幸福在哪里»)

«Однажды просматривал книгу «Этот мир будет лучше?», написанную господином Лян Шу Мин, в послесловии меня тронула цитата Лян, где он полагает, что перед человеком стоят три важных проблемы, в очерёдности решения которых нельзя ошибаться. Сначала необходимо решить проблему между человеком и предметом, потом решить проблему между собой и другими людьми, и в конце решить вопрос между человеком и собой. Так! С детства человек знает, что в 30 лет он должен встать на ноги (достигнуть каких-то

успехов). Как встать на ноги без образования, знания, работы, денег, *фан* (дома), машины?» [Бай Янь Сунь, «Где счастье»].

Ещё пример: «邱二爷未能等到春季来临, 就去世了。临去, 他望着细马, 眼睛里只有歉疚与深深的遗憾, 因他终于没有能够给细马留下一幢好房子» (曹文轩, «草房子»).

«Цю не дождался наступления весны и умер. Перед кончиной он смотрел на Си Ма (его сына), в его глазах застыл глубокий стыд и сожаление из-за того, что он не оставил сыну хороший *фан*» [Цао Вэнь-сюан, «Тростниковая хижина»].

По китайской традиционной философии в тридцатилетнем возрасте нужно встать на ноги, т.е. в 30 лет человек должен вести самостоятельную жизнь и создать своё дело. В сознании современных китайцев *房 фан* выступает в качестве знака успеха у мужчин в карьере. В традиционном мышлении китайского народа составляющими успеха и самодостаточности мужчины являлись образование, знание, работа, деньги и др. Автор текста выражает традиционную точку зрения китайского народа, где «образование» занимает первое место в сравнении с «деньгами», «домом», «машиной». Большая часть китайского народа полагает, что образование является золотым ключом, трамплином к карьере, а хорошая карьера — значит богатство, деньги. С деньгами придет и другое: можно купить дом, машину.

Итак, *房 фан* является символом богатства в представлении китайского народа, он связан с самодостаточностью, с самореализацией.

«我们做了一则关于幸福和房子的在线调查，八成被调查者认为幸福和房子有关系，这部分人中又有 69.9% 的人认为房子是幸福家庭所必须的» («中国青年报», 2009 年 11 月 19 日)

«Мы сделали онлайн-опрос об отношении между счастьем и домом. 80% процентов респондентов считают, что счастье и *фан* взаимосвязаны, в том числе 69,9% респондентов полагают, что *фан* – необходимая составляющая счастливой семьи» [«Газета китайской молодёжи», 19.11.2009].

Следует отметить, что в сознании большинства современной китайской молодёжи обладание своим *фан* «домом, квартирой» в большой мере означает счастье или предпосылку счастья.

Старшее поколение в свое время поддерживали идеи Б. Франклина, который в своём письме-рассказе «Свисток» писал: «Счастье не свисток, его нельзя купить, потому что, если бы оно продавалось с молотка, я мог бы очень легко разориться на этой покупке и обнаружить, что я слишком много дал за свисток». Его слова напоминают людям, что счастье нельзя купить, не следует его смешивать с некоторым материальным благом и не надо платить много за свой сокровенный «свисток».

Ещё пример: «曾经小小的幸福小小的感动小小的房子，是那时我大大的幸福大大的感动大大的天地» (张爱玲).

«Бывшее мизерное счастье и маленький «*фан*» (дом) являются большим счастьем, большим проникновением и большим миром в то же время» [Чжан Ай Лин]. В идеальном представлении автора в маленьком *фан* тоже может

жить в любви и согласии счастливая семья. Образ маленького дома символизирует небогатую жизнь, но для автора жизнь в маленьком доме со всей семьёй – это большое счастье. Счастье не определяется богатством, размером дома, а отличными взаимоотношениями между супругами, членами семьи. У такой точки зрения есть свои сторонники.

Для китайского народа обладание своим *фан* представляется очень важным:

«中国人在城市住房问题上一直奉行着“重买轻租”的理念。国人既要追求所居的“居”，又要保障住有所居的“有”。租来的始终是别人的而不是自己的，租来的始终是短暂的过渡而不是长久的安身之所，只有完全拥有了属于自己的房，才算是真正地城市里落了户，站稳了脚» (周立波).

«При рассмотрении жилищного вопроса китайцы всегда придерживаются идеи о покупке *фан* (дома, квартиры), нежели аренды его. Они стремятся к «обладанию жилым помещением». В их сознании наёмный дом всегда принадлежит другому, он используется только для временного приюта и не является постоянным жилищем. И только обладание своим *фан* (домом, квартирой) означает, что человек обосновался в городе, крепко стоит на ногах» [Чжоу Ли-по].

фан – это предмет первой необходимости:

«人死了，魂灵就要到地狱里边去，地狱里边怕是他没有房子住、没有衣裳穿、没有马骑。活着的人就为他做了这么一套，用火烧了，据说是到阴间就样样都有了» (萧红, «呼兰河传»).

«Человек умер, его дух попал в ад, возможно, там нет «фан цзы» (дома), где можно жить, нет одежды, в которую можно одеваться, нет лошади, на которой можно ездить. Живой человек обладает комплексом этих вещей и ждёт, что всё это будет у него в загробном мире» [Сяо Гун, «Повесть о реке Хулань»].

Образ *фан* как предмета первой необходимости чрезвычайно глубоко укоренился в сознании китайского народа. Для китайцев необходимыми в жизни представляются жилище, одежда, пища и средства передвижения.

фан – это отдельная единица (под одной крышей живёт одна семья):

«в平安村, 有越来越多的独子和父母分灶吃饭, 但是父子俩代仍然居住在一所房子里, 大多数受访者都认为他们是一个家庭» (人民日报, 2012年7月27日).

«В деревне Пин Ан все больше и больше сыновей начинают отдельно питаться от родителей, при этом не переезжают в отдельный *фан* (дом). Но так как они всё ещё живут в одном *фан цзы* (доме), большинство считают их единой семьей» [«Жэньминь жибао» (официальное печатное издание ЦК КПК), 07.27.2012].

фан как пространство, вызывающее чувство одиночества, пустоты:

«三间大房子寂静下来, 静得空空落落冷冷清清». [«野血», 王德才, 1991]

«Три больших *фан цзы* (комнаты) становятся тихими, даже и пустыми и безмолвными» [Ван Дэ-цай, «Деревенская кровь»]

фан как нечто долговечное и крепкое:

«房是用砖建的, 是永久的, 不象对子是用纸糊的». («一个人和第二个大自

然», 李启超)

«Фан (дом) строится кирпичами, потому долговечный, не как парные надписи (для украшения), сделанные из бумажек» [Ли Чи-чжао, «Человек и второй природа»].

Итак, значения «прочный», «долговечный» как важные концептуальные признаки концепта «房 Фан» существуют в сознании носителей китайского языка и также отражаются в художественных текстах.

Следовательно, проанализировав часто употребляемые словосочетания из художественных и публицистических текстов, мы можем сделать следующие выводы:

1) «房 Фан» в представлении китайского народа выступает не просто как здание, постройка, но и как предмет первой необходимости в обыденной жизни. Его концептуальные признаки, отражаемые в часто употребляемых словосочетаниях, достаточно содержательны и интересны. Например, в словосочетании 炒房 (спекулировать + фан) первичное значение глагола 炒 – «жарить, готовить пищу в масле», его переносное значение – «спекулировать, завышать стоимость», и этот глагол с лексемой 房 фан образуют словосочетание 炒房, обозначающее «завышать стоимость недвижимости». Глагол 炒 позволяет образно описать ситуацию, когда люди «с жаром» завышают стоимость недвижимости, подчеркивая концептуальный признак «房 Фан» – это дорогой товар, его цена высокая.

2) Часто употребляемые словосочетания с компонентами *房 фан* и *房子 фан цзы* основаны на противопоставлении, например: «большой – маленький», «свой – чужой», «хороший – убогий», «купить – продать». Этот факт подтверждает мнение, что образ *房 фан* и его оценка в сознании носителей китайского языка разноречивы.

При помощи этих антонимов можно четко определить *房 фан*, который по существу является зданием. Размер жилища может быть и большим, и маленьким. Разные размеры *房 фан* могут вызывать неодинаковые психологические чувства у человека, например, большой размер *房 фан* часто ассоциируется с чувством одиночества, пустоты; маленький дом часто вызывает симпатию к дому.

Антонимическая пара «чужой – свой» ясно интерпретирует концептуальный признак концепта «*房 Фан*» – «собственное, личное пространство, которое имеет четкую границу между своим и чужим».

Антонимическая пара «хороший – убогий» подчеркивает концептуальный признак концепта «*房 Фан*» – «реальный предмет, здание, которое обладает качественным признаком». Образ хорошего дома символизирует богатство, материальное благосостояние, наоборот, убогий дом означает бедность владельца.

Антонимическая пара «купить – продать» помогает определить *房 фан* как товар, имеющий стоимость и распределяющийся в обществе путём аренды, купли-продажи

3) При помощи анализа словосочетаний в художественных и публицистических текстах было обнаружено немало интересных концептуальных признаков концепта «房 Фан», например: *房 фан* как «номер, отдельная комната в гостинице», «символ богатства», «знак успеха», «ценное наследство», «отдельная единица семьи». Эти признаки существуют в сознании носителей китайского языка, и связаны они с понятием человеческого счастья.

В ходе исследования обнаружена важность *房 фан* прежде всего для человека: наиболее важной функцией дома считается его жилое назначение, он одновременно предоставляет помещение для защиты людей от внешней неизвестной среды. Кроме этого, в *房 фан* также помещаются учреждения, предприятия, организации, в которых человек исполняет свою творческую, общественную, профессиональную и другие виды деятельности.

Следует отметить, что сочетаемостные связи лексемы *дом* и иероглифа *房 фан*, *房子 фан цзы* в большой степени основываются на различных представлениях концептов «Дом» и «房 Фан».

В русском языке представление *дома* как здания, постройки отражается в сочетаниях с определениями, называющими признаки строительного материала, этажности, качества, размера и т.д.: *каменный дом, деревянный дом, двухэтажный дом, хороший дом, большой дом* и др.; представление о доме как о своем жилище, квартире обеспечивается слову *дом* сочетаемостью с притяжательными местоимениями *наш, его, мой* и т.п.; представление о доме как об учреждении, заведении обнаруживается в сочетаниях с определениями,

обозначающими общественные нужды: *дом отдыха, дом культура*; представление о доме как о месте, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования предоставляет слову *дом* сочетаемость с определениями, например: *общий дом, общеевропейский дом и др.*

Аналогичные семантические сочетаемостные связи наблюдаются у иероглифа *房 фан*, когда он выступает в значении «здание, постройка», например: *大房子* (большой + фан): большой дом; *好房子* (хороший + фан): хороший дом; *红房子* (красный + фан): красный дом; *破房子* (поломанный, плохой + фан): убогий или плохой дом; *木房子* (деревянный + фан): деревянный дом; когда *房 фан* выражает представление о своем жилище, квартире, например: *我的房子* (мой + фан): мой дом; *他的房子* (его + фан): его дом; *她的房子* (её + фан): её дом.

При сравнении часто употребляемых словосочетаний были обнаружены особенности семантических связей лексики *дом* и иероглифа *房 фан*:

1. В отличие от особенностей семантических сочетаемостных связей иероглифа *房 фан*, слово *дом* нередко с определением *родной, отчий* образуют представление о родине, отечестве. А в китайских словосочетаниях иероглиф *房 фан* с определением *老* «старый» формируют представление о месте рождения, о родине.

2. В словосочетаниях с иероглифом *房 фан* не отражаются представления о доме как об учреждении, заведении; о месте, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования.

3. Представление о *房 房* как о здании, постройке выражается в сочетаниях со счетными и числительными словами: 一套房子 (один + комплект + фан): многокомнатная квартира; 一所房子 (один + счётное слово для здания + фан): один дом; 一栋房子 (один + счётное слово для домов + фан): один дом и т.д., используя разные счетные слова для *房 房*, мы можем определить признак размера или типа *房 房*.

4. Представление *房 房* «жилище, квартира» реализуется в словосочетаниях с определениями, обозначающими цену на дом, квартиру, например: 平价房 (нормальная цена + фан) квартира по доступной цене; 微利房 (маленький + прибыль + фан): квартира, купленная с небольшой прибылью; также с определениями, обозначающими названия больших городов и хорошее расположение: 北京的房子 (Пекинский + фан): дом в Пекине; 上海的房子 (Шанхайский + фан): дом, квартира в Шанхае 25; 海边的房子 (берег моря + фан): дом на берегу моря 13; с отглагольными существительными образуют словосочетания, выражающие разные типы социального жилья, возникшие за последние 30 лет, например: 保障房 (гарантия + квартира): гарантированное жильё; 廉租房 (недорогая аренда + квартиры): тип социального жилья: жильё с низкой стоимостью аренды (жильё, субсидируемое правительством) и др.

5. Представление о *房 房* как о номере в гостинице отражается в китайских словосочетаниях: 标准房 (стандартный + фан): стандартный номер в гостинице; 双人房 (два + человека + фан): двухместный номер и др.

Следовательно, сопоставление особенностей семантических

сочетаемостных связей лексемы *дом* и иероглифа 房 *фан* позволяет обнаружить категории для их идентификации и классификации, выявить их национальную специфику, определить условия образования коннотаций.

Исследование концептов «Дом» и «房 Фан» на материале художественных и публицистических текстов позволяет выявить и уточнить ряд национальных концептуальных признаков в сознании соответствующих народов: в русском языковом сознании *дом* – родной, близкий; родина; место, к которому человек привязан, но ему необходимо с ним расстаться; в китайском языковом сознании 房 *фан* представляется как предмет первой необходимости; 房 *фан* - гарантия жизни и счастья; знак успеха мужчин в карьере; один из важных критериев при выборе мужа.

Итак, исследуемый концепт «Дом» имеет принципиальные отличия в сравниваемых концептуальных фрагментах.

В русском художественном сознании концепт «Дом» ассоциативно тесно связан с концептами «Семья», «Родина», «Отечество», в китайском – с такими характерными для китайского менталитета смежными концептами, как «Имущество», «Недвижимость», «Богатство».

Анализ китайских художественных и публицистических текстов отражает двойственное отношение к 房 *фан*. С одной стороны, 房 *фан* оценивается как некое материальное благо, к которому необходимо стремиться, что, естественно, является тревожным знаком, с другой стороны, чувствуется неприятие такого видения 房 *фан* и выдвигается мнение о том, что помимо устремлений к

материальным ценностям человек должен обращать внимание и на духовную сторону.

Выводы по главе II

Во второй главе мы рассматриваем разные лексико-тематические парадигмы (в том числе синонимический ряд, группы часто употребляемых словосочетаний), тексты из публицистических и художественных произведений, которые выступают в качестве языкового средства для объективации концепта «Дом» и «房 Фан». Использование комбинированной методики лингвокогнитивного анализа, при которой выполняется логический анализ «от смысла к языку» и изучение всех возможных языковых средств выражения данного концепта, а также семантико-когнитивного анализа «от языка к смыслу» с определением возможных контекстов употребления ключевой лексики, ее словосочетаний и реконструкцией по выявленному набору семантических признаков средств номинации концепта, позволяет с достаточной полнотой выявить совокупность средств языковой объективации исследуемых концептов в китайском и русском языках.

Русская и китайская языковые картины мира характеризуются богатой палитрой языковых средств, воплощающих концепты «Дом» и «房 Фан», и все группы языкового корпуса отражают разные стороны привлекаемых к анализу концептов и обладают общей концептуальной идеей.

Языковая объективация центра сопоставляемых концептов осуществляется

главным образом ключевыми лексемами *дом* в русском языке и иероглифом 房 *фан*. Лексикографический анализ, в соответствии с которым *дом* и 房 *фан* зачастую считаются переводными эквивалентами друг друга, показывает значительные различия в их семантических компонентах. Наряду с общим семантическим компонентом «здание, постройка для проживания или других назначений», русскому слову *дом* свойственны компоненты «семейство, род, семья», «хозяйство отдельной семьи, быт», «учреждение», «заведение, предприятие», а китайский иероглиф 房 *фан* характеризуется семантическими компонентами как «комната», «предмет, вещь, которая имеет подобную структуру здания, дома или выполняет функцию дома и комнаты», «ветвь рода», «название группы звёзд», «китайская фамилия - Фан».

Изучение синонимического ряда лексемы *дом* и иероглифа 房 *фан* позволяет раскрыть особенности способов восприятия и структуры концептов в мышлении носителей русского и китайского языков. Интересно в этом отношении и отражение мышления предков китайского народа, зафиксированное в старокитайских иероглифах односложных синонимов.

В значения односложных синонимических иероглифов входит общее основное семантическое значение «дом, здание», но им свойственны разные изобразительные ключи для репрезентации концепта «房 Фан», например: иероглиф 房 *фан* с ключом 户 *ху* «дверь» обозначает «спальня, комната, которая обычно находится рядом с гостиной (главная, центральная комната) в жилом помещении»; иероглиф 屋 *у*, 居 *цзюй* с ключом 尸 *ши* «сидящий

человек» выражает значение «здание, дом для отдыха, рождения ребенка»; иероглифы 宅 чжэ, 家 цзя, 宮 гон, 室 ши с ключом 宀 мянь «крыша» обозначают «здание, которое имеет крышу»; иероглиф 堂 тан с ключом 尚 шан «открытое окно» выражает «большой зал, здание»; иероглифу 舍 шэ свойствен ключ 余 уи «крыша и столб»; иероглифу 楼 лоу свойствен ключ 木 му «дерево (строительный материал)». Таким образом, можно утверждать, что концепт «房 Фан» образно представлен в сознании китайского народа, и в их восприятии 房 фан наиболее важным представляется его понятийный признак – дом, здание, где можно осуществлять разнообразную человеческую деятельность, и он состоит из некоторых необходимых элементов (двери, окна, крыши, столба и др.).

В русском языке, сравнивая слово *дом* с его синонимами, можем обнаружить, что дому свойственны концептуальные признаки «жилой», «тесная связь с человеком» и «группа людей, которые живут вместе».

Исследование группы часто употребляемых словосочетаний в художественных и публицистических текстах на материале корпусов русского и китайского языков выявляет и общие, и различное. Такой подход дает нам возможность выявить национально-культурные признаки концепта «Дом» и «房 Фан» в сознании современного русского и китайского народов.

В русском языке:

Дом – это здание, постройка, в которой живет семья;

Дом – это семья;

Дом – это история семьи;

Дом – это Родина;

Дом – это прошлое, это детство.

В китайском языке вырисовывается несколько другая картина:

房 фан - здание, постройка, имеющая свою историю;

房 фан - символ богатства, знак успеха и ценное наследство;

房 фан - символ богатства в представлении китайского народа, он связан с самодостаточностью, с самореализацией;

房 фан связан с счастьем;

房 фан - предмет первой необходимости;

房 фан - отдельная единица (под одной крышей живёт одна семья);

房 фан - как пространство, вызывающее чувство одиночества, пустоты.

Концепты «Дом» и «*房 Фан*» служат значимым строевым элементом в русской и китайской национальных концептосферах, так как касаются многих сфер деятельности человека. Специфика этих концептов заключается в том, что в них заключены следующие концептуальные признаки: *дом* – «место, где тебя любят», «место, где человеку комфортно», «место, связанное с чувством единения», а *房 фан* – это «знак успеха», «предпосылка для вступления в брак», «ценное наследство» и др. Эти концептуальные признаки отражают национальную культурную специфику русского и китайского этносов.

ГЛАВА III. КОНЦЕПТ «ДОМ» И КОНЦЕПТ «房 ФАН» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВЫХ СОЗНАНИЯХ

3.1. Репрезентация концепта «Дом» во фразеологизмах русского языка

В нашем исследовании мы рассматриваем наряду с идиомами устойчивые словосочетания и паремиологический фонд русского языка, который включает русские пословицы, поговорки, афоризмы и некоторые крылатые выражения, отражающие концептуальные признаки концепта «Дом».

В состав исследуемых фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Дом», входят как лексема *дом*, ее синонимы, дериваты, так и лексемы, которые связаны со значением *дом*.

Фразеологические единицы разделяются по общим понятийным признакам на основные группы и по отражающим общим отличительным концептуальным признакам на некоторые подгруппы.

I. понятийный признак здание для проживания или других назначений:

1) концептуальный признак **родной, свой – чужой; внутренний - внешний:**

идиомы выявляют концептуальный признак концепта «Дом» – *родной, отчий дом* «о месте рождения, о родительском крове» [ФССРЛЯ, 2004, с. 345]; *быть, становиться отчим, родным домом* «о месте, которое становится

близким, дорогим для кого-либо» [ФССРЛЯ, 2004, с. 345]; *родимое гнездо* «место, где кто-либо родился и вырос; родной дом» [Фёдоров, 2008, с. 139]; *крыша дома твоего (своего)* «родной кров» [БСКСРУЯ, 2000, с. 239]; *родительский дом* [БСКСРУЯ, 2000, с. 273].

Дом – это место, вызывающее родное, близкое чувство по духу и привычке, это находит отражение в крылатом выражении: *«Слова, которые слышали мы от своей матери, цвет увиденного над землёй неба, ласковое тепло земли, берёзка под окном родительского дома навеки остаются в памяти нашей»* (И.С. Соколов-Микитов).

Родительский, отчий дом, другими словами, родители и среда роста, имеет огромное влияние на судьбу, вкусы и характер человека. Индивидуальное впечатление от родительского дома сохраняется в памяти каждого человека на всю его жизнь. И когда человек находится на чужбине, он всегда скучает по дому, родине. В этом плане представляет интерес противопоставление – «свой» и «чужой». Своё место значит свой дом, отчий дом, родина, а чужое означает чужие дома, страны и др. Афоризм: *«Чужое небо и чужие страны радуют нас только на очень короткое время: несмотря на всю свою красоту. В конце концов придёт пора, когда одинокая ромашка на краю дороги к отчому дому покажется нам милее звёздного неба над Великим океаном, и крик соседского петуха прозвучит как голос родины, зовущий нас обратно в свои поля и леса, покрытые туманом»* (К. Г. Паустовский), выражает именно такой концептуальный признак антонимической пары «свой – чужой». Следует

отметить, «свой дом» не всегда выражает положительную оценку. В высказывании: *«Кто смеет хулить жизнь? Кто осмелится объявить, что мир неинтересен? Да, если человек заблудился в подворотне своего дома, своего жалкого я - пусть склонится над булыжником и задумается над тем, что этот камень видел за сотни лет своего существования. У жизни есть лишь один недостаток – она коротка»* (Г.И. Серебрякова) – выражается, что дом слишком знакомое место, в котором нет никакой новизны.

Дом, как правило, противопоставляется внешнему миру. Дом – это место своё, личное и внутреннее.

Дом часто встречается и в крылатых выражениях о повседневной жизни и знакомой среде: *«Живёшь в родной среде, где ты вырос, возмужал, вошёл в большую жизнь, и все тебе кажется обыкновенным, будничным. Но получишь пример для сравнения, как бы приложишь масштабную линейку и вдруг видишь то, чего дома не замечаешь* (Б.Н. Полевой)». Поиск внешнего мира всегда интересен и может приносить новый опыт, знание человеку, в отличие от внешнего мира, дом является знакомым, привычным местом.

2) концептуальный признак **крепкий, безопасный, защищающий**:

«Худой дом, да загородишко, за него завалюсь, ничего не боюсь» [Булыко, 2007, с. 100]; *Пса из дома не выгонят* «прост. экспрес. О холодной, ненастной погоде» [Фёдоров, 2008, с. 112]. Защита как наиболее основная функция дома описывается в приведенных фразеологизмах.

Данный признак также отражается в популярной пословице *Мой дом – моя*

крепость «дом любого человека неприкосновенен» [БСКСРУЯ, 2000, с. 278], отражая типичный образ дома «крепкий, защищающий».

Дом как жилое помещение защищает человека от невзгод, риска, это место, где чувствуешь себя безопасно. Но *«что человека из дому-то гонит? Отвага. А ежели отваги нет, ну и сидит дома»* (А. Н. Островский). Здесь внешний мир в противоположность своему дому опасный, незнакомый, открыть который нужна смелость.

Интересно отметить, что в русском языковом сознании дом не всегда может защитить человека от всех плохих вещей, как написано В.А. Сухомлинским: *«Три бедствия есть у человека: смерть, старость и плохие дети. От старости и смерти никто не может закрыть двери своего дома, но от плохих детей дом могут уберечь сами дети»* (В.А. Сухомлинский).

3) концептуальный признак **непрочный, нереальный**:

Строительство дома всегда является делом, требующим крепких строительных материалов, определённых навыков, усилий и времени, для построения дома важным представляется его прочное основание. Недостаток того или другого этапа может привести к неполучению хорошего результата. Таким образом, при описании понятия «непрочность», «фантазия» может быть использованы метафоры *карточный домик*: 1. Пренебр. «Лёгкая непрочная постройка»; 2. Ирон. «О предложениях, расчётах и т.п., не имеющих под собой прочного основания и недолговечных» [Фёдоров, 2008, с. 206]; как *карточный домик*: *Что фантазия создаёт, то анализ разрушает, как карточный домик*

[Фёдоров, 2008, с. 206].

4) концептуальный признак антонимических пар **живой – мертвый; с детьми - без детей:**

Дом пахнет дымом, а гроб ладаном [РПИП, 1988, с. 83], *Дом с детьми - базар, без детей - могила* [РПИП, 1988, с.83].

5) концептуальный признак **дом можно сравнить с человеком:**

Чем выше дом, тем запущенней чердак «о высоком и грубом человеке» [Елистратов, 2000, с. 117].

II. В данной группе фразеологических единицах отражён понятийный признак **своё жильё, семья, их хозяйство.**

1) дополнительный понятийный признак **место работы:**

Брать работу на дом [ФССРЛЯ, 2004, 345]; *работать, делать и т.п. что-либо по дому* [ФССРЛЯ, 2004, 345];

2) концептуальный признак **домом нужно управлять, вести хозяйство:**

жить, править, обзавестись и т.п. своим домком «жить, править, обзавестись, т.е. своей семьёй, своим хозяйством» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *жить, жизнь на два дома* «являясь членами одной семьи, быть вынужденными вести хозяйство отдельно» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *вести дом, править домом* (разг.) «вести хозяйство, хозяйничать» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *жить одним домом с кем-либо* «вместе, сообща вести хозяйство» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *нести, тащить в дом* (разг.) «стараться приобрести, взять для своего хозяйства» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *домашние дела* [ФССРЛЯ, 2004, с. 346];

заживать/зажить *домом* «(устар.) начинать жизнь самостоятельно, имея своё хозяйство, полный достаток, вести своё хозяйство» [Фёдоров, 2008, с. 206]; *работать, делать и т.п. что-л. по дому* [ФССРЛЯ, 2004, с. 345]; *отбиваться / отбиться, отходить / отойти от дома* « (разг.) терять интерес к домашним обязанностям, занятиям, делам; редко бывать дома» [Фёдоров, 2008, с. 441]; *и малый дом большим трудом ставится* [Булыко, 2007, с. 100], *хоть из дома беги* « (разг.) о трудных, невыносимых условиях, обстоятельствах, тяжёлой обстановке где-либо, у кого-либо» [ФССРЛЯ, 2004, с. 345].

Дом не только место для отдыха, но и место работы, другими словами, домашние дела, хозяйство – все это нужно вести, на это требуются силы и время. В русской фразеологии обращается внимание на нелегкость, тягостность, скучность, важность правильного управления домашним хозяйством. В противопоставлении этой позиции дом также место, где можно отдыхать, бездельничать, это отражено в следующих фразеологических единицах: *дома не сидится, а в гости не зовут* [Булыко, 2007, с. 101]; *дома сидеть, нечего не высидеть* [Булыко, 2007, с. 101].

В сознании носителей русского языка с домом всегда ассоциируется домашние дела, хлопоты; построить дом и вести его как подобает сложно, данное общее впечатление отражается в пословицах и поговорках: *Дом не велик, да (а) лежать не велит* «домашние заботы отнимают у человека очень много времени» [Жуков, 2000, с. 107]; *Домок-то вести - не возжами трясти, а надо концы с концами свести* [РПИП, 1988, с. 84]; *Домок не велик, да садиться не*

велит [РПИП, 1988, с. 84]; *Дом вести - не рукавом трясти* [РПИП, 1988, с. 83]»; *Дом построить - не шапку на голову надеть* [РПИП, 1988, с. 83]; *Дом дело найдёт* [РПИП, 1988, с. 83].

В русских афоризмах реализованы представления о домашних делах, хозяйстве, как скучных, повторяющихся, так и бесконечных, трудных: *«Работа, дом, вечная нехватка времени - сколько женщин они надломил, преждевременно состарили!»* (И. Грекова); *«Каждый культурный человек будет негодовать на всякого, кто затеет сунуть нос в его домашнее дело...»* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

3) **концептуальный признак дом должен иметь самостоятельное хозяйство, по своим правилам обособленно вестись и не зависеть от других:**

жить, править, обзавестись и т.п. своим домком «жить, править, обзавестись и т.п., то есть своей семьёй, своим хозяйством» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *вить/свить гнездо* (разг.) 1. «Устраивать свою семейную жизнь, свой дом»; 2. «Селиться где-либо на длительное время» [Фёдоров, 2008, с. 78]; *жить своим, отдельным домом* «жить самостоятельно, отдельно от родителей» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *заживать/зажить домом* «(устар.) начинать жизнь самостоятельно, имея своё хозяйство, полный достаток, вести своё хозяйство» [Фёдоров, 2008, с. 206]; *на крыло* «(экспресс.) став взрослым и самостоятельным, уехать из родного дома» [Фёдоров, 2008, с. 327]; *Дом дому не указывает* [РПИП, 1988, с. 83].

В пословице *Дома не в гостях: посидев, не уйдёшь* [РПИП, 1988, с. 84] акцентируется концептуальный признак «место, требующее ведения и несения ответственности за семью», похожий признак также и появляется в пословице *Домом жить - не разиня рот ходить* [РПИП, 1988, с. 84].

В этих фразеологизмах отражается, что обзавестись своим домом – значит самостоятельно жить, не ожидая помощи от других.

4) концептуальный признак антонимических пар **открытый-закрытый; гостеприимный-негостеприимный:**

открытый дом «о семье, которая часто принимает гостей, которые могут приходить без приглашения» [Фёдоров, 2008, с. 660]; *открытый стол* «(устар.) Обеды, ужины и т.п. в частном доме (богатого, знатного человека), на которые можно приходить людям данного круга без приглашения» [Фёдоров, 2008, с. 660].

Дом – это место, где можно принимать гостей, даже и без специального приглашения, часто вызывает близкое, тёплое, гостеприимное чувство у человека. Но он также и может быть закрытым, негостеприимным, не принимать кого-то в дом, семью, например, *закрывать/закрывать двери дома перед кем* «(устар.) отказывать кому-либо в приёме у себя дома» [Федоров, 2008, с. 242], *дом закрыт* «кого-либо не принимают в какой-либо семье» [ФССРЛЯ, 2004, с. 345]. В этих фразеологизмах отражено отношение между семьёй и её членами, к гостю, другу, отношения между двумя семьями. Эти фразеологизмы позволяют выявить такие признаки в содержании концепта «дом как

открытое/закрытое пространство».

5) концептуальный признак **семья как единство создает дружбу с другими семьями.**

быть знакомым домами «быть знакомым семьями» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *мир дому сему* [ФССРЛЯ, 2004, с. 346];

б) концептуальный признак **хорошее, лучшее место, где всегда можно найти помощь и поддержку:**

Хорошо в гостях, а дома лучше [Булыко, 2007, с. 100]; *В этом доме и вода что мёд* [Булыко, 2007, с. 102]. Дома всегда лучше, чем в гостях, пусть даже бедно, убого, неопратно. *Дома и солома съедается* [Жуков, 2000, с. 107]. *Дома стены помогают* [Жуков, 2000, с. 107]; *Дома все споро, а вчуже житье хуже* [РПИП, 1988, с. 83]; *Домашний телёнок лучше заморской коровы* [РПИП, 1988, с. 84]; *Домашняя копейка лучше заезжего рубля* [РПИП, 1988, с. 84].

7) концептуальный признак антонимической пары **богатый - бедный:**

жить полным домом «(устар. экспресс.) быть богатым, обладать достатком» [Фёдоров, 2008, с. 230], *голь бездомная* «(пренебр.) бедняки, нищие, неимущие» [Фёдоров, 2008, с. 149].

Дома одни кости: хоть ешь, хоть гложь, хоть в запас положи [Аникина, 1988, с.84]; *Дома-то и не голод, да подарок-то дорог* [РПИП, 1988, с. 84]; *Дома щь без круп, а в гостях шапка в рубль* [РПИП, 1988, с. 84]

Как под каждый ей листком / был готов и стол, и дом 1. «О тех, кто достигает материального благосостояния без труда и забот»; 2. «О людях,

довольствующихся малым, живущих аскетично, нетребовательных» [БСКСРУЯ, 2000, с. 214]».

8) концептуальный признак **место, вызывающее чувство свободы и характеризующееся отсутствием стеснения:**

как у себя дома (быть, чувствовать себя и т.п.) «свободно, непринуждённо, не стесняясь» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *как дома* «свободно, без стеснения» [Булыко, 2007, с. 189]; *Дома - как хочу, а в людях - как велят* [РПИП, 1988, с. 84], *Дома - вприкуску, а в гостях - внакладку* [РПИП, 1988, с. 83].

Фразеологизм *в домашнем виде (быть, появиться и т.п.)* «в одежде, предназначенной для ношения дома» [ФССРЛЯ, 2004, с. 346] подчёркивает, когда человек дома обычно ходит в произвольной, удобной одежде, соответствующей домашней среде (свободной, удобной).

Дома человек может делать дело по своему желанию, может быть свободным. Дом всегда связан с чувством свободы и отсутствием стеснения.

9) концептуальный признак **место, внутри или вне которого человек может испытывать чувства одиночества:**

как пёс бездомный «(разг. экспресс.) без родных и близких, одинокий, без постоянного местопребывания» [Фёдоров, 2008, с. 469], в этом фразеологизме отражён понятийный признак «семья» и концептуальные признаки «в доме должны быть родственники и близкие, в доме не испытываешь чувство одиночества».

10) концептуальный признак **дом имеет тесную связь с его хозяином,**

человеком:

Невозможно отделить дом от человека и его хозяина. В огромном числе русских фразеологизмов выражается идея, что хозяин играет ведущую роль в доме, его управлении и семейной жизни. Например, *хозяин в доме всему голова* [Булыко, 2007, с. 100]; *Без хозяина дом сирота* [Булыко, 2007, с. 100]; *Обед не в обед, как хозяина дома нет* [Булыко, 2007, с. 100]; *В дом входя, хозяев не бьют* [Булыко, 2007, с. 103]; *Дом без призора - яма* [РПИП, 1988, с. 83]; *Дом без хозяина - сиротинка* [РПИП, 1988, с. 83]. Без человека дом не имеет никакой значения. Русские фразеологизмы также подчёркивает главный статус хозяина в семье, доме, например: *Дом не старше хозяина* [РПИП, 1988, с. 83]; *Дом хорош, да хозяин не гош* [РПИП, 1988, с. 83]. Без хозяина и хозяйки дом невозможно устроить, как написано в афоризме: «*Всякий дом хозяевами держится*» (А.Н. Островский).

В русской фразеологии специально выделяется хозяйка дома: *Ворота стоят на двух верях, а дом - на двух головах* [Булыко, 2007, с. 101]), женщина как главная сила отвечает за домашние дела: *Баба в доме - во всем порядок* [Булыко, 2007, с. 100].

Человек, связанный с домом, также может быть домашним вором. Пословицы *Домашний вор опаснее чужого* [РПИП, 1988, с. 84] и *Домашнего вора не убережешься* [РПИП, 1988, с. 84] отражают страх перед домашним вором и доказывают, что дом не совершенно безопасное место.

Таким образом, можно утверждать, что человек занимает важное место в

доме, дом предоставляет место, где люди осуществляют разную жизненную, общественную деятельность.

11) концептуальный признак **дома должен быть порядок:**

«*Все смешалось в доме Облонских*» « (шутл.) о страшной неразберихе, сумятице» [СРФИС, 1998, с. 164]. «Дом Облонских» появляется в романе «*Анна Каренина*» Л.Н. Толстого, автор создал прототип о *смутном, беспорядочном образе дома*, понимаемом только носителями русской культуры.

12) концептуальный признак **место, куда человеку надо возвращаться:**

До дому, до хаты «домой, в обратный путь» [БСКСРУЯ, 2000, с. 146]».

Дом – это **место, которое всегда вызывает тоску людей по нему**, когда они живут на чужбине, такую эмоцию выражают пословицы *Домашняя дума в дорогу не годится* [Жуков, 2000, с. 107]; «*А я в Россию, домой хочу, / я так давно не видел маму*»: «этой фразой в устной разг. речи, стремясь избежать патетики, характеризуют состояние тоски по родине, по дому» [БСКСРУЯ, 2000, с. 35].

Концептуальный признак **дом как отправной и конечной пункт повседневной жизни и работы** часто встречается в русских афоризмах. Например: «*У всякого своя планида, все равно, как камень с неба. Выйдешь утром из дому, а воротиться ли - не знаешь*» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Здесь дом выступает как основание существования человека.

13) концептуальный признак, объективирующийся в модели «**сидеть дома**» - **это не успешно**. И данный признак может быть обнаружен в крылатом

выражении: «*Дома-то сидя, ничего не высидишь!*» (А.Н. Островский)».

III. Данная группа фразеологизмов характеризуется понятийным признаком **учреждение, организация, предприятие, обслуживающее какие-либо общественные нужды** и другими отличительными концептуальными признаками: *Белый дом*: 1. «Резиденция американского президента в Вашингтоне»; 2. «В России: главное правительственное здание» [Ожегов, 2006, с. 174]; *съезжий дом* ист. «административно-полицейская канцелярия» [Фёдоров, 2008, с. 206]. Дом может быть государственным, правительственным учреждением.

воспитательный дом «(устар.) благотворительное учреждение для воспитания внебрачных детей и подкидышей» [Фёдоров, 2008, с. 205]; *сиротский дом* «(устар.) детский дом, приют» [Фёдоров, 2008, с. 206];

странноприимный дом 1. «(устар.) Помещение для странников»; 2. «Приют для бездомных бедняков; богадельня» [Фёдоров, 2008, с. 206];

жёлтый дом «(устар. прост. презр.) Больница для душевнобольных, сумасшедший дом. Дом в выражении назван жёлтым по окраске обуховской больницы для душевнобольных в Петербурге» [СРФИС, 1998, с. 164]; *отправить в жёлтый дом кого* «(устар. прост. пренебр.) Отправить в сумасшедший дом, объявить кого-либо душевнобольным» [ФССРЛЯ, 2004, 346]; *сумасшедший дом* [ФССРЛЯ, 2004, с. 346]; *бешеный дом* устар. «(устар.) То же, что сумасшедший дом» [Фёдоров, 2008, с. 205];

казенный дом [Фёдоров, 2008, с. 205], *мертвый дом* [Фёдоров, 2008, с. 205],

смирительный дом [Фёдоров, 2008, с. 206] - это тюрьма;

божий дом [Фёдоров, 2008, с. 205], *господень дом* [Фёдоров, 2008, с. 205] - это церковь;

дом терпимости [Молотков, 1978, с.143], *публичный дом* [Молотков, 1978, с. 143], *веселый дом* [Фёдоров, 2008, с. 205], *непотребный дом* [Фёдоров, 2008, с. 205] – это заведение, где живут и принимают посетителей проститутки в капиталистическом обществе; в метафорической модели *дом свиданий* «(устар.) Заведение для тайных любовных свиданий» [Фёдоров, 2008, с. 205];

игорный (игрецкий) дом [Фёдоров, 2008, с. 205], *картёжный дом* [Фёдоров, 2008, с. 205] - это казино;

ночлежный дом «(устар.) Помещение с нарами, где за низкую плату могла получить ночлег не имеющая пристанища беднота» [Фёдоров, 2008, с. 205];

питейный дом «(устар. прост.) кабак» [Фёдоров, 2008, с. 206];

скудельный дом «(устар.) морг» [Фёдоров, 2008, с. 206].

Проведенный анализ русской фразеологии позволяет сделать следующие выводы:

1. В русском языковом сознании дом нередко вызывает родное чувство, родной дом символизирует родину, отечество. Родина значит свое место, и когда человек на чужбине, он всегда скучает по дому, родине. Территория вне дома, родины считается чужим, незнакомым, опасным местом, связанным с риском.

2. Русский дом характеризуется признаками «крепким», «безопасным», «защищающим», «ограниченным», «хорошее, даже лучшее место, где всегда

можно найти помощь и поддержку», «место, вызывающее чувство свободы и характеризующееся отсутствием стеснения», все они с положительной оценкой. Но в некоторых случаях также может быть с отрицательной оценкой, например, дом без детей; когда человек один дома, он испытывает чувство одиночества; дом всегда связан с домашними делами, хлопотами, которые скучные, повторяющиеся каждый день, бесконечные и трудные.

3. Отличительным признаком, отражающимся в русской фразеологии, является признак «дом имеет тесную связь с его хозяином, человеком». Без человека не имеет значения обсуждать дом. Хозяин играет значительную роль в ведении дома, семьи, в представлении носителей русского языка женщина как главная сила отвечает за домашние дела, без женщины дома нет порядка. По сущности дом служит местом для осуществления разной жизненной, общественной деятельности человека.

4. Общей идеей концепта «Дом», которая отражается в русском языковом сознании, является то, что дом – это отправной и конечной пункт повседневной жизни и работы; дом – это место, куда человеку необходимо возвращаться, которое также можно отнести к национальной специфике: закон, по которому обращаются с людьми и ведутся дела; отношение между человеком и внешним миром, между членами семьи, между соседями.

Таким образом, анализ фразеологического поля позволяет сделать выводы о некоторых концептуальных признаках концепта «Дом». Изучение прежде всего предоставляет сведения о национальных идеях, отражённых в русском

фразеологическом поле «Дом», без которого содержание исследуемого концепта остаётся недостаточно полным. Для более полного выяснения необходимо анализ других языковых структур, участвующих в объективации изучаемого концепта.

3.2. Репрезентация концепта «房 Фан» во фразеологизмах китайского языка

Фразеологизм как устойчивое сочетание формируется в процессе исторического развития языка. Это сочетание, обладающее богатыми структурно-семантическими свойствами и создающее вербальные неповторимые образы в языке, отражающиеся в картине мира определенного этноса.

Фразеологизм как одно из распространенных средств вербализации концепта характеризуется культурологической значимостью, требующей контекстуальной и дискурсивной поддержки; имеет отличительную способность к опосредованному, образному и экспрессивному обозначению свойства социально-психической жизни человека; репрезентирует фразеологические знания, обладающие ценностной, культурно-ментальной структурой.

Следовательно, в плане содержания концепта отображаются национальные черты мировидения, которые обнаруживаются в таких важных рефлексивных средствах – фразеологизмах.

В разных языках фразеологическая система отражает универсальные и национально уникальные особенности. Китайская фразеология характеризуется многовековой историей, достаточно большим количеством фразеологических единиц и их собственной сложной классификацией.

По структурно-семантической классификации В.И. Горелов разделяет китайские фразеологизмы на две основные группы: фразеологизмы-словосочетания и фразеологизмы-предложения. По функционально-стилистической классификации фразеологизмы могут быть сгруппированы на фразеологизмы разговорного, публицистического, научно-технического и официально-делового стилей, а также служебные фразеологизмы [Горелов, 1984, с. 174-180].

Следует отметить, в китайской фразеологии существует несколько основных типов фразеологических единиц, например, 成语 *чэньюй* - «устойчивое фразеологическое словосочетание, чаще четырехсловное, построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Горелов, 1979, с. 38]; 惯用语 *гуаньюньюй* — это выражения, созданные китайским народом в долговременной бытовой жизни, отличаются от *чэньюй* разговорным речевым стилем, точным образными значениями [ССИ, 2013, с. 217]; 谚语 *яньюй* – это народные речения, бытующие в народе устойчивые речения, которые простыми словами выражают глубокую истину [ССИ, 2013, с. 491]; 歇后语 *сехоулюй* – это

недоговорки, речения с усекаемой концовкой, представляют собой особую разновидность народных речений, которая характеризуется определёнными синтаксическими, эмоционально-экспрессивными и функциональными признаками [Горелов, 1979, с. 165]. «В отличие от пословицы или поговорки, в которых коммуникативное значение речения определяется всем его составом, в недоговорке коммуникативная ценность всецело заключена в её втором члене... При этом реализуемое в речи значение второго члена очень часто не совпадает с тем его значением, в котором он употребляется в собственном контексте недоговорки как раскрытие иносказания» [Прядохин, 2007, с. 11-12]. А также 警句 *цзинцзюй* – это лаконичные, отточенные речения, обладающие глубоким смысловым содержанием и большой силой художественного воздействия [Горелов, 1979, с. 50]. Они написаны на древнем и современном китайском языках. Вышеперечисленные основные типы фразеологических единиц обладают общностью: все они являются излюбленными средствами выразительности, которые не только объяснительные, мотивирующие, но и экспрессивные, эмоциональные, оценочные, отражающие яркий национальный стиль и особенности китайской традиционной философии и действительности. Они воплощают в себе жизненные наблюдения, коллективный опыт китайского народа, его мудрость.

Чтобы более содержательно и всесторонне охарактеризовать концепт «房 Фан», мы взяли китайские фразеологизмы с иероглифом 房 *фан* и его синонимами, например, синоним 屋 *у* («комната», «жилище», «здание»), 宅

чжай («жилище», «квартира»), *шэ* («дом», «хижина») и т. д. И в данном параграфе выбраны 76 фразеологических единиц (ФЕ), в том числе 29 *чэньюй*, 2 *гуаньюньюй*, 23 *яньюй*, 11 *сехоуяй*, 11 *цзинцзюй*, которые с разных сторон отражают составляющие концепта «*房* Фан» в сознании носителей китайского языка.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие группы по общим понятийным составляющим концепта.

I. Понятийный признак **флигель, комната, отдельное от других помещение в доме, квартире**, например:

В древнем китайском языке слово *洞房 дун фан* (букв. пещера + *фан*) переводится как «комната новобрачных», и в *чэньюй* *洞房花烛* (букв. пещера + *фан* + цветы + свечи) описываются украшения в комнате для новобрачных, обозначающие «свадьбу», «свадебную ночь» [Ван, 1987, с. 505], и *房 фан* становится переносным наименованием со значением «начальное место брачной жизни».

Чэньюй *文房四宝* (букв. книжные + *фан* + четыре + драгоценность), обозначает четыре драгоценности рабочего кабинета, т. е. письменные принадлежности (кисть, тушь, бумага и тушечница) [Ван, 1987, с. 1444] описывает *房 фан* как «место, комната, где можно работать или учиться».

Интересный признак обнаружен в *чэньюй* *独守空房* (одиночество + караулить + пустой + *фан*): жить в одиночестве, оставаться одному [Ван, 1987, с. 512]. В китайской культуре этот *чэньюй* часто используется для описания

жизни замужней женщины без мужа. Образ *空房 кун фан* (букв. «пустая комната») означает пустоту не только в комнате, но и в душе. Мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что в сознании носителей китайского языка *房 фан* обозначает «помещение, где живет любящий человек».

II. Наиболее популярным понятийным признаком концепта «*房 Фан*», выраженным в древнем китайском языке, является «**одна ветвь семьи, линия рода**», который репрезентирован в следующих фразеологических единицах:

чэньюй *分房减口* (разделить + *фан* + уменьшать + член семьи) отображает такую ситуацию: в прошлом в неурожайный год для облегчения семейного бремени некоторые члены семьи покидали дом [Ван, 1987, с. 552]. В современном китайском языке этот *чэньюй* выражает, что большая семья разделяется на маленькие семьи, и *房 фан* благодаря этому выражению приближается в китайской языковой картине мира к значению слова «семья».

III. Понятийные признаки концепта «*房 Фан*» довольно содержательные, как в современном китайском языке, так и в древнем. Фразеологические единицы, которые относятся к данной группе, отражают понятийный признак – **отдел (в уездных и окружных управах)**, например:

чэньюй *三班六房* (три + служитель + шесть + *фан*) [Ван, 1987, с.1214], который характеризует место низшего служащего в структуре окружного (уездного) управления в древнем Китае.

IV. Понятийный признак **здание, постройка, дом**, например:

1) концептуальный признак **высокий**:

чэньюй 躡房越脊 (прыгать + *фан* + переходить + гребень крыши), который воспроизводит такой сценарий – «человек быстро перепрыгивает с дома на дом и перешагивает через коньки крыш», – часто употребляемый для характеристики ловкости вора, грабящего дома [Ван, 1987, с. 431]. Данный чэньюй при помощи образа 房 *фан* (обычно высокого) рисует ловкого вора, и часто используется в художественных произведениях.

Интересно обнаружить, что воры, связанные с домом, также описываются в русских фразеологизмах, например: «От домашнего вора не убережешься», «В пустой дом вор не подламывается», «Воровством каменных палат не наживешь», в которых отражается отрицательная оценка вора. А в китайских фразеологических единицах выражаются нейтральная и даже положительная оценки вора.

С 房 *фан* и его синонимами часто образуются некоторые метафорические модели, закрепленные в китайском языковом сознании.

Чэньюй 高屋建瓴 (букв. высокий + *у* + строить + черепица), его прямое значение «на крыше высокого дома укладывать черепицу», выступает в значении «занимать командную высоту, быть в выгодном положении» [Ван, 1987, с. 315]. В сознании носителей китайского языка метафорическая модель 高屋 (высокий дом, здание) разъясняется по-разному, в чэньюй 高屋建瓴 – это «высокое и выгодное положение для наблюдения». А в чэньюй 束之高屋 (положить + служебное слово + высокий + *у*): положить на верхнюю полку в

доме, значит «спрятать в дальний угол», «убрать подальше и забыть», «забросить», «положить под сукно» [Ван, 1987, с. 1306], *高屋* «высокий дом» символизирует отдалённый уголок, укромное место.

2) концептуальные признаки **крепкий, надежный – непрочный, опасный** (построить *房 фан* нелегко и его постройка требует многого):

Китайские фразеологизмы, объективирующие концепт «*房 Фан*», нередко демонстрируют стереотип поведения людей и выражают национальное мировидение, картину мира и дух народа. Здесь приведем примеры фразеологизмов, связанных с обиходно-эмпирическим опытом народа.

Чэньюй *生栋覆屋* (сырой + опора + покрыть + дом): «строить дом на сырых опорах, и дом легко разрушится», значение – «самому навлечь на себя беду» [Ван, 1987, с. 1260]. Аналогичная сентенция выражается и в чэньюй *没屋架梁* (нет + дом + построить + балка): «без балки построить дом», он используется в значении: «сделать (дело) из ничего», «измышлять небылицы» [Ван, 1987, с. 970]. В сознании носителей китайского языка строительство дома требует многого: как прочного материала, так и крепкого фундамента. Если неправильно построить *房 фан*, то в конце концов это приведет к его разрушению. Еще пример, яньюй *立屋要好梁柱, 打仗要有好指挥*: «чтобы построить дом, нужны хорошие балки, как для ведения войны нужны хорошие командиры». *鲁班无木难造屋* «Даже Лу Бань (покровитель плотников и строителей) без дерева не построит дом». *没有木头, 支不起房子; 没有邻居,*

过不好日子 «без дерева невозможно построить дом; без соседа невозможно жить хорошо».

В строительстве 房 *фан* отражается опыт китайского народа, например, «объединение – это сила», «человеку нельзя отрываться от действительности и предаваться пустым мечтам, ведь только объединение отдельных единиц образует целое». Это репрезентировано во фразеологизмах 独木盖不成房屋, 一个人成不了社会 «из одного дерева невозможно построить дом, из одного человека невозможно составить общество». Ещё пример: 砖连砖成墙, 瓦连瓦成房 «кирпич соединяется с кирпичом - построена стена, черепица соединяется с черепицей - построен дом».

Еще стереотип поведения китайского народа «человек должен основательно (добросовестно) выполнять свою задачу и делать дело, исходя из реальности» выражен в китайских фразеологизмах, связанных со строительством 房 *фан*, например: 空话上面盖不起房 «на пустых словах и обещаниях невозможно построить дом»; 嘴上的高楼大厦, 不如用手盖起来的茅屋 «словесные высотные дома хуже, чем хижины, построенные руками».

В китайских фразеологизмах нередко посредством описания признаков 房 *фан* характеризуется человек или событие, имеющее общий признак с 房 *фан*, например, сейхоуэй 河滩里盖房子 – 靠不住; 不可靠 «построить дом на пляже – ненадёжно», который часто употребляется в описании случая или человека, не заслуживающего доверия. Ещё аналогичные сехоуэй «冰面上盖房子 — 不牢靠»: «на ледяной поверхности построить дом - не крепко» и «积木砌房子 - 碰就

倒»: «строить дом из кубиков – тронешь, и тотчас же валится», также могут быть использованы для изображения ненадёжного, неверного человека или события. Как высказано в цзинцзюй *诚信, 像房子的地基, 假如地基比较弱, 在上面盖一所大房子, 一旦有风暴就会被吹倒(毛泽东)*. «Репутация сравнивается с фундаментом дома, если на слабом фундаменте построить большой дом, в случае бури он свалится от слабого ветерка» (Мао Цзэдун).

В китайских *сехоуяй* путём изображения сценария обвала дома выражается значение – близится опасность. *快要倒塌的房子 – 危在旦夕*: «обваливающийся дом – быть на краю гибели».

Народная мудрость гласит – не надо одну проблему решать за счет создания другой проблемы, ведь проблема всё-таки останется, как при строительстве дома *拆东墙补西墙, 结果还是住破房*: «разбирать восточную стену, для того чтобы построить западную стену, всё-таки жить в ветхом доме».

V. Понятийный признак **жилой дом, жилище, помещение, где живет семья.**

1) Концептуальные признаки антонимических пар **шумный, беспорядочный – чистый, аккуратный**, входящие в данную подгруппу фразеологизмы отражают тесную *связь между 房 фан, его хозяином, домохозяйкой и хозяйством*:

чэньюй *家翻宅乱* (*цзя* + опрокидывать + *чжай* + шумный) используется для описания шумного беспорядочного семейства [Ван, 1987, с. 769].

Необходимо дополнить, что в китайском языковом сознании чистое жилище является обеспечением крепкого здоровья и хорошего настроения семьи, и данная мысль высказана в китайских фразеологизмах, связанных с концептом «房 Фан», например, яньюй 屋内屋外勤打扫, 开窗通气精神好 «если часто убирать дом, открывать окна и проветривать комнату, то дух будет бодрым». 无事勤扫屋, 强如上药铺 «когда свободен, чаще убирай свое жилище – болезни не будет, это лучше, нежели заходить в аптеку».

Яньюй 懒媳妇爱打扮自己, 勤媳妇爱打扫屋子 «Ленивая жена любит наряжаться, трудолюбивая жена любит убирать дом», 屋里人支, 人要粮撑 «дом опирается на человека, человек опирается на хлеб» и яньюй 家无主, 屋倒竖 «если семья без хозяина, то в доме нет порядка» подчёркивают важность хозяина для дома, жилища.

2) концептуальные признаки антонимической пары **чувство усталости с детьми – пустой без детей:**

没有子女的人觉得房子空, 没有朋友的人觉得心里空 «без детей дом пустой, без друзей сердце пустое».

Следует отметить, что идея многогочисленного потомства кардинально изменилась в сознании современного китайского народа, и это отражается в китайских яньюй 多子不是福, 到老住破屋 «много сыновей не значит счастье, а значит до старости жить в ветхом доме». 房子、儿子、孙子, 累死老根子 «из-за дома, сына, внука умирал от усталости старик».

Дело в том, что в современном китайском обществе многодетность действительно связана с большими расходами, считается экономически невыгодной, и эти идеи, естественно, отражаются в языке.

3) дополнительный понятийный признак **частное место, в которое без приглашения посторонним вход запрещен** и концептуальный признак – **дружеские отношения с соседями.**

Чэньюй *穿房过屋* (пройти + *фан* + пройти + комната), это образное описание того, что человек свободно входит в чужой дом без приглашения, т. е. «быть своим в доме», «знаться домами», «жить в тесной дружбе (о семьях)» [Ван, 1987, с. 414]. Данный *чэньюй* посредством метафоры демонстрирует абстрактное понятие крепкой дружбы между соседями.

Еще пример, который изображает соседей: *百万买宅, 千万买邻* (сто + десять тысяч + купить + *чжай* + тысяча + десять тысяч + купить + сосед) «миллион за покупку жилища, и десять миллионов за хорошего соседа», который переводится как «хорошего соседа трудно найти»; «найти хорошего соседа — все равно, что найти сокровище» [Ван, 1987, с. 81]. С одной стороны, он говорит о высокой цене дома, «за миллион покупать жилище», с другой стороны, показывает то, что «хорошие соседи на вес золота». В чэньюй *左邻右舍* (букв. левый + сосед + правый + *шэ*): сосед, соседство [Ван, 1987, с. 1871], понятие «сосед» четко определяется, как человек, который проживает рядом.

4) дополнительный понятийный признак **скрытое место, убежище от общества:**

чэньюй 用行舍藏 (полезно + действовать + дом + спрятать), его прямое значение «действовать, когда твоя служба нужна, и уходить в себя, когда ты не нужен» [Ван, 1987, с. 1717], его расширенный смысл — «идти со своим учением на помощь своему веку, когда это возможно, и предаваться самосовершенствованию, когда такой возможности нет» отражает житейскую мудрость древнекитайской касты ученых. При этом можно утверждать, что дом для них — место психологического исцеления и самосовершенствования.

5) концептуальный признак **богатый - бедный**:

Как и большинство китайских выражений, чэньюй 金屋藏娇 (букв. золотой + у + прятать, хранить + Цзяо - одно из китайских женских имен) происходит из исторических классических источников: китайский император У-ди (156 - 87 до н. э., седьмой император династии Хань) построил золотой дом любимой жене. Первоначальное значение данного чэньюй 金屋藏娇 обозначает «обожать свою жену», но его значение с тех пор немного изменилось: в современном китайском языке он обозначает «взять наложницу», «иметь любовницу» [Ван, 1987, с. 1780]. В сознании китайского языка любовница всегда связана с деньгами, золотом, корыстью. Образ жены мы можем увидеть в другом чэньюй 糟糠之妻 (букв. подвергнуться + пустой + служебное слово + жена), обозначающем «жена, делящая с мужем невзгоды». В китайской культуре жена представляется скромной, трудолюбивой, бережливой. Примечательно то, что 金屋 (букв. золотой дом) в китайских чэньюй не только выражает дом, где живет любовница, но и обозначает «богатую семью»,

например, *银屏金屋* (серебряный + ширма + золотой + у), обозначает «богатая семья, большой род» [Ван, 1987, с.1697]. Следует отметить, что внешний образ *房 фан* часто ассоциируется с достатком, имуществом. Хороший, большой *房 фан* представляет богатую семью, а убогий *房 фан* означает бедность.

Чэньюй *深宅大院* (глубокий + чжай + большой + двор) «комплекс зданий с несколькими сообщающимися дворами», «дворец», «усадьба богатой семьи» [Ван, 1987, с.1251]. Концептуальный признак *房 фан* «глубокий и большой» символизирует богатую семью.

Чэньюй *寸田尺宅* (цунь «мера длины, около 3,2 см.» + земля + чи «единица длины, равная 0,32 м.» + чжай) в значении «малый достаток» [Ван, 1987, с. 434]. Маленький дом и пахотная земля обозначает бедную семью и малый достаток семьи. *牵萝补屋* (вплетать + лоза + чинить + у), его прямое значение «исправлять неполадки», переносное значение «бедная жизнь» [Ван, 1987, с.1108]; чэньюй *屋如七星* (у + кажется + семь + звезда), прямое значение: «из дома можно увидеть созвездие южного сектора неба», переносное значение: «жилище убогое и ветхое, жизнь бедная» [Ван, 1987, с.1457]. С образом ветхого дома также ассоциируется низкое социальное происхождение человека: *白屋寒门* (белый + у + холодный + дверь), его прямое значение «убогое жилище, бедная хижина с соломенной крышей», переносное значение «человек, который имеет низкое социальное происхождение» [Ван, 1987, с. 71].

Как пишет известный китайский философ Лао Цзы: «Противоположность предмета (например, дом «богатый» и «бедный» , и его

«расцвет» и «упадок») всегда идут рука об руку», – и это нередко отражается в китайских фразеологизмах, например: чэньюй 丰屋生灾 (богатый, роскошный + у + рождаться + бедствие) «в роскошном доме случится беда» [Ван, 1987, с. 559]; чэньюй 华屋丘墟 (букв. роскошный + у + холм + руины), его прямое значение «роскошный дом становится руинами», переносное значение «потерпеть великое бедствие» [Ван, 1987, с.711].

Необходимо отметить, как и в русской культуре, так и в китайской, свой дом, даже бедный, ветхий, всегда лучше, чем другой. Например, 金窝银窝不如自己的草窝 «золотое и серебряное гнездо хуже родного, соломенного», выступает в значении – лучше родного дома ничего нет.

б) концептуальный признак место, вызывающее чувство тоски по нему:

В китайских чэньюй отражается концептуальный признак концепта «房 Фан»: место, которое вызывает чувство тоски по семье, друзьям, близким людям. Чэньюй 落月屋梁 (падать + лунный свет + у + балка) изображает довольно привлекательную картину: «на балки дома падает лунный свет», который используется для выражения чувства тоски по друзьям [Ван, 1987, с.1382].

7) концептуальный признак место, вызывающее родственное, близкое чувство:

гуаньюньюй 安乐窝 (букв. благополучный + удовольствие + гнездо): «уютное гнездышко, райский уголок» [Ван, 1987, с. 22]; 窝里斗 (гнездо + внутри + борьба): «внутренние распри»; «ссориться внутри семьи» (букв.

«борьба внутри гнезда») [Вэнь, 2007, с. 441]. Иероглиф 窩 (гнездо) в этих гуаньюньюй выражает родственные, близкие отношения между членами семьи.

8) концептуальный признак **прочный и просторный**:

心安茅屋稳, 胃好菜根香 «если совесть чиста, то и лачугу чувствуешь крепкой; если аппетит хороший, то и кочерыжка покажется вкусной»; 量大福大, 心宽屋宽 «если человек великодушный, то он счастливый, если человек оптимист, то комната у него широкая».

吃饭讲营养, 穿衣讲漂亮, 住房讲宽敞 «Есть – это значит стремиться к питанию, одеваться – стремиться к красоте, жить – стремиться к просторному дому». Таким образом, можно утверждать, что в сознании китайского народа хороший 房 фан значит прочный и просторный дом.

9) концептуальный признак **предпосылка для создания новой семьи, вступления в брак** отражается в следующих китайских фразеологизмах:

Яньюй 要结婚, 先买房; 没有房子, 就没新娘 «если хочешь жениться, сначала купи дом, нет дома – живи без невесты». 房 фан стал необходимым условием для нового брака. В последнее время в общественных нравах даже стало популярным такое – некоторые китайские родители заставляют своих дочерей выходить замуж за тех молодых людей, которые имеют свои дома и автомобили. К сожалению, в реальной современной жизни китайского народа разрушаются многие традиционные нравственные ценности.

Цзинцзюй 女人有家才是嫁 «женщина, только которая имеет свой дом, считается замужней» представляет понимание о браке современной китайской

молодёжи. В традиционном китайском представлении отношение к *дому*, *семье* имеет гендерные различия: мужчина предан своему делу, а женщина – семье.

10) концептуальный признак **предпосылка для сосредоточения на работе:**

По китайской традиционной идеологии каждый человек должен обладать своим жилым помещением, чтобы человек мог хорошо работать, и данная идеология отражается в изречении известного китайского философа Лао-цзы: *各安其居而各乐其业* «Чтобы каждый человек спокойно жил и был доволен своей работой, он должен обладать своим жилищем», – т.е. дом, жилище становятся предпосылкой для сосредоточения на работе.

11) концептуальный признак **символ успеха для мужчин и обеспечение счастья:**

房 фан (дом) – символ успеха, как пишет Бай Янь Сун: «时代让正青春的人们必须成功，而成功等同于房子、车子与职场上的游刃有余。可这样的成功说起来容易，实现起来难，像新的三座大山，压得青春年华喘不过气来，甚至连爱情都成了难题。(白岩松)»: «Наше время заставляет молодёжь стремиться обязательно достичь успеха, но успех равняется уравнению: дом + машина + карьера. Об этом легко сказать, трудно достигнуть. Они как три новых больших горы давят молодость, тяжело дышать, и даже любовь становится проблемой» (Бай Янь Сун).

房 фан (дом, квартира) – знак счастья? Такой вопрос содержится в сознании современных китайцев. При описании счастья Сы Ма-нань даёт нам

такое определение: «**幸福**存在于比较当中。用这句话用来概括国人的幸福观最为贴切, 比**职位**、比**房子**、比**汽车**、比**首饰**、比**财富**、比**老婆**、比**孩子**……比到最后, 欲望越来越大, 幸福越来越小, 不满越来越多, 幸福越来越远 (司马南)»: «Счастье существует в конкуренции. Конкуренция лежит в общем счастье людей нашей страны. Конкуренция в постах, в домах, в машинах, в драгоценностях, в богатстве, в жёнах, в детях ... Наконец, жажда становится больше, а счастья остается меньше, недовольства становится больше, и счастье уходит дальше» (Сы Ма Нань).

Ответ на вопрос счастья может найти в *цзинцзюй* Лу Цзин-бо: «那些东西是假 - 存折、**房子**、职位、微博粉丝数。这些东西是真的 - 一份自己喜欢的工作且不断改进自己的劳动、身体健康站得笔直躺下就能睡着、略高于平均的知识和略超过年龄的智慧、拥有一些永恒的爱情(路金波)»: «К ложным вещам относятся, например, сберегательная книжка, дом, должность, число фанатов в микроблоге, к настоящим – своя любимая работа, улучшение качества работы, крепкое здоровье, умение стоять прямо, ложиться и сразу засыпать; знание, возрастная мудрость, которая немного превышает среднюю; и любовь вечная» (Лу Цзин Бо).

12) концептуальный признак **место, связанное с любовью:**

цзинцзюй *她的房子就是她的坟墓*。(张辛) «Её дом есть её могила» (Чжан Синь). Здесь *房 фан* символизирует вступление в брак и исчезновение любви после замужества, *房 фан* словно могила. Интересный *цзинцзюй* о любви пожилого человека можно найти в работе Чжуншу: *老年人恋爱, 就象老房子着*

火, 没的救。(钱钟书) «Пожилой человек влюбился, загорелся как старый «фан цзы» дом, невозможно остановить» (Цянь Чжуншу, «Осаждённый город»). Здесь образно и выразительно описывается любовь пожилого человека: любовь страстная, горячая на склоне лет как неожиданный пожар в доме, который невозможно остановить.

13) концептуальный признак **защищающий от непогоды:**

в цзинцзюй Ду Фу (китайский известный поэт): 安得广厦千万间, 大庇天下寒士俱欢颜 «О, если бы такой построить дом под крышею громадною одной, чтоб миллионы комнат были в нем для бедняков, обиженных судьбой» отражается чаяние поэта: пусть каждый человек, даже и бедный, имеет дом, защищающий от непогоды.

14) концептуальный признак **дорогой, недешёвый:**

этот признак отражается в цзинцзюй 你抽一辈子烟就烧掉我半套房子。(张辛) «Ты потратил на курение столько, как будто сжёг мою половину квартиры» (Чжан Син).

15) концептуальный признак **человека или тело человека можно сравнить с жилищем, домом:**

Концептуальный признак концепта «房 Фан» «симпатия к своему собственному дому» также отражается в китайских фразеологизмах, например, чэньюй 爱屋及乌 (букв: любить + у + любить + ворона): «любить не только дом, но и ворон на его крыше» [Ван, 1987, с.15]. Данный чэньюй имеет

переносное значение: «любя человека, любить все, что с ним связано» и дом может сравниваться с человеком.

В русских фразеологизмах существуют эквивалентное выражение: «любишь меня, люби и мою собаку». Очевидно, в двух языках используются разные животные, чтобы символизировать собственную вещь человека, и в этом отражается различие в сознании двух народов.

Аналогичная метафора встречается в чэньюй 魂不守宅 (душа + нет + удерживать + *чжай*), его прямое значение «душа расстается с домом» (сердце уходит в пятки от страха) [Ван, 1987, с. 735], который часто служит в значении «не в себе, не по себе, не находить себе места». В китайском языковом сознании жилище может сравнить с телом человека.

16) концептуальный признак **жилище** сравнивается с **важным событием, случаем**:

Сехоуэй 烧房子捡钉子 – 得不偿失 «поджечь дом, чтобы получить гвоздь – больше ущерба, чем пользы». 拆了房子搭鸡棚 – 不值得 «не стоит сносить дом, чтобы разбить курятник». 拆房子放风筝 – 只图风流不顾家 «сносить дом и запускать воздушного змея – гнаться только за любовью, не заботиться о семье». В этих *сехоуэй* заложена основная мысль: хочешь заняться чем-то серьезным, возмись за самое существенное, а не «потеряй луну, считая звезды».

В представлении китайского народа самая страшная беда – это пожар в доме, утрата 房 *фан* означает остаться без основы и почвы под ногами, и эта

тревога выражена в сехоуэй *房子烧了又挨大雨— 内外交困* «дом загорелся и пострадал от дождя – трудности внутреннего и внешнего порядка», это значит, что человек находится в безвыходном и трудном положении. Сехоуэй *房子着了抢东西— 趁火打劫* «пользуясь пожаром в доме, заняться грабежом», значит, извлекать выгоду из чужих затруднений, пользуясь чужими затруднениями, причинять вред другому.

Таким образом, фразеологические единицы выражают национально-специфические признаки концепта «房 Фан», например, предпосылка для вступления в брак; символ успеха и обеспечение счастья; стремление современного китайского народа к лучшей жизни и др. Эти комбинации смыслов в русском языке репрезентируются разными концептами.

Наряду с национально-специфическими признаками также отражаются образы, связанные с концептом «房 Фан» и закрепленные в сознании китайского народа, например, *金屋* «золотой дом» символизирует «дом, где живет наложница, любовница» или «богатую семью, большой род»; *白屋* «белый дом» представляет низкое социальное происхождение человека; *高屋* «высокий дом» выражает «выгодное положение для наблюдения» или «укромное место»; *屋* «дом, квартира» нередко характеризует хозяина дома. Тело человека в китайской языковой картине мира сравнивается с *宅* «жилищем».

Фразеологическая репрезентация концепта «房 Фан» является процессом ментального построения с выраженными национальными особенностями в

мировидении и миропонимании. Она эксплицирует отличительные концептуальные признаки концепта «房 Фан» и своеобразное понимание о браке, счастье, любви и других константах, связанных с *房 фан* в сознании китайского народа.

Сравнение концептов «Дом» и «房 Фан» в русской и китайской фразеологии позволяет сделать некоторые выводы относительно национальной специфики. По-видимому, оба языка выработали достаточно большое количество фразеологических единиц, репрезентирующих исследуемые концепты, причем в русском языке фразеологизмы более экспрессивны, а в китайском варианте больше связаны с философией жизни.

На наш взгляд, обнаружение отличительных концептуальных признаков во фразеологии двух языков представляется важным для раскрытия особенностей менталитета двух разных народов и позволяет глубже понять язык и культуру другого народа.

3.3. Деривационное поле ключевых слов концептов «Дом» и «房 Фан»

С позиций когнитивного анализа деривация как способ словообразования является, как отмечает Л.В. Воронина, с одной стороны, познавательным процессом, в ходе которого с помощью ментальных операций на основе старых знаний происходит категоризация нового знания, а с другой стороны,

результатом когнитивных операций, отраженных в актах номинации конкретного языка. Изучение деривационных процессов позволяет выявить универсальное и особенное в восприятии и осмыслении действительности представителями разных культур [Воронина, 2011, с. 21]. По ее мнению, процесс деривации показывает процесс пополнения и расширения концептосферы человека. Концептуальный анализ деривационного поля слова даёт возможность установить связь между семантикой языковых единиц и концептом или объединениями связанных концептов.

Таким образом, деривационное поле ключевого слова дает нам возможность выявить особенности исследуемого концепта. Любое производное слово является свернутым трансформом, мотивированность которого предопределена связью с мотивирующей единицей, от которой образовано слово. И его содержание, несомненно, включает в качестве составляющего компонента семантику мотивирующего слова. А значит, деривационное поле ключевого слова играет ведущую роль в изучении ключевого слова и концепта.

Согласно стилистическим данным словарей, в славянских языках с их развитыми словообразовательными системами и разветвленной системой словообразовательных категорий, производная лексика составляет до 75-80% всех слов языка. Как отмечает Е.С. Кубрякова, такой большой объем свидетельствует о том, что производная лексика выступает в качестве базы слов, содержащей в упорядоченном виде информацию и предлагающей образцы когнитивной переработки и сортировки информации и способствующей

членению поступающей к человеку информации по неким каноническим или прототипическим формам её языкового представления [Кубрякова, 2004, с. 393]. Она одновременно упоминает, что «производное слово делает возможным абстрагироваться от многих само собою разумеющихся признаков обозначенного объекта, тогда как аналитическая дескрипция, напротив, способна к актуализации любого из релевантных для объекта признаков» [Там же]. Следует отметить, что деривационное поле определенного ключевого слова выступает в качестве ядерного содержания для описания тех или иных характеристик концепта.

В данном параграфе мы ставим перед собой цель посредством реконструкции деривационного поля ключевого слова изучить концепт «房 Фан» в сознании носителей китайского языка.

Деривационное поле концепта «Дом» в русском языке уже реконструировано в работе Е.В. Слепцовой [2009], по разным семам она разделяет производные слова от корня *дом-* на несколько групп, например: по семе «хозяйство» – *домовит, домовитый*; по семе «принадлежность к дому» – *домашний, одомашниться*; по семе «жить в доме» – *однодомец, однодомный*; по семе «строительство дома» – *домостроение, домостроительный*; по семе «устройство дома» – *домоустройство*; по семе «сделанный дома» – *домодельный*; по семе «управлением домом» – *домоуправ*, по семе «семья» – *домочадец*; по семе «отсутствие дома» – *бездомный, бездомовник*; по семе «учреждение» – *детдом, радиодом* и др. [Слепцова, 2009, с. 105-111].

Проведенный ею анализ и классификация производных слово от корня *дом*- позволяет сделать следующее заключение: «словообразовательные возможности лексемы *дом*, представляющей в русской языковой картине мира одноименный концепт, являются достаточно широким, начиная с древности и по сегодняшний день, и система дериватов также позволяет дополнить «портрет» изучаемого концепта» [Слепцова, 2009, с. 111]. Ее исследование достаточно подробно характеризует деривационное поле *дом*, поэтому в нашей работе мы не будем вторично его рассматривать и сделаем акцент на построении деривационного поля ключевого иероглифа 房 *фан* (на материале китайского языка).

Прежде всего, необходимо отметить, что данное исследование выполнено на материале китайского языка. Как изолирующий язык, в плане словообразования, китайский язык отличается от русского: например, в китайском языке существуют знаменательные и служебные морфемы, т.е. в нем невозможно изменить форму иероглифа (= односложное слово или морфема), как это имеет место, например, в русских словах. Следует отметить, в китайском языке присутствуют знаменательные и служебные морфемы, которые могут выступать в качестве аффикса. Они образуют слова с другими (знаменательными) морфемами, как, например, морфема 子 *цзы*, выступающая в функции ‘суффикс существительных’. Так, комбинация этого иероглифа с иероглифом 房 *фан* (→ 房子 *фан цзы*, букв. дом + суффикс существительных) указывает на то, что он должен трактоваться как существительное (дом), и,

например, при сочетании этого суффикса с иероглифом 儿 эр образуется 儿子 эр цзы – «сын» (букв. сын + суффикс существительных).

Таким образом, если в русском языке смысловая делимость слова может доходить до «звука» (морфонемы, морфемы, состоящей из одной фонемы) и не зависит от деления на слоги, то в китайском языке деление не идет дальше слога и совпадает с ним. Отсюда следуют, что слогоделение в китайском языке морфологически всегда значимо.

Китайский лингвист Хуан Шу-ин выделяет только два основных способа словообразования производных слов в китайском языке: корнесложение (словосложение) и аффиксацию [Хуан Шу-ин, 1976]. На основе его теории нами была составлена выборка из словарей современного китайского языка [ССИ, 2011; Ся, 2004], включающая 103 слова, производных от иероглифа 房 фан, которые и послужили объектом исследования. Доля слов, образующихся путём корнесложения, составляет в этой выборке 97% от общего числа производных слов. В процессе семантического и концептуального анализа все эти полученные дериваты были разделены по понятийным признакам исследуемого концепта «房 Фан» на шесть групп.

Ниже дается их аналитическое описание.

I. Производные слова с общим понятийным признаком **квартира, жилище, семья и её хозяйство**, всего 27 дериватов.

Они характеризуются и некоторыми частными (дополнительными) признаками:

а) дополнительный понятийный признак **дом как товар** для покупки-продажи, аренды, всего 16 единиц: 房虫 (букв. дом, квартира + насекомое): «посредник (сводник), предоставляющий услуги обмена, аренды, продажи квартиры»; 房补 (дом + субсидия): «субсидия (выплата за счёт государства) на покупку жилья»; 房贷 (дом + кредит): «ипотека, кредит на покупку дома в финансовом учреждении»; 房价 (дом, квартира + цена): «цены на дома, квартиры»; 房费 (квартира, номер + плата): «квартирная плата»; 房钱 (дом, квартира + деньги): «плата за аренду квартиры»; 房市 (дом, квартира + рынок): «рынок жилья»; 房展 (квартирный + выставка): «выставка квартир»; 房租 (дом, квартира + аренда): «аренда квартиры»; 二手房 (второй + рука + дом, квартира): «вторичное жилье»; 期房 (срок, период + квартира, дом): «коммерческое жилое строение, выставленное на продажу, но находящееся в стадии строительства»; «долевое строительство»; 出租房 (сдавать в аренду + дом, квартира): «доходный дом»; 房源 (дом, квартира + ресурс): «жилищный фонд»; 房荒 (дом + нехватка, кризис): «квартирный (жилищный) кризис, возникающий из-за нехватки квартир»; 房改 (дом + реформа): «реформа жилищной системы».

Большинство вышеперечисленных дериватов появляются после реформы жилищной системы, имевшей место в 1998 г. В КНР возникло понятие 房市 «рынок жилья», которое детализировалось далее с помощью таких понятий, как 房贷: «кредит на покупку дома»; 二手房: «вторичное жилье»; 商品房: «дом, квартира как товар входят в рынок жилья» и др. Главное содержание и

принципы реформы жилищной системы заключаются в том, чтобы продвигать жилище, жильё, жилую недвижимость как объект торговли. И таким образом, *房 产* как товар первой необходимости выходит на рынок жилья и в соответствии с этой политикой в большом количестве появляются новые слова.

б) дополнительные понятийные признаки **собственный, принадлежность человека**; имеют тесную связь с человеком (8 единиц). Они реализуются в следующих сочетаниях иероглифов:

房本 (дом + тетрадь): «свидетельство о собственности»; *房契* (дом + купчая): «(устар.) документ о праве на владение домом, купчая на дом и землю»; *房产* (дом + имущество): «дом как недвижимость; дом, правом собственности на который обладает частное лицо или какая-то организация»; *房主* (дом, квартира + собственник, владелец): «домовладелец»; *房东* (дом + хозяин): «домохозяин»; *私房* (собственный + дом): «собственный дом, частный дом»; *公房* (общественный + дом): «социальное жильё, дом, принадлежащий государству»; *房客* (дом + гость): «квартирант, постоялец, жилец»;

в) дополнительный понятийный признак **нужно управлять** (1 дериват):

房管 (жилище, квартира + управление): «жилищное управление»;

г) дополнительный понятийный признак **внутренняя структура дома** (1 дериват):

房型 (дом, квартира + форма): «квартирная планировка»;

д) дополнительный понятийный признак **жильё, которое субсидируется правительством** (1 дериват):

廉租房(недорогой + аренда + квартиры): «жилье с низкой стоимостью аренды (которое субсидируется правительством); недорогое съёмное жильё».

II. Понятийный признак дом, здание для жилья или других назначений
(18 единиц):

房屋 (дом, квартира + комната, здание, дом): «общее название для дома, здания»; 住房 (проживание + дом, помещение): «помещение для проживания»; 楼房 (многоэтажное здание + дом): «многоэтажный дом»;

а) дополнительный понятийный признак **составляющий, составной элемент дома** (7 единиц):

房基 (дом + фундамент): «фундамент дома»; 房檐 (дом + стреха): «свисающий край крыши вне стены»; 房门 (дом, комната + дверь): «входная дверь, вход в дом»; 房顶 (дом + голова, верхняя часть): «крыша дома, кровля»; 房梁 (дом + балка): «поперечная балка (здания); прогон»; 房脊 (дом + конёк): «конёк, гребень крыши»;

б) дополнительный понятийный локальный признак **местоположение** (1 дериват):

海景房 (море + пейзаж + дом, квартира): «комната с видом на море»;

в) дополнительный понятийный признак **строительный материал** (5 единиц):

瓦房 (кирпичный + дом): «дом с черепичной крышей»; 草房 (тростниковая + дом): «тростниковая хижина; лачуга, хибарка»; 砖房 (кирпич + дом): «кирпичный дом, кирпичное здание»; 土坯房 (необожжённый кирпич

+ дом): «дом из самана, глинобитный дом»; 木房 (деревянный + дом): «деревянный дом»;

г) дополнительный понятийный признак **внешний вид дома** (2 единицы):

洋房 (приставка к названию любого предмета непривычного «иностранного» вида + дом): «дом по западному образцу»; 四合房 (четыре + соединение + дом): «ансамбль с жилыми пристройками по всем четырём сторонам двора, дом традиционной китайской архитектуры».

III. Понятийный признак **комната или зал** (38 дериватов).

房间 (помещение + комната): «комната»;

а) дополнительный понятийный признак – **гостиница, отель** (3 единицы):

房卡(номер + карта): «ключ-карта, популярная в гостиницах, отелях»; 开房 (открыть + комната): «регистрация в гостинице»; 客房 (гость + комната): «номер в гостинице»;

б) дополнительный понятийный признак **помещение, комната для разных лиц и назначений** (22 единицы):

闺房 (девушка, дочь + комната): «внутренние покои, опочивальня, спальня; женская половина»; 工房 (рабочий + помещение): «рабочее помещение; общежитие для жилья рабочих»; 睡房 (ночной сон + комната): «спальня»; 文房四宝 (культура + комната + четыре + драгоценность): «четыре драгоценности рабочего кабинета (письменные принадлежности: кисть, тушь, бумага и тушечница)»; 病房 (больница + комната): «больничная палата; палата»; 手术房 (операция + комната): «помещение для хирургических операций,

операционная»; 公事房 (служебное + дело + комната): «канцелярия; служебный кабинет»; 婴儿房 (младенец, малыш + комната): «детская комната»; 厨房 (кухонный + комната): «кухня»; 洞房 (пещера + комната): «комната новобрачных»; 新房 (новый + комната): «комната новобрачных»; 计算机房 (сокращенное название 机房) (компьютер + помещение): «компьютерная лаборатория»; 暗房 (тёмный + комната): «комната для сканирования фотопленок»; 闹洞房 (подшучивать + пещера + комната): «подшучивать над новобрачными (в их комнате во время свадьбы)»; 健身房 (крепкий + тело + комната): «тренажёрный зал» [ССКЯ, с. 215], 伙房 (еда, пища + комната): «кухня, комната для приготовления пищи»; 面包房 (хлеб + комната): «помещение для выпечки хлеба, пекарня»; 淋浴房 (душ + комната): «душевая кабина»; 洗衣房 (стирка одежды + комната): «прачечная»; 桑拿房 (сауна + комната): «сауна, помещение для сауны»; 花房 (цветы + здание, сооружение): «оранжерея, теплица»;

в) дополнительный понятийный локальный признак **функциональная часть дома, усадьбы** (3 единицы):

耳房 (ухо + комната): «флигель; помещение в крыле здания, боковая комната»; 厢房 (богатая сторона + комната): «комнаты, которые находятся рядом с главной комнатой, флигель»; 门房 (ворота + комната): «комната, которая находится рядом с воротами, сторожка, будка привратника».

г) дополнительный понятийный признак **пустой и одинокий** (1 единица):

守空房 (караулить+ пустой + комната): «замужняя женщина живёт без

мужа» (замечание: многоженство было принято в древнем китайском обществе); в современном китайской языке обозначает одинокую жизнь;

д) дополнительный понятийный признак **супружеская жизнь** (5 единиц):

圓房 (истолковывать + комната): «начать жить супружеской жизнью (часто о новобрачных в семье жениха, если невеста воспитывалась там с детства)»; 守空房 (караулить + пустой + комната): «замужняя женщина живёт без мужа»; 房事 (комната + дело): (эвфемизм) «интимные отношения между супругами»; 私房话 (интимный + комната + слова): «интимный разговор»; 私房钱 (интимный + комната + деньги): «личные сбережения».

IV. Понятийный признак учреждение и заведение (5 единиц).

班房 (смена + комната): 1. «помещение для дежурного; тюремная вахта»; 2. «тюрьма»; 牢房 (тюрьма + дом, комната): «тюрьма»; 茶房 (чай + комната): 1. «помещение, в котором предоставляют кипяток и чай для заварки»; 2. «буфет»; 药房 (лекарство + дом): «аптека»; 账房 (счёт + комната): «счётная контора; бухгалтерия».

V. Понятийный признак предмет, имеющий функции аналогичные дому или его части (5 единиц).

房车 (дом + автомобиль): «дом на колёсах, автодом (кемпер, автодача, караван) – автомобиль с жилым помещением в фургоне»; 蜂房 (пчела + комната): «улей, пчелиное (осиное) гнездо»; 心房 (сердце + комната): «предсердия»; 乳房 (грудь + дом, комната): «женская грудь»; 蓮房 (лотос + комната): «семенная коробочка лотоса».

VI. Понятийный признак **ответвление семьи, ветвь рода** (3 единицы).

远房 (дальний + линия рода): «дальняя родня»; 长房 (старший + линия рода): «старшая линия рода; потомство старшего сына»; 房分 (дом + разделение): «отдельные семьи, ответвление рода».

Итак, в процессе анализа слов, производных от ключевого слова концепта «房 Фан», было обнаружено, что понятийные и дополнительные понятийные признаки достаточно разнообразны и показывают почти все стороны исследуемого концепта. Такие понятийные признаки, как 1. «комната или зал» (38 дериватов); 2. «квартира, жилище, семья и её хозяйство» (27 дериватов); 3. «комната для разных лиц и назначений» (22 деривата); 4. «дом, здание для жилья или других назначений» (18 дериватов); 5. «дом как товар для покупки-продажи или аренды», безусловно, играют ведущую роль в когнитивных операциях носителей китайского языка, и поэтому с этими семами образуется больше всего производных слов.

Следует отметить, что наряду с первыми четырьмя основными понятийными группами группа «дом как товар для покупки-продажи или аренды», формирующаяся вокруг дополнительного понятийного признака, также часто появляется в сознании носителей китайского языка. Это связано с развитием в Китае торговли недвижимостью, что способствует возникновению значительного числа новых слов (в том числе, производных от иероглифа 房 *фан*), принадлежащих к данной отрасли, отражающих новые представления о жилье и недвижимости в Китае. Таким образом, можно сделать вывод, что

наблюдаемые в настоящее время лексические деривационные процессы тесно связано с быстрой эволюцией социально-экономической среды.

Данное деривационное поле достаточно чётко показывает присутствие в сознании носителей китайского языка концепта «房 Фан» и конституирующих его понятийных признаков, таких, например, как «собственный, принадлежность человека», «составляющий, составной элемент», «строительный материал», «местоположение», «внешний вид дома», «нужно управлять», «внутренняя структура» и др.

Кроме этого, у концепта «房 Фан» существуют также некоторые дополнительные понятийные признаки, воплощающие национальную специфику китайского языка, например: «ответвление семьи; ветвь рода», «гостиница, отель», «предмет, имеющий функции аналогичные дому или его части».

По сравнению с аналогичным концептом «Дом» в русском языке семантическая структура китайского концепта «房 Фан» шире, богаче и сложнее. Оценочные признаки «пустой и одинокий», «интимный, имеющий отношение к супружеской жизни» как раз свидетельствуют об этом. В сознании носителей китайского языка *房 фан* является интимным пространством, в котором можно вести личный разговор, особенно между супругами, можно прятать и копить свои утаенные деньги, ничего не говоря супругу/супруге. Эта национальная специфика семейного поведения передается в китайском языке через концепт «房 Фан», репрезентанты которого детально и образно

описывают супружескую жизнь и одновременно придают концепту «房 Фан» национально-специфический концептуальный признак.

3.4. Ассоциативное поле «Дом» и «房 Фан» в синхронном аспекте

При рассмотрении концепта «Дом» в сознании носителей русского языка и концепта «房 Фан» в сознании носителей китайского языка особого внимания заслуживает психолингвистический фактор данных этносов. В настоящем исследовании проводится анализ образов языкового сознания русских и китайцев на материале ассоциативного эксперимента.

При исследовании концептов «Дом» и «房 Фан» нами применён ассоциативный эксперимент, который является одним из важных психолингвистических методов, служащих неотъемлемой частью концептуального анализа. Он широко используется в исследовании психологического, категориального и предметного содержания концепта, выявлении образов сознания, отражённых вербальными ассоциациями, в межъязыковых и межкультурных исследованиях.

Ассоциативный эксперимент сосредоточен на мотивации личности, в отличие от остальных экспериментов подчёркивает связь между некими объектами или явлениями. Как справедливо отмечает А.А. Залевская, «ассоциация как продукт частоты повторения некоторых смежных или сходных/противопоставленных в каком-то отношении элементов, понятие

ассоциативного значения сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова» [Залевская, 2005, с. 105]. Ассоциативная связь помогает нам осознавать предмет или явление. Согласно Н.В. Фрумкиной, ассоциативная связь определена именно культурой во всем её многообразии - всеми знаниями, опытом [Фрумкина, 2001, с. 192]. При помощи ассоциативного эксперимента можно построить ассоциативное поле концепта, которое в простейшей форме интерпретирует одну из моделей хранения знаний в сознании человека.

Ассоциативное поле является одной из базовых структур для реконструкции концепта с позиции психолингвистики. Выявленные с помощью ассоциативного эксперимента ассоциации, входящие в ассоциативное поле, группируются по параметрам, которые обобщают общие выражающие признаки.

Свободный ассоциативный эксперимент как один из важных методов в отрасли психолингвистика с середины XX века получил большую популярность, стал одним из существенных способов проверки определённых научных гипотез и теорий.

При рассмотрении ассоциаций появляются два главных направления. Одно из направлений заключается в исследовании ассоциативных норм или

реконструкции ассоциативных полей посредством проведения массовых ассоциативных экспериментов. Большинство учёных, которые поддерживают данный метод, считают, что ассоциативные нормы могут быть получены в результате свободного ассоциативного эксперимента, и делают акцент на первой реакции на стимул [Леонтьев, 1977]. Ассоциативное поле считается совокупностью ассоциаций на слово-стимул, и оно обладает ядром (наиболее частотные реакции) и периферией [Балли, 1955; Горошко, 2001; и др.]. Второе направление разработки и апробации индивидуальных ассоциативных экспериментов сводится к выяснению определенных фактов из жизни испытуемого.

Интересная точка зрения по изучению взаимосвязи стимула и реакции высказана в работе И.Г. Овчинниковой, которая выделяет три типа стимула-реакций: синтагматические, парадигматические и тематические. Она также подчёркивает, что лексико-грамматическая принадлежность заданных стимула и реакции даёт возможность проводить лексическую интерпретацию стимула-слова [Овчинникова, 1986, с. 79].

Между стимулом и реакцией, которые относятся к парадигматическому типу, имеется сочинительная или предикативная связь, представляющая последовательные отношения соположения, тождества и противопоставления [Горошко, 2001]. Между реакциями, рожденными из одного стимула, как правило, существуют ассоциативные связи, по мнению Н.С. Болотновой, при

помощи которых можно реконструировать ассоциативное поле, отражающее «коммуникативный потенциал» слова [Болотнова, 1994, с. 12].

По коммуникативному потенциалу слова выясняются основные лингвистические параметры слова, его связь с другим видами значений (лексическим, грамматическим, словообразовательным, мотивационным, стилистическим, прагматическим) [Горошко, 2001]. Здесь следует подчеркнуть, что за каждым значением слова стоит представление, которое отражает как относительно обобщённый детальный образ предмета, так и индивидуальное отношение к предмету. Соответственно, концептуальный анализ всех полученных лексем ассоциативного эксперимента есть изучение мыслительных процессов разных индивидов, которые могут представить общий опыт, понимание народа, заключенные в определённом концепте.

Таким образом, с помощью ассоциативного эксперимента можно исследовать ключевое слово концепта, которое относится к определённому национальному языку, что даст возможность выявить особенности национального менталитета.

Другими словами, благодаря ассоциативному эксперименту мы можем построить ассоциативное поле, являющееся одной из базовых структур для реконструкции национального концепта, стереотипов в сознании носителей определённого народа, при этом ассоциативное поле выступает в качестве не только фрагмента вербальной памяти человека, но и фрагмента концептосферы народа, представленного в сознании носителя языка. Как

справедливо отмечает Н.В. Крючкова, «для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентации концепта в лексико-семантических системах языка, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта» [Крючкова, 2005, с. 23].

Концепт, по своей глубинной сущности, принадлежит к числу психических явлений, и потому в его семантическую структуру должно входить порождаемое им ассоциативное поле. Действительно, изучение реакций, полученных с помощью ассоциативного эксперимента, помогает нам понять концепт глубже и шире.

3.4.1. Ассоциативное поле «Дом» в сознании носителей русского языка

В нашем ассоциативном эксперименте респондентами участвовали 281 информант-носитель русского языка, возраст которых составлял четыре категории: 18-20 лет, 20-40 лет, 40-60 лет и более 60 лет, из них 176 респондентов женского пола и 105 — мужского. Участниками экспериментов стали студенты филологического, исторического, восточного факультетов Бурятского государственного университета (БГУ); преподаватели БГУ различных специальностей; переводчики, инженеры, работники разных предприятий и учреждений города Улан-Удэ. Эксперименты осуществлялись

как в групповой, так и в индивидуальной форме, время ответа ограничивалось тремя минутами; количество самих речевых реакций не ограничивалось. Исследовательскую цель-стимул мы сформулировали так: «запишите, пожалуйста, с чем у вас ассоциируется слово *дом*». Ассоциативный эксперимент проводился посредством опроса. Сначала мы раздали испытуемым чистые листы, после чего они указали общие сведения о себе: возраст и пол. В ходе эксперимента респонденты не испытывали затруднений, и большинство из опрашиваемых выполнили задание в течение 2–3 минут. 181 испытуемым были даны более 5 ответов на вопрос. В результате эксперимента получено 1363 ассоциативных реакции, из которых 246 отличались друг от друга.

Проведенный анализ позволяет выявить некоторые гендерные особенности концепта «Дом». Чтобы решить данную задачу мы выбрали ассоциативные реакции мужчин и женщин, которые обладают большей разницей по частоте встречаемости.

Слово-реакции	Частота встречаемости	Частота встречаемости
	ответов у мужчин	ответов у женщин
Уют	27	87
папа	1	23
любовь	0	22
дети	2	15
тепло	11	106
уборка	0	10

обязанность	5	0
место	7	1
здание	4	1

Следует подчеркнуть, что реакции со стимулом *дом* у представителей женского и мужского полов по большей части совпадают: семья, родители, родина и др. Но результаты эксперимента показывают, что женские реакции разнообразнее мужских, это можно доказать средним количеством ответов: у представителей женского пола в среднем 6 ответов и мужского – 3 ответа. Мужские реакции более конкретно и определено отражают представления о доме в их сознании: дом – это место, здание, где живет семья, за которую мужчина должен нести ответственность. Женские реакции в разных аспектах объективируют концепт «Дом»: 1) в доме должны быть дети; 2) дом вызывает разные чувства человека, например, ощущение уюта, тепло, любовь, спокойствие в душе и др.; 3) дом связан с ведением хозяйства, уборкой.

В процессе анализа результатов нами были разделены ассоциации по формальному характеру связи между стимулом и реакцией на следующие параметры и подсчитана их встречаемость.

Параметр-1 (П-1) – реакции, обозначающие людей, которые связаны с домом, 224 единицы (16.4%):

мама 49, родитель 44, папа 24, муж 10, жена 7, брат 9, сестра 10, сестренка 2, бабушка 6, дети 17, родные 5, родственники 3, родные люди 2, близкие люди 6, старшая сестра 1, младшая сестра 4, сестрёнка 2, дом там, где мама 2, братья

3, старший брат 2, младший брат 3, братик 1, бабуля 1, дедушка 3, папина 1, друзья 2, подруга 2, одноклассник 1, племянник 1, гость 1.

П-2 – к данному параметру относятся реакции, обозначающие предметы и реалии, связанные с домом, 260 единиц (19.1%):

устройства для разведения и поддержания огня и огонь: очаг 33, печка 6, печь 4, огонь 2;

бытовые электроприборы: телевизор 2, холодильник 1;

еда, пища: вкусная еда 27, еда 19, ужин 6, обед 1, хлеб 2, вкусный хлеб 2, булка 1, чипсы 1, сок 1, горячие булочки, приготовленные мамой 1, мясо 1, вкусняшки 1, буузы 1, сок 1, чай 1;

предметы мебели и их принадлежности: кровать 6, кроватка 1, мебель 1, кресло 1, постель 1, одеяло 1, теплая постелька 1, ковер 1;

состав дома: окно 3, крыша 6, крышка 2;

часть дома: кухня 9, сад 3, огород 5, комната 2, двор 1, ванная 1;

домашние растения: дерево 2, трава 1, цветы 1;

расположение своего дома: пятый этаж 1, на земле 1, село 3, город 1, посёлок 1, вот моя деревня, вот мой дом родной 1;

родина: родина 21, милая родина 1, Россия 1, Бурятия 1, Республика Бурятия 3;

домашние животные: кот 7, котик 2, кошка 3, щенок 1, собака 8, кот 1, пёс 1, животные 4, домашние животные 3, любимое животное 2;

семейные праздники: Новый год 4; бесконечные праздники 1, праздник 1;

школа: школа 3, школа – второй дом 1;

запах дома: запах выпечки 1, аромат 3;

К данному параметру также и относятся реакции: детство 8, свет 2, дорога 1, горы 1, родной язык 1, атмосфера 1, плед 1, домовой 1, здоровье 1, запреты 1.

П-3 – характеристика и оценка дома и внутреннего состояния, отношения человека, находящегося в доме, 528 единиц (38.7%):

Следует подчеркнуть, что в значительной степени внутреннее состояние человека зависит от характеристики и оценки человека, и невозможно четко их разграничивать.

тёплый: тепло 117, теплый 13, теплота 5, тёплое чувство 2;

уютный: уют 114, уютный 13, комфорт 11, уютно 2;

счастливый: счастье 28, счастлив 1, счастливая 1, счастье – путь домой 1, счастливая 1;

хорошо: в гостях хорошо, а дома лучше 19, хорошо 7, дома лучше, чем везде 2, всё будет хорошо 1, звезды ярче 1, дома и стены помогают 1;

добро: добро 5, добрососедский 2, доброта 1;

богатый: богат 1, дом, как полная чаша 1;

чувство расслабленности: расслабленность 1, расслабляющий 3;

свобода: свобода 5, чувствовать себя как дома 2;

спокойствие: спокойствие 14, покой 6, душевное равновесие 1;

радость: радость 22, веселье 5, рады 1;

понимание: понимание 7, взаимопонимание 7;

безопасность: безопасность 8, безопасно 2;

личный: свой 3; мой 3, твое 1, личный 1;

дружный: дружный 1, дружба 3, хлебосольный 1;

бесплатный: бесплатная 1, wifi без пароля 1;

чистый: чистый 1, чистота 1;

домашний: домашний 1, домашнее 1, домашние 2;

вкусный: вкусней 1, вкуснейший 1.

Также в данную группу входят реакции: любовь 22, родной 13, уважение 8, обязанность 5, большой 3, любимый 3, деревянный 2, светлый 2, близкий 2, милый 1, скучно 2, местный 1, расслабляющий 1, благополучие 1, опорный 1, бурятский 1, тайный 1, без гостей 1, папина 1.

П-4 – описание, определение, выражаемые синонимами, часто употребляемыми выражениями и устойчивыми метафорами, 280 единиц (20.5%):

Семья 187; счастливая семья 2; вся семья в сборе 1; единство 1; sweet home 1; жилое помещение 6; дом, где живут оба родителя 3; дом, где живут ваши родители 3; дом, где мама 1; твой дом там, где живёт сердце 1; место 8; место, где тебя ждут 4; замечательное место, где собираются все вместе; место, где живёт человек 1; место, куда я могу вернуться, когда угодно 1; самое лучшее место 2; дом, это не место на карте, а люди, которым ты нужен 1; там, где тебя всегда поймут 1; жилище 2, здание 5; постройка 2; стройка 2; квартира 2; строительство 1; обитель 1; убежище 1; мой дом, моя крепость 11; моя крепость

10; крепость 4; поддержка 6; защита 8; тайник 1; щит 1.

П-5 – действие, 71 единица (5.2%):

Отдых 16, отдыхать 2, уборка 10, сон 8; спать 1; работа 5, хранить 1, любить 1, расслабиться 2, кино 1, мультик 1, разговор по душам, смех 9, улыбка 1, шутки 1, шутки папы 1, дела 1, хлопоты 1, задания 1, вернуться 1, домой 1, забота 1, игры с детьми 1, совместные поездки 1, ремонт 1, заинтересуешь 1, встреча 1.

При этом, мы можем утверждать, что в сознании носителей русского языка типичными являются речевые реакции на репрезентацию характеристики, оценки дома и физиологических ощущений и эмоциональных чувств человека. И примерно 40% респондентов употребляют слова «уют», «тепло», «спокойствие», «радость», «любовь» и др., характеризующие их представление о доме и выражающие их симпатию, любовь к своему дому, семье, родине.

Ядро в ассоциативном поле концепта «Дом» составляют следующие реакции: семья (187), тепло (117), уют (114), мама (49), родитель (44), очаг (33), счастье (28), вкусная еда (27). Это можно объяснить, опираясь на восприятие лексемы *дом*, опыт, знание данного этноса и особенности его традиционной культуры.

Устойчивые метафоры о доме также можно обнаружить в ассоциации респондентов. Например, *крепость, защита, щит, поддержка*, отражающие защищающий, безопасный, надёжный признак концепта «Дом». Типичный образ дома в сознании носителей русского языка – это крепость, защита от всех

угроз, реальных и вымышленных; место, где члены семьи общаются, понимают и поддерживают друг друга, заботятся друг о друге.

Мы можем отметить, что концепт «Дом» в результате проведенного ассоциативного эксперимента действительно отражает широкий спектр понятий, чувств.

3.4.2. Ассоциативное поле «房 Фан» в сознании носителей китайского языка

В нашем исследовании использованы методы как количественного, так и качественного анализа результатов. В процессе семантического и концептуального анализа все полученные реакции были разделены по общим семантическим и концептуальным признакам исследуемого концепта «房 Фан» на ряд групп, аналитическое описание которых дается ниже.

В связи с этим проведен ассоциативный эксперимент для исследования концептуальных признаков концепта «房 Фан» в синхронном аспекте.

Согласно мнению Л. Э. Кузнецовой, анализ результатов, полученных из направленного ассоциативного эксперимента, должен носить как количественный, так и качественный характер. Количественный анализ позволяет учитывать уровень стереотипности реакций, количество разных реакций на слово-стимул, количество реакций конкретных и абстрактных и т. д. Качественный анализ заключается, прежде всего, в реконструкции структуры ассоциативного поля, которая определяется типом и содержанием

ассоциативной связи [Воркачев, 2007, с. 337].

В нашем эксперименте приняли участие 319 информантов-носителей китайского языка четырех возрастных категорий (20-30 лет, 30-40 лет, 40-60 лет и более 60 лет), в том числе 180 женщин и 139 мужчин. Ассоциативный эксперимент проводился посредством анкетирования. Сначала испытуемым были розданы вопросные листы, в которых они указали общие сведения о себе: возраст и пол. Затем предлагалось дать несколько любых словесных реакций (слово, словосочетание, предложение, фразеологизм и др.) на слово-стимул 房 *фан*.

В ходе эксперимента респонденты не испытывали затруднений, и большинство из опрашиваемых выполнили задание в течение 2–3 минут. В результате эксперимента было получено 768 ассоциативных реакций, из которых 213 разных. При этом 61 испытуемый дал более 5 ответов, а 2 отказались. Таким образом, процент отказа составил 1%, что является незначительной величиной и доказывает то, что анализируемый концепт актуален для языкового сознания китайцев и результаты эксперимента респондентов позволяют сделать некоторые выводы о смысловом наполнении данного концепта.

При анализе результатов ассоциативного эксперимента была предпринята попытка выявить некоторые гендерные особенности концепта «房 Фан». Для этого были выбраны ассоциативные реакции мужчин и женщин, имеющие большую разницу по частоте встречаемости.

слова-реакции	частота встречаемости ответов у мужчин	частота встречаемости ответов у женщин
钱 деньги	16	2
房贷 ипотека	5	0
赚钱 зарабатывать деньги	3	0
房价 цены на дом, квартиру	2	8
港湾 гавань	0	6
温馨 тёплый, теплота	11	32
舒适 уютный, уют	2	26
装修 / 装修房子 ремонт, отделывать дом	0	12
面朝大海，春暖花开。У моря, в цветущей весне.	1	11
阳光 свет	0	7
自己的爱人 свой любимый человек	0	11
带落地窗的 с большим окном до пола	0	9

Следует отметить, что женские и мужские реакции, ассоциирующиеся со стимулом *房 范*, во многом совпадают: *семья, дети, домашние животные, счастье, здоровье* и т.д. Как показал эксперимент, женские реакции разнообразнее мужских, они связаны и с детальными предметами, людьми, и

внутренними деликатными чувствами и оценками. Для женщин *房 范* связан с «любимым человеком», «теплотой», со «светлым» или со «светом». У женщин возникают ассоциации со «своим стилем (отделки)» и даже «с большим окном до пола».

Если носители женского пола уделяют большое внимание отделке своего дома, личного пространства и построению тёплой среды для семьи, то для мужских реакций характерны простое и непосредственное восприятие: «купить дом», «зарабатывать», «ипотека», «деньги». Результаты показали, что для сознания носителей мужского пола *купить дом* играет важную роль.

С точки зрения Г.А. Мартиновича, реакции могут разделяться по формально-грамматическим особенностям ответов реакций [Мартинович, 1993, с. 93]. В ходе анализа результатов нашего эксперимента было определено три типа реакций: реакции-словоформы, реакции-словосочетания, реакции-предложения.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента показал, что подавляющее число реакций представляет собой реакции-словоформы (80%), реакции-словосочетания составляют 10% и реакции-предложения 10%.

Анализ типов реакций по формально-грамматическим особенностям заключается в группировке реакций по взаимосвязям между стимулом и реакцией. И в процессе анализа результатов реакции были разделены по формальному характеру связи между стимулом и реакцией на следующие параметры и подсчитана их встречаемость.

Параметр-1 (П-1) – реакции, обозначающие людей, которые связаны с *房 fan*, 72 единиц (9.3%):

自己的爱人 свой возлюбленный человек 11, 家人 члены семьи 15, 孩子 дети 14, 父母 родители 7, 丈母娘 тёща 3, 老公 муж 1, 老婆 жена 6, 弟弟 младший брат 1, 喜欢的人 любимый человек 1, 暴发户 нувориш, богач-выскочка 1, 房奴 рабы квартиры (люди, которые купили квартиру в кредит и теперь тратят почти весь заработок на выплату кредита) 5, 钉子户 граждане или организации, отказывающиеся переезжать на новое место жительства в период городской реконструкции 1, 业主 собственник недвижимости 1, 朋友 друг 1, 中介 посредник, агент 1, 任志强 Жэнь Чжи-цян (коммерсант по недвижимости) 1, 王石 Ван Ши (коммерсант по недвижимости) 1, 万科 Вань Кэ (агентство недвижимости) 1.

П-2 – реакции, обозначающие предметы и реалии, связанные с *房 fan*, 268 единиц (34.9%):

Бытовые электроприборы и их принадлежности: 电脑 компьютер 1, Wifi 1, 灯 лампа 2, 电视 телевизор 1;

еда: 好吃的 вкусные блюда 4, 团圆饭 семейный ужин 1;

часть 房 fan: 书房 домашняя библиотека 2, 客厅 гостиная 2, 卧室 спальня 3, 厨房 кухня 5, 阁楼 чердак 2, 阳台 балкон 3, 花园 сад 3, 卫生间 туалет 2, 浴室 баня 1, 游泳池 бассейн 1;

состав 房 fan: 落地窗 окно до пола 2, 白色的纱窗 окно с белой сеткой 1; 地板 пол 1,

домашние растения: 花 цветы 3, 植物 растение 2, 树 дерево 1;

домашние животные: 狗 собака 3, 猫 кошка 3, 小动物 маленькие животные 1;

предметы мебели и их принадлежности: 书柜 книжный шкаф 2, 沙发 диван 4, 床 кровать 5, 桌子 стол 5, 凳子 стул 2, 被子 одеяло 2, 地毯 ковёр 1, 窗帘 штора 1;

место, расположение дома, квартиры: 地段 расположение 5, 北上广 сокр. Пекин, Шанхай и Гуанчжоу 1, 北京三环 3-е транспортное кольцо в Пекине 1;

окружающая среда около 房 фан: «面朝大海, 春暖花开»: с видом на море, в цветущей весне 12, 海边 на берегу моря 5, 蓝色的海 синее море 5, 海景 пейзаж моря 7, 海风 морской ветер 3, 沙滩 пляж 3;

внутренняя отделка, интерьер: 温暖的灯光 тёплый свет 3, 自己的风格 свой стиль (отделки) 4, 自己独特的印记 своя особенная марка 2, 装饰 украшение, отделка дома 1, 暖色调 тёплый колорит 1;

материальное состояние, денежное средство для покупки дома, квартиры: 钱 деньги 14, 更好的经济收入 улучшение экономического дохода 12, 经济收入 экономический доход 8, 经济条件 экономические условия 2, 收入更高 доход ещё выше 1, 财源滚滚 загребать деньги лопатой 1, 养老金 пенсия по старости 3, 月供 месячный взнос по кредиту в банке 5, 房贷 ипотека 5, 没钱 нет денег 3, 房租 квартирная заплата 1, 贷款 ссуда; кредит 3, 票子 бумажные деньги 1, 公积金 неделимый фонд 1, 彩礼 калым 1, 买房子的钱 деньги для покупки дома,

квартиры 1, 工资 зарплата 1, 涨工资 зарплата, повышение зарплаты 2, 首付
первоначальный платёж (при покупке в кредит) 1;

цена на дом, квартиру: 房价 цены на дом, квартиру 10, 北京疯涨的房价
цены на дом, квартиру в Пекине, которые безумно повышаются 1, 高房价政府
造成的 из-за правительства цена на дом, квартиру высокая 1, 房子增值
повышение стоимости недвижимости 4, 又涨了 опять повышается 1, 永远在
涨价 всегда повышается цена 1, 涨多少了 на сколько повышается 1;

состояния членов семьи: 安康 быть в добром здравии 4, 老伴健康 жена /
муж в пожилом возрасте здоров(а) 2, 身体健康 здоровье 11, 孩子健康 дети
здоровые 2, 儿女孝顺 дети почтительные и послушные родителям 4, 儿女事业
有成 дети достигнут успехов в карьере 1, 家庭事业都重要 семья и карьера –
обе важны 1;

жизнь, образ жизни: 方便的生活 удобная жизнь 6, 自由的生活
свободная жизнь 1, 生活 жизнь 7;

В данную группу также и входят реакции – 阳光 солнечный свет 7, 医保
медицинская страховка 5, 周围设施 окружающие сооружения 2, 大小 размер
(дома, квартиры) 1, 质量 качество (прочность) 1, 社会现状 нынешнее
состояние в обществе 1, 物业 домоуправление 1.

**П-3 – характеристика и оценка 房 fan и внутреннее состояние,
отношение человека, находящегося в 房 fan, 223 единицы (29.0%):**

тёплый: 温馨 тёплый, теплота 43;

уютный: 舒适 уют, уютный 28, 便利 удобный 2;

большой или небольшой: 大的 большой 8, 不大 небольшой 5, вместительный 4, 一百来平米 примерно 100 квадратных метров 3; 高大 большой и высокий 2;

красивый, со вкусом оформленный: 奢华的 роскошный 3; 情调 со вкусом 2, 美的 красивый 1, 美好 красота (красивое место) 1, 精致 со вкусом, эстетичный 1;

дорогой: 贵 дорогой 12, 买不起 недоступный 6;

Также и 带落地窗的 с большим окном до пола 9, 有院子 с двором 2; 明亮的 светлый 3, 朝阳 выходить на юг 1, 简单 простой, обыкновенный 3, 浪漫 романтический 2, 干净 чистый 2, 古朴 скромный и старинный 1, 齐全的 со всеми удобствами 1, 高科技智能化的 высокотехнологический и интеллигентный 2, 必不可少 необходимый 2, 复式的 двухэтажный в квартире 1, 喜欢的 любимый 1, 虚无缥缈 иллюзорный 1, 紧张的 дефицитный 1, 和睦 согласный, мирный 10, 美满 благополучный 6, 自己的 свой 1, 团结 сплочённый 1, 友好 дружный 2;

Результаты нашего эксперимента показали, что *房 范* часто вызывает определенное **внутреннее состояние, разные чувства у человека, находящегося дома**, которые также относятся к выявлению чувственного образа концепта «*房 范*»:

满足 быть удовлетворённым 1, 熟悉的感觉 знакомое чувство 1, 幸福 счастье, счастливый 30, 安逸 довольство 5, 安定 быть (становиться) устойчивым 1; 亲情 родственные чувства 1; 好玩 интересно 1; 自在

чувствовать себя свободно (нестесненно) 2; 安全 безопасность, безопасный 1, 房子爱情哪个重要 Что более важно: дом или любовь? 1.

Кроме выше указанных положительных эмоций, также появляются некоторые пассивные чувства, психическое состояние, например, 愁 тоска 1, 伤感 грусть 2, 压力 психологическое давление 2, 矛盾 противоречие 1.

Следует подчеркнуть, перцептивные и апперцептивные психологические концептуальные признаки всегда взаимосвязаны, иными словами, источником нашего чувства является материальный мир. Когда предмет действует на наши органы чувств, частное свойство данного предмета формирует некую реакцию в нашем мышлении. Мы можем говорить, что первоначальная реакция представляет собой простое, первоначальное познание. Психологическое чувство является наиболее абстрактной когнитивной формой, и оно может быть порождено от перцептивного чувства, так и от прошлого индивидуального, коллективного, народного опыта.

П-4 – описание, определение, выражаемые синонимами, часто употребляемыми выражениями и устойчивыми метафорами, 116 единиц (15.1%):

1) реакции, выражаемые синонимами и обозначающие определение лексемы 房 *фан*:

家 семья и ее дом 66, 住的地方 жилое помещение 3; 自己的空间 своё пространство 2, 奋斗目标 цель борьбы 1, 学习环境 учебная (окружающая) среда 2, 独立的空间 самостоятельное пространство 1, 奢侈品 предметы

роскоши 1, 温暖的家 тёплая семья 1, 建筑 стройка, здание 1;

2) реакции, выражаемые устойчивыми сравнениями:

港湾 гавань 6, 避风港 спасительная гавань; гавань-убежище 1, 遮风避雨的港湾 гавань от непогоды 1, 根 корень 1, 后盾 поддержка (с тыла) 1; 蜗牛 улитка 2, 海市蜃楼 мираж, воздушные замки 1;

3) реакции, являющиеся гипонимами лексемы 房 *фан* и выражающие конкретные представления о 房 *фан* в сознании носителей китайского языка:

别墅 вилла 7, 城堡 замок 2, 欧式建筑 дом по-европейски 1, 意式建筑 дом по-итальянски 1, 住宅 жилище, квартира 1, 出租房 доходный дом 2; 学区房 дом, близко находящийся к школе 3, 洋楼 дом европейского типа (в два этажа и больше) 1, 小木屋 бревенчатый домик 1;

4) реакции, обозначающие предметы, которые имеют равнозначное значение дому в сознании носителей китайского языка:

车 машина 6.

П-5 – действие, связанное с 房 *фан*, 89 единиц (11.6%):

养老 забота о стариках 12, 结婚 женитьба 11, 装修房子 ремонт дома 7; 装修 отделывать 5, 装饰 разукрашивать 1, 放松 расслабляться 2, 有房 обладать домом, квартирой 3, 拆迁 снести и переехать 2, 买房 купить квартиру 2, 赚钱 зарабатывать деньги 3, 投资 инвестировать 2, 享受 наслаждаться 2, 辛苦一辈子 устать за всю жизнь (чтобы купить квартиру) 1, 夫妻共同奋斗 супругам вместе стараться 1, 辛辛苦苦几十年, 为娃买房一夜回到解放前 в поте лица работать несколько десятков лет для покупки

недвижимости сыну (при этом становится бедным) 1, 房子绑架了多少婚姻
сколько браков дом похитил 1, 有自己的事业 иметь свою карьеру 1, 为孩子以
后打算 планировать будущее детей 3, 为孩子努力 стараться для детей 7, 努力
стараться 8, 拼搏 сражаться 2, 娶媳妇要买房 чтобы жениться, необходимо
купить дом, квартиру 1, 活出自己 жить за себя 1, 可以自己做饭 можно
самому готовить 1, 靠房子赚钱已成过去式 обирать при покупке-продаже
домов уже становится прошлым 1, 爱屋及乌已成过去式, 如今是爱屋及人了
раньше любили не только дом, но и ворон на его крыше, сейчас любят не только
дом, но и домовладельца 1, 快乐成长 вырастать с радостью 1, 吃
饭 принимать пищу, есть 2, 睡觉 спать; ложиться спать 1, 不给儿女添麻烦
доставлять детям беспокойство 3;

В анализе результатов ассоциативного эксперимента также учитывается
разница реакций, проявляющаяся у представителей разных возрастных
категорий. С этой целью были сопоставлены ассоциативные реакции, которые
наиболее часто появляются в их ответах (занимающие первые 10 мест).

Респонденты в возрасте 20-30 лет (195 чел.):

家 семья и ее дом 46, 温馨 тёплый, теплота 36, 舒适 удобный 23, 钱
деньги 16, 家人 члены семьи 14, «面朝大海, 春暖花开»: у моря, в цветущей
весне, 幸福 счастье, счастливый 11, 结婚 жениться 11, 自己的爱人 свой
любимый человек 11, 房价 цена на дом, квартиру 10.

Респонденты в возрасте 30-40 лет (46 чел.):

家 семья и ее дом 10, 经济收入 экономический доход 8, 孩子 дети 7, 生

活 жизнь 7, 努力 стараться 8, 幸福 счастье, счастливый 5, 方便 удобный 5, 方便的生活 удобная жизнь 5, 美满 полный и благополучный 4, 身体健康 здоровье 4.

Респонденты в возрасте 40-60 лет (57 чел.):

家 семья и ее дом 10, 更好的经济收入 улучшение экономического дохода 8, 和睦 согласный, мирный 7, 幸福 счастье, счастливый 7, 温馨 тёплый, теплота 6, 舒适 удобный 5, 儿女事业有成 дети достигнут успехов в карьере 5, 身体健康 здоровье 5, 房子增值 повышение стоимости недвижимости 4, 为孩子以后打算 планировать будущее детей 3.

Респонденты в возрасте более 60 лет (36 чел.):

养老 заботиться о стариках 12, 幸福 счастье, счастливый 7, 医保 медицинская страховка 5, 不给儿女添麻烦 доставлять детям беспокойство 3, 养老金 пенсия по старости 3, счастливый 5, 儿女孝顺 дети, почтительные и послушные родителям 2, быть в добром здравии 2, 老伴健康 жена / муж в пожилом возрасте здоров(а) 2, 身体健康 здоровье 2.

Необходимо отметить, что в высокочастотных реакциях респондентов, которые относятся к разным возрастным категориям, можно обнаружить сходство и различие в их сознании и сделать следующие выводы:

1. 家 цзя (семья и ее дом) как наиболее высокочастотная реакция появляется в ответах респондентов, относящимся к возрастным категориям 20-30 лет, 30-40 лет, 40-60 лет (кроме испытуемых старше 60 лет), и мы может говорить, что 家 цзя является ближайшим синонимом 房 фан в сознании

носителей китайского языка. Их тождество основано не на семантике, а на восприятии человека. Для осознания концепта «房 Фан» важным представляется признак 房 *фан* – «жилой дом, где живёт семья», т.е. первично понятие жилого помещения, в котором живет человек и его семья. Кстати, этот признак не присутствует ни в одном словаре китайского языка.

2. При рассмотрении реакций испытуемых со стимулом 房 *фан* по разным возрастным категориям была обнаружена разница в устремлениях китайского народа на разных этапах жизни. Человек, находящийся в возрасте 20-30 лет, живет в мечтах о новой жизни, которая начинается после вступления в брак. Большая часть современной китайской молодёжи (особенно мужчины) строит нереальные иллюзии, они мечтают обладать виллой с видом на море, утопающей в цветах, одновременно они понимают, что реальная жизнь жестока, и наиболее важной задачей для них для создания семьи является возможность «купить дом, квартиру». Реальность оказывает высокое психологическое давление.

Анализ реакций респондентов в возрасте 30-40 лет показывает, что человек, который находится в данной возрастной категории, становится более зрелым, чем человек в возрасте 20-30 лет. Их ответы опираются на реальную основу, и испытуемые уделяют больше внимания семейной жизни, воспитанию детей.

Реакции респондентов возрастной категории 40-60 лет обнаруживают, что они стараются улучшить нынешние условия и стремятся к высококачественной жизни. Привязанность к семье, забота о детях и их будущем постепенно

углубляется в реакциях испытуемых возраста от 20 до 60 лет. Следует подчеркнуть, испытуемые старше 60 лет, начинают думать об их старости, проблеме их содержания, обеспечения и здоровье.

Выделенные концептуальные признаки дают нам возможность перейти к когнитивной интерпретации результатов ассоциативного эксперимента и реконструировать концепт «房 范» в сознании носителей китайского языка.

Реакции и концептуальные признаки концепта «房 范», полученные из результатов ассоциативного эксперимента, достаточно широки и разносторонни. Разносторонность объективируется в концептуальных признаках достаточно конкретно; они включают в себя атмосферу дома, его облик, размер, подчеркивают важность окружающего природного ландшафта, семьи и семейного покоя, касаются составных частей и элементов дома, способных вызвать определенные чувства, и т.д.

Проведённый анализ выявленных реакций китайских респондентов позволяет делать следующие выводы:

1. В сознании носителей китайского языка типичные реакции относятся к параметру «реакции, обозначающие предметы и реалии, связанные с *房 范*» и составляют 34.9% от общих числа реакций. Большинство респондентов ассоциируют *房 范* с окружающей средой около *房 范*, материальным состоянием, денежными средствами для покупки *房 范* и высокой ценой на *房 范*, репрезентирующими их представление о *房 范* как о предмете первой необходимости, так и своем жилище, в котором можно испытывать

наслаждение жизнью.

Ядро в ассоциативном поле концепта «房 Фан» образуется реакциями: 家 семья и ее дом 66, 温馨 тёплый, теплота 43, 舒适 уют, уютный 28, 幸福 счастье, счастливый 25, 钱 деньги 18. Таким образом, мы можем утверждать, что в сознании носителей китайского языка 房 *фан* – жилой дом, где располагается семья; место с приятной атмосферой (теплота, уют, удобство и др.); предметы, которые необходимо купить для создания уюта.

Устойчивые метафоры 房 *фан* могут быть обнаружены в реакциях, например: 港湾 гавань, 避风港 спасительная гавань; гавань-убежище, 遮风避雨的港湾 гавань от непогоды, 根 корень, 后盾 поддержка (с тыла) и 海市蜃楼 мираж, воздушные замки. Образ, представляющий 房 *фан* в сознании носителей китайского языка, – это 港湾 гавань, защищающая от невзгод, которая характеризуется как место, где останавливается человека и отдыхает его душа.

При сопоставлении результатов ассоциативных экспериментов с русскими и китайскими респондентами можно прийти к следующему заключению.

В каждом индивидуальном сознании существует своеобразная картина *дома и 房 фан*, на которой запечатлена либо деревянная изба с семьей, либо светлая комната с одним удобным диваном, либо красивая вилла на берегу моря.

Сопоставление данных показывает, что в состав концептов «Дом» и «房 Фан» входят одинаковые параметры, однако в соответствующих параметрах

есть и аналогичные, и дифференцирующие ассоциации, которые принадлежат определенному народу. Например, при анализе параметра-1 «реакции, обозначающие человека» выявляется сходство в результатах двух экспериментов: представителями обеих сторон даны одинаковые ассоциации: *члены семьи, муж, жена, родители* и др. Различие заключается в том, что китайский концепт «房 Фан» содержит такие ассоциации, как *房奴 рабы квартиры, 业主 собственник недвижимости, 中介 посредник, агент*, имена некоторых известных коммерсантов в этой области и названия фирмы по торговле недвижимостью.

Параметр-2 «реакции, обозначающие предметы и реалии» включает ассоциации *родина, семейные праздники, школа, домовой* и др., свойственные сознанию носителей русского языка, и ассоциации, характеризующие сознание представителей китайского народа: *материальное состояние, денежные средства для покупки 房 фан, цена на 房 фан, 社会现状 нынешнее состояние общества, 物业 домоуправление, 婚姻 брак* и др.

Параметр-3 «характеристика и оценка дома и внутреннего состояния, отношения человека, находящегося в доме или 房 фан» демонстрирует очевидные отличия: с лексемой *дом* ассоциируются разнообразные положительные эмоции, настроения, а с ключевым иероглифом *房 фан* ассоциируются положительные и пассивные, негативные эмоции, например: *愁 тоска, 伤感 грусть, 压力 психологическое давление, 矛盾 противоречие*, большая часть которых вызвана высокой ценой *房 фан* и недоступностью его покупки.

При сопоставлении ассоциаций, относящихся к параметру-4 «*описание, определение, выражаемые синонимами, часто употребляемыми выражениями и устойчивыми метафорами*», по результатам двух экспериментов было обнаружено, что в сознании обоих этносов устойчивые метафоры отражаются по-разному: русский *дом – крепость, щит, защита*, а китайские устойчивые метафоры *房 房ан – гавань, корень*. Образное представление о *房 房ан* как о корне дерева можно трактовать следующим образом: многократное переселение из одного места в другое рассматривается китайцами как неустроенная жизнь, лишенная устойчивости, стабильности, так как китайский народ хочет верить, что свой *房 房ан*, словно неподвижный корень дерева, может обеспечить семье прочное, надежное пристанище и избавит ее от постоянных переездов. Поскольку *房 房ан* символизирует устойчивую жизнь, он, безусловно, является предметом «первой необходимости» для начала жизни новой семьи. В сознании носителей китайского языка аренда квартиры обязательно подразумевает постоянные переезды, и потому покупка своего собственного дома или квартиры становится единственно приемлемым решением данной проблемы. Для китайцев создать новую семью без покупки своего дома неприемлемо. Поэтому приобретение дома или квартиры является обязательной предпосылкой вступления в брак.

Проведённое сопоставление по параметру-5 «*действие, связанное с домом или 房 房ан*» показывает, что в сознании носителей русского языка *дом*, по сути, это место отдыха, работы и развлечения; это место, где вся семья собирается; с

домом всегда связана уборка, домашние дела, хлопоты. В сознании носителей китайского языка 房 *фан* – это место, где проходит жизнь, многое связано с его покупкой, ремонтом, украшением; это предпосылка для вступления в брак; для современных китайцев купля-продажа 房 *фан* является важной инвестиционной формой и средством.

Выводы по главе III

Как всякий концепт, концепты «Дом» и «房 Фан» обнаруживают свое бытие в сознании человека через язык. В результате изучения фразеологического, ассоциативного, деривационного полей концептов «Дом» и «房 Фан» нам удалось:

- обнаружить, что концепт «房 Фан» в языковом сознании сформировался под воздействием других концептов, относящихся к китайской национальной концептосфере, например, концептов «Земля», «Недвижимость», «Жизнь», «Брак», «Успех». Концепт «Дом» также тесно связан с другими концептами русской национальной концептосферы, с такими как «Семья», «Защита», «Родина», «Любовь». Взаимоотношения концептов внутри концептосферы своего языка позволяют образно и ясно моделировать концепты «Дом» и «房 Фан», представленные в сознании носителей русского и китайского языков;

- определить концептуальные признаки концепта «房 Фан» при помощи анализа языковых средств разных типов в сознании носителей китайского языка:

а) противоположные оценочные признаки, такие как 1) положительно-оценочные: *хороший, качественный, необходимый, безопасный, защищающий*; 2) нейтрально-оценочный: *дорогой*; 3) отрицательно-оценочный: *ветхий, плохой, недоступный*.

б) дополнительные понятийные признаки концепта «房 范», такие как *недвижимость, ценное наследство, богатство, предпосылка для вступления в брак, обладание 房 范* (обладание 房 范 является символом успеха для мужчины, а для многих женщин успех означает быть замужем за идеальным мужчиной, который имеет свой собственный 房 范 и машину).

в) концептуальные признаки, например, в представлении многих молодых девушек, которые пока не вышли замуж, образ 房 范 таков: он должен быть большим или небольшим с окном до пола, с белыми длинными шторами и хорошим ремонтом, устроенным по собственному вкусу, красивым.

Для большинства современной молодежи 房 范 является достаточно сложной проблемой, дело в том, что купить свой собственный 房 范 нелегко, особенно в больших городах. В сознании носителей китайского языка быть без собственного дома – значит «переезжать с места на место», и данная мысль популярна в современном китайском обществе и оказывает психологическое давление на человека, который с трудом может купить дом, квартиру.

- Сопоставление реакций носителей двух языков позволяет выявить, что ассоциациям русских более присуща эмоциональность, чем ассоциациям китайских испытуемых. Это доказывает большое количество

эмоционально-оценочных реакций в русском языковом материале, таких, как *родной; близкий; радость; веселье; понимание; уважение; твой дом там, где живёт сердце; самое лучшее место; там, где тебя всегда поймут.*

В целом мировидение двух народов по исследуемой тематике аналогично, во фразеологии и ассоциациях очень много общего, отличие проявляется в том, что в русском языке концепт «Дом» более эмоционально насыщен, чем китайский концепт «房 Фан».

Китайский концепт «房 Фан» отражает более материалистическое отношение, которое отражается в ассоциациях, например: реакции *деньги, купить фан, ссуда, кредит, ипотека, зарабатывать, зарплата* и др. Вероятно, это связано со спецификой национально-культурной ментальности. Отношение современных китайцев к *房 фан* испытывает влияние с материальной стороны: стремления к материальным благам, в отличие от русского концепта «Дом», в котором нет такой ярко выраженной направленности.

- Реконструкция деривационных полей ключевых слов *дом* и иероглифа *房 фан* дает возможность противопоставить концептуальные признаки, выраженные производными словами, например: признаки концепта «房 Фан» «ответвление семьи; ветвь рода», «гостиница, отель», «предмет, имеющий функции аналогичные дому или его части», «супружеская жизнь», «пустой дом значит одинокий», которые отсутствуют в концепте «Дом».

При этом в дериватах русского слова *дом* репрезентированы концептуальные признаки «хозяйственный», «домашний», «сделанный дома»,

«управление домом», которые слабо отражены в китайском языковом сознании в концепте «房 Фан».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данного исследования заключалась в установлении универсального и специфического в содержании концептов «房 Фан» и «Дом» через раскрытие национальной специфики, которая существует в сознании носителей русского и китайского языков.

Культурно-смысловые пространства разных языков формируются из общечеловеческих понятий и представлений, поэтому они располагают функционально однотипными, накладывающимися смыслами. В каждом языке существуют универсальные смыслы, вследствие чего для нахождения и установления специфики этнокультурной логики языкового мышления необходимо привлечение базовых культурных ценностей этноса, запечатлевших в себе модели осмысления и восприятия окружающего мира.

Русский концепт «Дом» и китайский концепт «房 Фан» относятся к числу универсально значимых концептов, играющих значительную роль в русской и китайской языковых картинах мира, воплощающих общечеловеческие и национально-специфические образы дома. Анализ концепта «房 Фан» в сопоставлении с концептом «Дом» дает возможность сделать вывод о наличии существенных расхождений, обуславливающих национальную специфику исследуемых концептов русского и китайского языков.

В современном китайском языке значение иероглифов в той или иной степени определяется их ключами, которые служат наиболее символическими

частями каждого иероглифа. Ключи большинства иероглифов до сих пор служат ярлыком существования значений, которые не только помогают определить значения иероглифов, но и значения слов. Для русского языка форма выражения не важна, а важен смысл слова, китайское же письмо идеографично, соответственно, для китайского языка важна форма знака. Иероглиф выступает как знак некоего индекса, налицо внутренняя форма знака, в работе данное положение проиллюстрировано на иероглифе 房 *фан*, где основным ключом является иероглиф 户 *ху* «одностворчатая дверь, установленная в каком-нибудь здании». Соответственно, иероглиф 房 *фан* имеет значение «жилище для уединения, защищающее человека от внешней угрозы», ведь дверь является действующим приспособлением для защиты семьи.

Для китайского языка важна теория, постулирующая иероглиф как основную единицу языка.

Понятийная сфера, выраженная в русском языке лексемой *дом* и в китайском языке иероглифом 房 *фан*, относится к универсальным концептам русской и китайской языковой картины мира, обладающей культурологической значимостью в понимании характера и особенностей культуры русского и китайского народов.

Картина мира, выраженная концептами «Дом» и «房 Фан», многослойна и реализуется в комплексе разноуровневых средств.

1. Сопоставляемые концепты представлены большим количеством репрезентантов в соответствующих языках. Динамические процессы,

происходящие в содержании концептов, постоянно обогащают значение, входящее в центральную зону изучаемых концептов. Изначально слово *дом* имело значение «здание», «строение», из которого развилось значение «семья, хозяйство», и олицетворяло образы «родины», «прошлого», «детства», и теперь актуализировались другие ассоциативные смыслы: «место, где тебя ждут и складываются определенные отношения с любящими людьми». Семантическая структура ключевой лексемы, объективирующей концепт «Дом» подвергается процессу расширения. Ключевая лексема *дом* стала ассоциироваться с внутренним состоянием, эмоциями, чувствами человека, что придало концепту в целом сильный антропоцентрический характер. Зафиксированы такие реакции при проведении ассоциативного эксперимента: *поддержка; самое лучшее место; дом – это место, где тебя всегда ждут; дом, это не место на карте, а люди, которым ты нужен; дом там, где тебя всегда поймут; твой дом там, где живёт сердце* и др.

В китайском языковом сознании доминанты поля концепта «房 Фан» формировались на протяжении всех исторических этапов развития общества и на данном этапе представлены совокупностью значений: «жилое помещение», «имущество», «недвижимость», «символ достатка», «символ стабильности и состоявшейся судьбы»: человек, владеющий *房 фан*, чувствует себя «хозяином жизни», «знак успеха для мужчин», «обеспечение счастья» и др.

В целом, проведенное исследование, касающееся изучения содержания концептов «Дом» и «房 Фан» и их языковой репрезентации, дает возможность

раскрыть семантические структуры ключевых лексемы *дом* и иероглифа 房 *фан*, адекватные состоянию русского и китайского языков в новейший период их развития.

2. Одним из основных различий между сопоставляемыми культурами является отношение к семье. Данное различие было обнаружено в толкованиях ключевых слов сопоставляемых концептов и переводных эквивалентов *семья* и 家 *цзя* в словарях. В русском словаре подчеркивается, что сущность *семьи* – группа людей, родственников, живущих вместе, а в китайском словаре 家 *цзя* – ближайший синоним 房 *фан*, обозначает единство группы ближайших кровных родственников с их домом, жилищем.

家 *Цзя* представляет собой абстрактное понятие в китайской языковой картине мира, в связи с чем, невозможно определить 家 *цзя* как предмет или как группу людей, это понятие, означающее единство дома и людей, живущих в нем. Для русского языкового сознания для определения понятия *семьи* наиболее важным представляются члены семьи; для китайского же языкового сознания в восприятии 家 *цзя* существенно помещение, где живут члены семьи. Отсюда следует, что важность обладания собственным домом, жилищем для семьи в китайском языковом сознании сильнее, нежели в русском языковом сознании.

3. Отличительной чертой концепта «Дом» в русской языковой картине мира является его смысловое наполнение *семья*, т.е. для русского сознания важны члены семьи, моральные качества человека, дом для него представляет некую нравственную ценность. Восприятие «房 *Фан*» в китайском языковом

сознании конкретнее и материалистичнее. «房 Фан» – здание, постройка, дом, комната, из этих смысловых признаков развиваются не менее реалистичные значения «недвижимость», «дорогой товар в рынке жилья», «наследство» и др.

Концепты «Дом» и «房 Фан» – фундаментальные концепты в соответствующих концептосферах, отмеченные национально-культурной маркированностью. Мы воспринимаем их как единицы сознания народа в вербально обозначенном виде, так как идеальная сущность концепта отражается в совокупности слов и речевых единиц как группа сем, формирующих семантическое значение, и стремится к ее репрезентации. Процесс раскрытия содержания концепта сосредоточен на когнитивном усилии человеческой мыслительной способности.

Анализ специфики содержания ключевых слова *дом* и иероглифа *房 фан* по данным словарей (разных типов) русского и китайского языков свидетельствует о том, что семантическая объективация концепта «房 Фан» в китайском языковом сознании содержит значения «здание»; «помещение для проживания семьи», «комната», «ветвь рода», «жена, счетное слово для жен», «вещь, предмет, который имеет форму, функцию дома, комнаты», «имя собственное для звезд» и др.; семантическая объективация концепта «Дом» отличается значениями «семья и его хозяйство», «династия», «гроб», «голова», передаваемые словом *дом*.

Анализ лексико-тематических групп (синонимический ряд, группа часто употребляемых словосочетаний, деривационное поле, фразеологическое поле,

ассоциативное поле) свидетельствуют о значительных расхождениях в языковой объективации концептов, учитывая структурные языковые особенности сопоставляемых языковых систем.

На уровне лексической сочетаемости были обнаружены количественные особенности сочетаемостных связей лексемы *дом* и иероглифов *房 фан*, *房子 фан цзы*, которые позволили заключить, что категории для идентификации и классификации концептов «Дом» и «房 Фан», зафиксированные в словосочетаниях русского и китайского языков, в какой-то степени отражены в отличительных представлениях. Например, в русском языковом сознании *дом* с определением *родной*, *отчий* нередко образуют представление о родине, отечестве. А в китайских словосочетаниях иероглиф *房 фан* с определением *老 «старый»* часто формируют представление о месте рождения, о родине; представление *房 фан* как о здании, постройке отражается в сочетаниях со счетными и числительными словами; представление *房 фан* как о жилище, квартире нередко реализуется в словосочетаниях с определениями, обозначающими цену на дом, квартиру, также часто с определениями, обозначающими названия больших городов и хорошее расположение; *房 фан* с отглагольными существительными образует словосочетания, выражающие разные типы социального жилья, которые появились в последние 30 лет и др.

Анализ фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений помог выявить дополнительное содержание, связанное с исследуемым концептом, которое также можно отнести к национальной специфике: закон, к

которому обращаются люди и ведут дела; отношение между человеком и внешним миром, между членами семьи, между соседями.

Результаты ассоциативных экспериментов показали, что респонденты дают разные ответы, соответствующие гендерным особенностям и категории возраста.

Анализ результатов свободных ассоциативных экспериментов позволил выделить 5 смысловых параметров ассоциативных полей концептов «Дом» и «*房 Фан*».

1. реакции, обозначающие людей, которые связаны с *домом* или *房 фан*;
2. реакции, обозначающие предметы и реалии, связанные с *домом* или *房 фан*;
3. характеристика и оценка дома и внутреннего состояния, отношения человека, находящегося в *доме* или *房 фан*;
4. описание, определение, выражаемые синонимами, часто употребляемыми выражениями и устойчивыми метафорами;
5. действия, связанные с *домом* или *房 фан*.

Полученные в ходе экспериментов параметры соответствуют основным содержаниям концептов «Дом» и «*房 Фан*»: «здание, постройка, в котором осуществляется разная деятельность человека».

Наиболее яркими являются отличительные ассоциации, например: *родина*, *семейные праздники*, *школа*, *домовой* и др., свойственные сознанию носителей русского языка, и ассоциации, характеризующие сознание представителей

китайского народа: *материальное состояние, денежные средства для покупки 房 фан, цена на 房 фан, 社会现状* нынешнее состояние общества, *物业* домоуправление, *婚姻* брак и др.

С лексемой *дом* в сознании носителей русского языка ассоциируются разнообразные положительные эмоции, настроения, а с ключевым иероглифом *房 фан* ассоциируются положительные и пассивные, негативные эмоции, например: *愁* тоска, *伤感* грусть, *压力* психологическое давление, *矛盾* противоречие, большая часть которых вызвана высокой ценой *房 фан* и недоступностью его покупки.

При сопоставлении результатов экспериментов двух языков были обнаружены очевидные отличия, существующие в сознании обоих этносов: устойчивая метафора *дом* – крепость, устойчивые метафоры *房 фан* – гавань, корень.

Проведённое сопоставление по параметру-5 «действие, связанное с домом или *房 фан*» показывает, что в сознании носителей русского языка *дом*, по сути, это место отдыха, работы и развлечения, это место, где вся семья собирается, с домом всегда связана уборка, домашние дела, хлопоты. В сознании носителей китайского языка *房 фан* – это место, где проходит жизнь, многое связано с его покупкой, ремонтом, украшением, это предпосылка для вступления в брак, для современных китайцев покупка-продажа *房 фан* является важной инвестиционной формой и средством.

Модификации специфических концептуальных признаков концептов

«Дом» и «房 Фан» обусловлены различными традиционными, историческими, социальными, культурными и другими факторами, такими, как китайская жилищная реформа и рынок жилья, который начинается в 1998-ом году в период экономических реформ. До этого государство было единственным инвестором городского жилищного строительства и единственным собственником жилищного фонда. Иными словами, после жилищной реформы народ имеет право купить свой собственный *房 фан*.

Сопоставительный анализ позволяет доказать, что концепт – это языковая единица для хранения в памяти опыта, знаний определённого этноса, и национальная специфика концептов лежат в их содержательном плане.

Следует особо отметить, что при сопоставлении концептов «Дом» и «房 Фан» выявляются как некоторые смысловые аналогии, которые передают общие когнитивные потенциалы, так и множество резких отличий, формирующих национальную специфику в сознании носителей определённого языка.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о том, что аналогические концепты «Дом» и «房 Фан» совпадают в плане содержания только частично, находит непосредственное подтверждение в данном исследовании.

Применение лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению концептов «Дом», и «房 Фан» полностью отвечает достижению целей и задач, поставленных в диссертационной работе.

Выполненная работа предоставляет возможность глубже понять концепт, его содержание и структуру, отражающие национальную специфику в русском и

китайском языковом сознании, выявить их общие и отличительные концептуальные признаки, осмыслить межъязыковые и межкультурные связи и параллели.

Вместе с тем, данная работа открывает перспективы для дальнейшего исследования концептов «Дом» и «房 Фан» в концептосфере русской и китайской лингвокультур. Более детальное изучение отношений данного концепта с другими концептами культуры позволит получить данные, которые послужат основой для описания концептосфер русского и китайского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Е. К. Когнитивная интерпретация как метод выявления признаков концепта / Е. К. Абрамова // Известия Самарского научного центра РАН. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2009. – Т. 11. – № 4(3). – С. 700–704.
2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 305 с.
3. Афанасьев А.Н. Народ – Художник. Миф. Фольклор. Литература / А.Н. Афанасьев. – М.: Сов. Россия, 1986. – 366 с.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.
5. Бабушкин А.П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности / А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. – Сер.1: Гуманитарные науки. – 1997. – № 2. – С. 114–118.
6. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 52–57.
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
8. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ... д-ра филол. наук / Е.Г.

Беляевская. – М., 1992. – 406 с.

9. Богатова С.М. Концепт «Дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: дис. ... канд. филол. наук / С.М. Богатова. – Омск, 2006. – 176 с.

10. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 25–36.

11. Болотнова И.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте : монография / И.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. – 212 с.

12. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и. доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

13. Валеева Д.Р. Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира: дис. ...канд. филол. наук / Д.Р. Валеева. – Казань, 2010. – 180 с.

14. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

15. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая, пер. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 289 с.

16. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

17. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: ИКАР, 2000. – 124 с.

18. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
19. Воркачев С.Г. Концептуальный аспект в изучении языковых единиц / С.Г. Воркачев. – М.: Прогресс, 2001. – 292 с.
20. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачев // Известия РАН. – Сер. лит. и языка. – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47–58.
21. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
22. Воркачев С.Г., Кузнецова Л.Э., Кусов Г.В. и др. Лингвокультурный концепт: Типология и области бытования / С.Г. Воркачев, Л.Э. Кузнецова, Г.В. Кусов [и др.] / Под ред. С.Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
23. Воронина Л.В. Концептуальная структура именных производных слов немецкого языка // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (VII Березинские чтения). – Вып. 18. – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. – С. 20-25.
24. Воронова Т.А., Стернин И.А. Концепт «толерантность» в русском сознании / Т.А. Воронова, И.А. Стернин // Языковая структура и социальная среда: Межвузовский сборник научных трудов студентов. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – С. 79–83.
25. Габдуллина С.Р. Концепт «Дом»/ «Родина» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой

- волны: дис. ... канд. филол. наук / С. Р. Габдуллина. – Москва, 2004. – 243 с.
26. Гак В.Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) / В.Г. Гак // Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода". – М., 1967. – С. 14–18.
27. Гак В.Г. Русский язык в зеркале французского. Структура диалогической речи / В.Г. Гак // Русский язык за рубежом. – 1970. – № 3. – С.75–80.
28. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – Ленинград: «Просвещение», 1976. – 293 с.
29. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
30. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
31. Глазкова Т.В. Базовые ценности россиян и ценностно-смысловое наполнение концепта «семья» / Т.В. Глазкова // Культура культуры. – 2015. – № 4 (8). –С. 142–148.
32. Голикова Т.А. Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента) / Т.А. Голикова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 322 с.
33. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка / В.И. Горелов. – М.: «Просвещение», 1979. – 192 с.
34. Горелов В.И. Лексикология китайского языка / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.

35. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – Харьков: Ра-Каравелла, 2001. – 320 с.
36. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984, 2000. – 400 с.
37. Гумбольдт В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. М. И. Левиной, О.А. Гулыга, А.В. Михайлова [и др.]. / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
38. Жалсанова Ж.Б. Ассоциативный эксперимент как метод исследования национально-культурной специфики языкового сознания (на примере бурят) / Ж.Б. Жалсанова // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия. Сборник трудов Международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 2009). Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009. – С. 270–277.
39. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с.
40. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543с.
41. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913 гг. / Д.К. Зеленин. – М.: Индрик, 1994. – 400 с.
42. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
43. Карасик В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В.

- Зубкова [и др.]. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
44. Карасик В.И. Концепт и значение / В.И. Карасик // Культура общения и её формирование. – Воронеж, 2006. – Вып. 16. – С. 148–151.
45. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов [и др.]; РАН, Ин-т рус.яз. – М., 1994. – С. 191–218.
46. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
47. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. – 312 с.
48. Колесов В.В. Философия русского языка / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
49. Корбут А.Ю., Li Huizi. Сопоставительный анализ репрезентантов концепта «деньги» в китайском и русском языках / А.Ю. Корбут, Li Huizi // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №10 (365). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 95. – С. 113–119.
50. Королева Ю.В. Подходы к изучению национально-культурной специфики / Ю.В. Королева // Языковое бытие человека и этноса. – М.: МГЭИ, 2006. – Вып. 11. – С. 118–128.
51. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? / В.В.

- Красных. – М.: Издательство: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
52. Красных В.В. К вопросу о психолингвистическом анализе текста / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М.: «Филология». – 1998. – Вып. 3. – С. 111–119.
53. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
54. Крушельницкая Г.В. Проблемы взаимосвязи языка и мышления / Г.В. Крушельницкая // Общее языкознание. – М.: Издательство «Наука», 1970. – 597 с.
55. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н.В. Крючкова. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с.
56. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов сферы физического бытия человека / Н.В. Крючкова // Известия ВГПУ. Серия: современная теория языка. – 2009. – № 10. – С. 12–15.
57. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный. – М.: Наука, 1991. – 240 с
58. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 20-27.
59. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
60. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1 (001). – С. 6–17.

61. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
62. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
63. Лаврентьева Л.С., Смирнов Ю.И. Культура русского народа. Обычаи, обряды, занятия, фольклор / Л.С. Лаврентьева, Ю.И. Смирнов. – СПб.: Паритет, 2004. – 448 с.
64. Ланская О.В. Концепт «дом» в языковой картине мира (на материале повести Л.Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро Помещика»): дис. ... канд. филол. наук / О.В. Ланская. – Калининград, 2005. – 199 с.
65. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 225 с.
66. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
67. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
68. Леонтьев А. А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
69. Ли Ли. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта "Дом" с позиции носителя китайского языка и культуры: дис. ... канд. филол. наук / Ли Ли. – М., 2006. – 162 с.
70. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

71. Ломоносова Ю.Е. Концептуальное поле «Атмосферные явления» во французской языковой картине мира: автореф. дис... канд. филол. наук / Ю.Е. Ломоносова. – Воронеж, 2008. – 22 с.
72. Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка: слово и предложение / Люй Шу-сян. – М.: Издательство Восточной Литературы, 1961. – 267 с.
73. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Вып. 1. –Архангельск, 1997. – С. 11–35.
74. Мартинович Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93–99.
75. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
76. Мечковская И. Б. Социальная лингвистика / И.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
77. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык, мышление и сознание et vice versa / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина // Русский язык за рубежом. – 1994. – №1. – С. 63–70.
78. Муллагалиева Л.К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: словарь / Л.К. Муллагалиева. – М.: Ладомир, 2006. – 234 с.
79. Мюллер М. Языки как образ мира / М. Мюллер, Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Витгенштейн [и др.]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 568 с.
80. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического

- концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск: Издательство ОмГПУ, 1998. – С. 80–85.
81. Никитин М.В. Развёрнутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 53–64.
82. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 117–123.
83. Николина Н.А. Филологический анализ текста / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
84. Носс И. Н. Психодиагностика. Тест, психометрия, эксперимент (информационно-методический конспект материалов к практическим занятиям по психодиагностике и экспериментальной психологии) / И.Н. Носс. – М.: Издательство «КСП+», 1999. – 320 с.
85. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие / Л.А. Новиков. – М.: Высш. школа. 1982. – 272 с.
86. Овчинникова И.Г. Ассоциативные структуры в процессах деривации / И.Г. Овчинникова // Деривация и семантика: слово-предложение-текст. – Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 1986. – С.79–89.
87. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б.Д. Парыгин. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.

88. Пименова М.В.. Предисловие / В.М. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику. – Вып. 4. – Кемерово, 2004. – 208 с.
89. Пименова М.В. Образные и символические признаки луны в русской концептосфере / М.В. Пименова // Концепт и культура: Материалы III международной конференции. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – С. 294–303.
90. Пименова М.В. Сценарий как один из способов описания концепта (на примере концепта радость) / М.В. Пименова // Новое в славянской филологии. – Серия «Славянский мир». – Севастополь: Рибэст, 2009. – Вып. 4. – С. 68–80.
91. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность / М.В. Пименова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 126–132.
92. Пищальникова В.А., Бочаров Д.А. Экспериментальное исследование ассоциативного вербального содержания одноименных концептов у носителей разных языков / В.А. Пищальникова, Д.А. Бочаров // Языковое бытие человека и этноса психолингвистический и когнитивный аспекты. – М.: МГЭИ, 1999. – С. 80–84.
93. Попова З.Д. Общее языкознание: Учебное пособие / З.Д. Попова. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. – 212 с.
94. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2001. – 191 с.
95. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2002. – 151 с.

96. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 250 с.
97. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
98. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Либроком. – 176 с.
99. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
100. Регина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И. Устойчивые словосочетания русского языка / К.В. Регина, Г.П. Тюрина, Л.И. Широкова. – М.: Русский язык, 1980. – 296 с.
101. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика: Издание 2-е, испр. / А.В. Рудакова. – Воронеж: «Истоки», 2004. – 80 с.
102. Сапегина И.А. Концепт *сердце* как доминанта эмоциональной картины мира в русском языке в зеркале китайского языка: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Сапегина. – М., 2011. – 202 с.
103. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
104. Серебренников Б.А. Язык как общественное явление // Общее языкознание / Б.А. Серебренников. – М.: Издательство «Наука», 1970. – 597 с.
105. Слепцова Е.В. Концепт ДОМ в русской языковой картины мира и в

- театралогии «Братья и сестры» Ф.А. Абрамова: дис. ... канд. филол. наук/ Е.В. Слепцова. – Владивосток, 2009. – 259 с.
106. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.
107. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.
108. Соловьев В.Д. Экспериментальные исследования концептов эмоций / В.Д. Соловьев // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. – М: Институт психологии РАН, 2006. – Вып. 1. – С. 173–185.
109. Солсо Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
110. Сорокин Ю.А. Лакуны и процесс моделирования образа этнической культуры в психологии / Ю.А. Сорокин // Материалы XI Всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации "Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика". – М.: Ин-т языкознания РАН, 1994. – С. 146–148.
111. Стернин И.А. Методы описания семантики слова / И.А. Стернин. – Ярославль: «Истоки», 2013. – 33 с.
112. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – 1986. – Вып.17. – С.130–150.
113. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н.И. Сукаленко. – Киев: Наукова думка, 1992. – 164 с.
114. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность /

- Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
115. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
116. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/SLOVO, 2000. – 259 с.
117. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Издательство "Индрик", 1995. – 512 с.
118. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь / В. И. Убийко. – Уфа: Башкирский государственный университет, 1998. – 232 с.
119. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 255–285.
120. Усачева А. Н. Лингвистические параметры концепта "Состояние здоровья" в современном английском языке: дис. канд. филол. наук / А.Н. Усачева. – Волгоград, 2002. – 167 с.
121. Успенский Б.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / Б.А. Успенский // Семиотика и информатика. – Вып. 11. – 1979. – С. 142–148.
122. Успенский, Б.А. Избранные труды. Том III. Общее и славянское языкознание / Б.А. Успенский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 800 с.

123. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Инст. языкознания РАН, 1998. – С. 135-170.
124. Фещенко О.А. Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Фещенко. – Новосибирск: 2005. – 21 с.
125. Фещенко О.А. Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов): дис. ... канд. филол. наук / О.А. Фещенко. – Новосибирск, 2005. – 217 с.
126. Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая А.Д. и др. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая [и др.]. – М.: Наука, 1991. – 167 с.
127. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: Издательский центр “Академия”, 2001. – 320 с.
128. Хуан Шу-ин, Крюков М.В. Древнекитайский язык / Хуан Шу-ин, Крюков М.В.. – М.: Наука, 1978. – 512 с.
129. Худяков А.А. Композиционная семантика: Когнитивный аспект / А.А. Худякова // Вопросы теории и истории романских языков. – Архангельск: АГТУ, 2005. – С. 192–204.
130. Цыкин В.А. Полуаффиксация в системе китайского словообразования / В.А. Цыкин. – Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 80–92.
131. Цыренова А.Б. О средствах реализации сценарного концепта (на материале

- английского языка) / А.Б. Цыренова // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 3 (131). – С. 18–21.
132. Черкасова И.П. Концепт «АНГЕЛ» в текстовом пространстве / И.П. Черкасова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 2. – С. 29–35.
133. Чикобава А. С. Введение в языкознание: Часть I / А.С. Чикобава. – М.: Учпедгиз, 1953. – 243 с.
134. Чулкина Н.Л. Концептосфера русской повседневности: лингвокультурологическое описание / Н.Л. Чулкина // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Концептосферы русского языка: константы и динамика изменения. – СПб.: Политехника, 2003. – С.171–180.
135. Шабес В.Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.Я. Шабес. – Ленинград, 1990. – 25 с.
136. Шарикова Л. А. Исследование сознания человека в концептологии: методика уровневого анализа концепта / Л.А. Шарикова // Языковое бытие человека и этноса: Когнитивный и психологический аспекты. – М.: МГЭИ; ИНИОН РАН; МГЛУ, 2008. - Вып. 14. – С. 277–284.
137. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 225 с.
138. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

139. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
140. Ян Фан. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира / Ян Фан // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 250–255.
141. Barsalou L.W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992a.
142. Barsalou L.W. Frames, concepts, and conceptual fields. In E. Kittay & A. Lehrer (Eds.), 1992b.
143. Boas Franz. Language. – In: "General Anthropology". – Boston, 1938.
144. Deese J. The structure of associations in language and thought. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1965.
145. Ervin-Tripp S.M., Slobin D. Psycholinguistics // Annual Review of Psychology. – 1966.
146. Gleason A. An Introduction to Descriptive Linguistics. – Toronto: Holt, Rinehart and Winston, 1961. – p. 503.
147. Lehrer, A. Identifying and Interpreting Blends : An Experimental Approach Text. / A. Lehrer // Cognitive Linguistics. 1996. – № 7(4). – P. 359-390.
148. Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P. The measurement of meaning. – Urbana, 111, 1957.
149. Osgood Ch. An Alternative To War Or Surrender. University of Illinois Press. – Urbana, 1962.
150. Rudskoger A. Fair, foul, nice, proper. A study in polysemy. – Stockholm, 1952.

151. Whorf B. L. Language, Thought and Reality (ed. J. B. Carroll). – Cambridge, MA: MIT Press, 1956.
152. 王宁 «训诂学原理» - 北京: 中国国际广播出版社, 1996. – P. 198.
Ван Нин. Принцип комментирования классических текстов / Ван Нин. – Пекин: Издательство китайского международного вещания, 1996. – 198 с.
153. 王硕 «简析词与短语的区别» 安徽文学, 2011年 第十二期. – P. 149–151.
Ван Шуо. Обзорный анализ отличий слова от словосочетания / Ван Шуо // Литература Анху. – 2011. - № 12. – С. 149–151.
154. 王洪弘 «基于认知语言学词汇演变理论的秦汉以前中医虚实概念历史考察» 博士论文 北京中医药大学, 2013年. – P. 152.
Ван Хун-хун. Историческое исследование о мнимом и реальном концептах в китайской медицине до династии Цинь Хань на основе семантической эволюционной теории когнитивной лингвистики: дис. ... канд. филол. наук / Ван Хун-хун. – Пекин, 2014. – 152 с.
155. 魏慧萍 «关于汉语字词关系的再思考» 南京师范大学校报, 2004年 № 1. – P. 135–140.
Вэй Ху-пин. Переосмысление отношений между словом и иероглифом / Вэй Ху-пин // Вестник Нанкинского педагогического университета. – 2004. – № 1. – С. 135–140.
156. 高明凯 «语法理论» - 北京: 商务印书馆, 1960. – P. 369
Гао Мин-кай. Теория грамматики / Гао Мин-кай. – Пекин: Коммерческое издательство, 1960. – 369 с.

157. 葛本仪 《汉语词汇研究》-济南: 山东教育出版社, 1985. – P. 324.
- Гэ Вэнь-и. Исследование китайской лексики / Гэ Вэнь-и. – Цзинань: Пресс Шаньдунского образования, 1985. – 324 с.
158. 管春林 《字本位与词本位教学方法结合》暨南大学华文学院学报, 2008 年第二期. – P. 25–30.
- Гуан Чун-лин. Метод обучения сочетания теории «иероглиф в центре» с теорией «слово в центре» / Гуан Чун-лин // Вестник Хуавэньского института Цзинаньского университета. – 2008. – Вып. 2. – С. 25–30.
159. 关雪 《认知语言视角下‘离骚’中的概念隐喻研究》语言学博士论文 广西师范大学, 2014 年. – P. 187.
- Гуань Сюй. Исследование концептуальных метафор в «Лисао»: дис. ... канд. филол. наук. наук / Гуань Сюй. – Гуан Си, 2014. – 187 с.
160. 邓玉环 《房子: 人类生存的一种文化隐喻》中国社科院研究生学报, 2005 年第 5 期. - P. 85-89.
- Дэй Юй-хуань. Дом: культурная метафора выживания человечества / Дэй Юй-хуань // Вестник КАОН (Китайская академия общественных наук). – 2005. – № 5. – С. 85–89.
161. 雅克·德里达 《论文字学》-上海: 上海译文出版社, 1999. – P. 459.
- Жак Деррида. Очерк грамматиологии: пер. с франц. / Жак Деррида. – Шанхай: Издательство Шанхайского перевода, 1999. – 459 с.
162. 老子 《道德经》. - 北京: 新世界出版社, 2011. – P. 437.
- Лао-цзы. Дао дэ цзин / Лао-цзы. – Пекин: Издательство «Новый мир», 2011. –

437 с.

163. 李大遂 «汉字的系统性与汉字认知» 暨南大学院报 2006 年第一期 – P. 13–21.

Ли Да-суй. Системность китайского письма и восприятие иероглифа / Ли Да-суй // Вестник Цзинаньского университета. – 2006. – Вып. 01. – С. 13–21.

164. 李瑞华 «英汉语言文化对比研究» 上海外语教育出版社, 1996 年. – P. 691

Ли Жуй-хуа. Сопоставительное исследование английской и китайской языковых культур / Ли Жуй-хуа. – Шанхай: Шанхайское издательство обучения иностранным языкам, 1996. – 691 с.

165. 李晓文 «从认知语言学视角研究 Dao (道/way)的多义性及其拓展的语义概念形成» 博士论文 上海外国语大学, 2012 年. – P. 173.

Ли Сяо-вэнь. Исследование многозначности и формирования семантического концепта «道/путы» в аспекте когнитивной лингвистики: дис. ... канд. филол. наук / Ли Сяо-вэнь. – Шанхай, 2012. – 193 с.

166. 黎锦熙 «汉语构词法和词表研究» 北京师范大学学报社会科学版, 1959 (5). – P. 83-104.

Ли Цзинь-си. Исследование словообразования китайского языка и списка слов / Ли Цзинь-си // Вестник Пекинского педагогического университета: научная серия. – 1959. – Вып. 5. – С. 83–104.

167. 李宇明 «汉语语法本位论评» 世界汉语教学, 1997 年第一期. – P. 18–25.

Ли Юй-мин. Обзор о центре в китайской грамматике / Ли Юй-мин // Обучение китайскому языку в мире. – 1997. – Вып. 1. – С. 18–25.

168. 林佑益 «基于认知心理语言的五行概念隐喻研究» 博士论文 北京中医药大学, 2012 年. – P. 194.

Лин Юй-и. Исследование концептуальной метафоры об учении пяти элементов на основе когнитивной психологической лингвистики: дис. ... канд. филол. наук / Лин Юй-и. – Пекин, 2012. – 194 с.

169. 吕叔湘 «语文常谈» 三联书店, 1963, 1980 年重印. – P. 222.

Люй Шу-сян. Рассуждение о филологии / Люй Шу-сян. – Пекин: Издательство Сан-лянь, 1963, 1980. – 222 с.

170. 马新军 «从汉字的形, 音, 义关系谈汉字的特点» 语言与翻译, 2006 年, № 4 (88). – P. 38–42.

Ма Синь-цзюнь. Из образа, произношения и значения: обсуждение особенностей китайского иероглифа / Ма Синь-цзюнь // Язык и переводы. – № 4 (88). – 2006. – С. 38–42.

171. 潘文国 «汉英语对比纲要» 北京语言文化大学出版社, 1997 年. – P. 436

Пан Вэнь-гуо. Очерк сопоставления китайского и английского языков / Пан Вэнь-гуо. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1997. – 436 с.

172. 彭泽润 «字和词的可比性及相关问题的认知错觉» 当代语言学, 第 16 卷 2014 年. – P. 62–71.

Пэн Цзэ-жунь. Сопоставимость иероглифа со словом и некоторые сознательные иллюзии о связанных вопросах / Пэн Цзэ Жунь // Современная лингвистика. – 2014. – Вып. 16. – С. 62–71.

173. 邢福义 《现代汉语》 高等教育出版社, 1991 年. - P. 545.
Син Фу-и. Современный китайский язык / Син Фу-и. – Пекин: Издательство высшего образования, 1991. – 545 с.
174. 费尔迪南 德 索绪尔 《普通语言学教程北京》 商务印书馆, 1980. - P. 333.
Соссюр Ф.Д. Курс общей лингвистики / Ф.Д. Соссюр. – Пекин: Коммерческое издательство, 1980. – 333 с.
175. 苏培成 《现代汉字的部件切分》 哲学与人文科学, 1995 (03). – P. 52–55.
Су Пэй-чэн. Сегментация частей современных китайских иероглифов / Су Пэй-чэн // Философия и гуманитарная наука. –1995. – № 03. – С. 52–55.
176. 孙常叙 《汉语词汇》 -长春: 吉林人民出版社, 1956 年. – P. 493.
Сунь Чан-сюй. Китайская лексика / Сунь Чан-сюй. – Чаньчунь: Цзилиньское народное издательство, 1956. – 493 с.
177. 徐通锵 《“字”和汉语研究的方法论》 世界汉语教学, 1994. 第 3 期.
Сюй Тун-цянь. Методология иероглифов и исследования китайского языка / Сюй Тун-цянь // Мировое образование китайского языка. – 1994. – № 3.
178. 徐通锵 《说字》 语文研究, 1998 - № 3 (68). – P. 1–12
Сюй Тун-цянь. Исследование иероглифов / Сюй Тун-цянь // Филологическое исследование. -1998. - № 3 (68). – С. 1–12.
179. 徐世璇 《汉藏语言的派生词构词方式分析》 民族语文, 1999 (4). - P. 22-32.
Сюй Ши-суан. Анализ способов словообразования в китайском языке / Сюй Ши-суан // Национальная филология. – 1999. –Вып. 4. – С. 22–32.
180. 徐枢 《语法研究和语言应用》 语文建设, 1987 (3). – P. 21-22.

- Сюй Шу. Исследование грамматики и практическая лингвистика / Сюй Шу // Строительство филологии. – 1987. – № 3. – С. 21–22.
181. 夏学胜 «合体字的派生与字干, 字缀的分化» 长江大学学报, 第 38 卷 第一期 2015 年 – P. 81–83.
- Ся Сюй-шэн. Деривация сложных иероглифов и дифференциация корня и аффикса / Ся Сюй-шэн // Вестник Чанцзянского университета. – 2015. – Вып. 38. – № 1. – С. 81–83.
182. 肖燕 «时间的概念化及其语表特征» 博士论文 西南大学, 2012 年 – P.
- Сяо Янь. Концепт ВРЕМЯ и выражающие его лингвистические признаки: дис. ... канд. филол. наук / Сяо Янь. – Чонцзин, 2012. – 187 с.
183. 唐兰 «中国文字学» 上海世纪出版社, 2005 年. – P. 155.
- Тан Лан. Китайская иероглифика / Тан Лан. – Шанхай: Издательство Шанхайского Века, 2005. – 155 с.
184. 帕默 «语法» 上海译文出版, 1971. – P. 215
- Палмер Ф.Р. Грамматика /Ф.Р. Палмер. – Шанхай: Шанхайское переводное издательство, 1971. – 215 с.
185. 陈光磊 «汉语功能词类说» 上海大学学报, 1996 年第一期. - P. 27-33
- Чэн Гуань-лы. Учение о частях речи в китайском языке / Чэн Гуань-лы // Вестник Шанхайского университета. – 1996. – № 1. – С. 27–33.
186. 张斌 «简明现代汉语» 复旦大学出版社, 2011. – P. 422.
- Чжан Вин. Современный краткий китайский язык / Чжан Вин. – Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2011. – 422 с.

187. 张永言 《词汇学简论》 华中工学院出版, 1982. – Р. 133.

Чжан Йюнь-янь. Краткий комментарий к лексике / Чжан Йюнь-янь. – Ухань: Издательство технологического института в центре Китая, 1982. – 133 с.

188. 章士钊 《中等国文典》 - 上海: 商务印书馆, 1925 年. – Р. 302.

Чжан Ши-чжао. Грамматика китайского языка для среднего уровня / Чжан Ши-чжао. – Пекин: Коммерческое издательство, 1925. – 302 с.

189. 张世禄 《汉语词类》 -北京: 商务印书馆, 1937 年. – Р. 256.

Чжан Ши-лу. Части речи китайского языка / Чжан Ши-лу. –Пекин: Коммерческое Издательство. – 256 с.

190. 占勇 《现代汉语词组的再思考》 温州大学学报, 2009 22 期 (3). – Р. 66-71.

Чжань Июн. Второе размышление об аффиксах современного китайского языка / Чжань Июн // Вестник Вэнчжоуского университета. – 2009. – Вып. 22 (3). – С. 66–71.

191. 赵鑫珊 《简直是首哲理诗》， 百花文艺出版社, 1998 年版. – Р. 253.

Чжао Синь-шань. Дом – философское стихотворение / Чжао Синь-шань. Издательство литературы и искусства всех цветов, 1998. – 253с.

192. 赵志坚 《中国传统哲学观点对居住文化的影响》 大众文艺, 2012 (22). – Р. 23–28.

Чжао Чжи-диан. Влияние китайской традиционной философии на культуру обитания / Чжао Чжи-диан // Массовая литература и искусство. – Пекин: 2012. – № 22. – С. 23–28.

193. 赵元任 《汉语口语语法》 北京: 商务印书馆, 1979. – Р. 380.

- Чжао Юань-жэн. Китайская грамматика разговорной речи / Чжао Юань-жэн. – Пекин: Коммерческое издательство, 1979. – 380 с.
194. 赵秋野 «试论语言意识的民族文化特点» 外语学刊, 2003 (3). – P. 69-72.
- Чжао Чу-иэ. Рассуждение о национальной культурной специфике в языковом сознании / Чжао Чу-ие // Публикация по иностранному языку. – 2003. – № 3. – С. 69–72.
195. 周荐 «汉语词汇结构论» -北京: 商务印书馆, 2004. – P. 458.
- Чжоу Цзин. Теории китайской лексической структуры / Чжоу Цзин. – Пекин: Коммерческое издательство, 2004. – 458 с.
196. 周祖谟 «汉语词汇讲话» -北京: 外语教学与研究出版社, 1958 年 – P. 88.
- Чжоу Цу-мо. Обзор китайской лексики / Чжоу Цу-мо. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 1958. – 88 с.
197. 朱亚同 «英汉合体字造字方法对比分析» 淮阳师范学院学报, 2002 年 06 期 – P. 821–823.
198. 裘锡圭 «40 年来文字学研究的回顾» 语文建设, 1989 年 03. – P. 4-12.
- Чу Си-гуй. Исследование иероглифики в течении 40 лет / Чу Си-гуй // Лингвистическое строительство. – 1989. – № 03. – С. 4–12.
199. 霍盖特 «语言的各种单位及其关系» 语言学资料, 1961 年第一期. - P. 28-39.
- Хоккет Ч.Ф. Разные единицы языка и их отношения / Ч.Ф. Хоккет // Материал лингвистики. – 1961. – Вып. 1. – С. 28–39.
200. 金晶银 «韩汉情感概念隐喻对比研究 – 以喜怒哀惧为预料» 博士论文 中

央民族大学, 2012 年. – P. 176.

Цзинь Цзи-инь. Сопоставительное исследование китайских и корейских эмоциональных концептов: дис. ... канд. филол. наук / Цзинь Цзи-инь. – Пекин, 2012. – 176 с.

201. 曹伯韩 «语文问题评论集» -北京: 东方出版社, 1954. - P. 174.

Цао Бо-хань. Обзорный комментарий к филологическим вопросам / Цао Бо-хань. – Пекин: Издательство Востока, 1954. – 174 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / З.Д. Александрова. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
2. Булыко А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Булыко. – М.: «Харвест», 2007. – 448 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989 – 1991.
4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 736 с.
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
6. Елистратов В.С. Словарь русского аргю: Материалы 1980-1990 гг. / В.С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. Т. I: А-О. – 1209 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. I. – 784 с.
9. Копалинский В. Словарь символов / В. Копалинский. – Калининград: Янтарный сказ, 2002. – 264 с.
10. КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов // Под общей редакцией Е.С.

- Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 197 с.
11. Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
12. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: «Норинт», 2000. – 720 с.
13. НОССРЯ: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской литературы», 1999. – 552 с.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО « А ТЕМП», 2007. – 944 с.
16. Прядохин М.Г., Прядохина Л.И. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка / М.Г. Прядохин, Л.И. Прядохина. – 2-е изд. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 218 с.
17. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.
18. РПИП: Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.

19. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 1 (А-К) / И.И. Срезневский. – СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1983. – 1469 с.
20. ССРЯ: Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 656 с.
21. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
22. ТСРЯ: Толковый словарь русского языка. Т. I. / Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 848 с.
23. ТСРЯ: Толковый словарь русского языка. Т. IV. / Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 752 с.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
25. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
26. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
27. ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
28. Большой китайско-русский словарь [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info> (дата обращения 21. 02. 2016)

29. 100 年汉语新词新语大辞典 / 主编: 宋子然。上海辞书出版社, 2014. – 1899 p.
- КБС: Китайский большой словарь новых слов и выражений на сто лет / под общ. ред. Сонь Цзы-жан. – Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2014. – Т. 3. – 1899 с.
30. 王力题 中国成语大辞典 上海辞书出版社, 1987. – 1882 p.
- Ван Ли Ти. Большой словарь чэньюев китайского языка / Ван Ли Ти. – Шанхай: Шанхайское издательство «Словарь», 1987. – 1882 с.
31. 新华字典 人民教育出版社, 2011. – 1668 p.
- ССИ: Синьхуа словарь иероглифов. – Пекин: Коммерческое издательство, 2013. – 711 с.
32. 古代汉语词典 –北京: 商务印书馆, 2014. –1990 p.
- СДКЯ: Словарь древнего китайского языка / Под общ. ред. Чжан Шуан-ли. – Пекин: Коммерческое издательство, 2014. – 1990 с.
33. 温端政 新华惯用语词典 商务印书馆 2007. – 571 p.
- Вэнь Дуань-чжэн. Словарь устойчивых выражении современного китайского языка / Вэнь Дуань-чжэн. –Пекин: Коммерческое издательство, 2007. – 571 с.
34. 现代汉语字词典 责任编辑 范丽君 四川辞书出版社 2015. – 908 p.
- ССИИСКЯ: Словарь слов и иероглифов современного китайского языка / под общ. ред. Фан Ли-цзюнь. – Сычуан: Сычуанское издательство словарей, 2015. – 908 с.
35. 象形字典 责任编辑 海恩 <http://interpret.me/library.php?pidgin> 2016 年 7 月

27 日

Словарь пиктограмм [Электронный ресурс] / Под редакцией Хэ эн. – Режим доступа: <http://www.vividict.com/News.aspx?classid=173> (дата обращения 27. 07. 2016)

36. 许慎 说文解字 中华书局, 2013. – 444 p.

Сюй Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных иероглифов (Шовэнь цзецзы) / Сюй Шэнь. – Пекин: Книгоиздательство Китая, 2013. – 444 с.

37. 夏仲毅 俄汉字典 商务出版社 2004 年 – 1250 p.

Ся Чжунъи. Китайско-русский словарь / Ся Чжунъи. – Пекин: Коммерческое издательство, 2004. – 1250 с.